

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 4 • Том 65 • 2024 • ИЮЛЬ–АВГУСТ

Издательство Московского университета
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Белоусов Л.С. Юбилей исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.	3
Матасова Т.А. Можно ли укротить море? Образ бурной морской стихии в памятниках русской книжности и народном сознании (XIII–XVIII вв.).	16
Морозан В.В. Образование Кишиневской и Хотинской епархии (1813)	39
Омельяничук И.В. О причинах популярности монархических идей на Волыни в начале XX в.	57
Карагодин А.В. Дачный «поселок интеллигентных тружеников» Батилиман на Южном берегу Крыма в начале XX в.	77
Ерошкина О.Н., Зотова А.В. Ленинская концепция мировой социалистической революции и интернациональное воспитание студентов в советских педагогических вузах в 1920–1930-е гг.	102
Кузьмичева А.Е. «Мы имеем дело с весьма определенным поворотом в политике Польши»: реакция СССР на «новый курс» Варшавы в свете визита Ю. Бека в Москву в 1934 г.	123
Манькин А.С., Сетов Р.А., Соловьев С.В. Новое измерение «холодной войны»: американские проекты милитаризации космоса (1957–1963)	143
Минкова К.В. «Путь к мировой экономике изобилия» и преидентство Л. Джонсона.	167
Юденкова Т.В. Коллекция И.А. Морозова: русский контекст и пути русского искусства	177

CONTENTS

Belousov L.S. The Jubilee of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University	3
Matasova T.A. Is it Possible to Tame the Sea? The Image of a Stormy Sea in the Monuments of Russian Literature and Popular Consciousness from the 13th through the 18th Centuries	16
Morozan V.V. Formation of the Diocese of Chişinău and Khotyn (1813)	39
Omeliyanchuk I.V. On the Reasons for the Popularity of Monarchical Ideas in Volhynia in the Early 20th Century	57
Karagodin A.V. Batiliman, the Dacha “Settlement of Intelligent Labourers” on the Southern Coast of Crimea at the Early 20th Century.	77
Eroshkina O.N., Zotova A.V. Lenin’s Concept of World Socialist Revolution and International Education of Students in Soviet Pedagogical High Schools in the 1920s and 1930s	102
Kuzmicheva A.E. “We Are Dealing with a Very Definite Turn in Polish Policy”: the USSR’s Reaction to Warsaw’s “New Track” in the Light of J. Beck’s Visit to Moscow in 1934	123
Manykin A.S., Setov R.A., Solov’ev S.V. New Dimension of the Cold War: American Military Space Projects (1957–1963)	143
Minkova K.V. “A Path to a World Economy of Abundance” and L. Johnson’s Presidency.	167
Yudenkova T.V. I.A. Morozov’s Art Collection: the Russian Context and the Ways of Russian Art	177

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-3-15

Л.С. Белоусов

**ЮБИЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

L.S. Belousov

**THE JUBILEE OF THE FACULTY OF HISTORY
OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY**

Аннотация. Статья приурочена к двум юбилеям — 90-летию исторического факультета Московского университета (2024 г.) и 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова (2025 г.). Она посвящена ключевым проблемам подготовки историков на историческом факультете МГУ. Рассматривается комплекс проблем, связанных с переходом на новую систему образования, которая будет вводиться вместо просуществовавшей почти полтора десятилетия двухступенчатой модели, состоящей из бакалавриата и магистратуры. Новая система будет представлять собой развитие реализуемой в МГУ программы интегрированной магистратуры, что доказывает правильность взятого в свое время в университете курса на полный цикл и непрерывность получения высшего образования. Уделяется внимание предстоящей реформе подготовки научных кадров в аспирантуре и в рамках института соискательства. Рассматриваются результаты введения в Московском университете системы собственных диссертационных советов, акцентируются их преимущества по сравнению с диссертационными советами Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования России, указываются способы разрешения возникающих в связи с их деятельностью проблем. Рассказывается об издательской программе факультета в рамках серии «Труды исторического факультета МГУ», об издаваемых факультетом научных журналах. Дается подробный обзор работы факультета и его сотрудников в рамках научно-образовательной

Белоусов Лев Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования, исполняющий обязанности декана и заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ректор Российского международного олимпийского университета

Belousov Lev Sergeevich, Doctor in History, Professor; Full Member, Russian Academy of Education; Acting Dean, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Head, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Rector, Russian International Olympic University

lbelousov@olympicuniversity.ru

ORCID: 0000-0002-0567-3912

школы МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия». Отмечается, что факультет участвует во всех формах работы школы — в реализации межфакультетских междисциплинарных магистерских программ и в научных исследованиях в рамках грантов (около 40 сотрудников факультета стали их получателями по профилям деятельности школ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и «Фундаментальные и прикладные исследования космоса»). Сотрудники и учащиеся исторического факультета много сделали и делают для реализации стратегического проекта Московского университета — «Золотой фонд МГУ», — связанного с изучением и описанием имеющихся в университете уникальных коллекций, а также с изданием их каталогов. Приводится информация о работе факультета по подготовке к празднованию 270-летия Московского университета.

Ключевые слова: исторический факультет МГУ, высшее историческое образование, 90-летие исторического факультета МГУ, подготовка профессиональных историков, научно-образовательные школы МГУ, 270-летие Московского университета.

Abstract. The article is timed to coincide with two jubilees: the 90th anniversary of the Faculty of History of Moscow University (2024) and the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University (2025). It covers the fundamental issues of the training of historians at the Faculty of History of Moscow State University. A number of problems related to the transition to a new system of education is concerned, which will be introduced instead of the two-tier model of bachelor's and master's degrees that has existed for almost a decade and a half. It is noted that the new system will be a development of the integrated master's program implemented at MSU, which proves the correctness of the course taken at the university for a full cycle and continuity of higher education. The author also gives due consideration to the impending reform of the training of scientific personnel in postgraduate studies and within the framework of the procedure for obtaining a PhD candidate degree without enrolment in a doctoral program. He considers the results of the introduction of the system of own doctoral examining boards at MSU, emphasizing its advantages in comparison with the system of doctoral examining boards of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, and highlighting the ways of solving the problems arising in connection with their activity. The publication program of the Faculty, as part of the series "Proceedings of the Faculty of History of MSU" is described, and the scientific journals published by the Faculty are also presented. The work of the Faculty and its employees within the framework of the MSU Scientific and Educational School "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage" is presented in detail. It is noteworthy that the Faculty actively engages in all aspects of the School's endeavors, including the implementation of interdepartmental and interdisciplinary master's programs, as well as scientific research within the framework of grants. Approximately 40 faculty members have been selected as recipients of these grants within the School's domains of activity, namely "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage" and "Fundamental and Applied Space Research". The staff and students of the Faculty of History have contributed significantly to the implementation of

Moscow State University's strategic project, "The Golden Fund of MSU", which focuses on the study and description of unique collections held by the University, as well as the publication of their catalogues. The article provides information on the faculty's contributions to the preparations for the 270th anniversary of Moscow University.

Keywords: Faculty of History of MSU, higher historical education, 90th anniversary of the MSU Faculty of History, training of professional historians, scientific and educational schools at MSU, 270th anniversary of Moscow University.

* * *

2024 год — особый в истории нашего факультета. Во-первых, потому что истфаку исполняется 90 лет; во-вторых, потому что завершается подготовка к другой, более важной дате — 270-летию Московского государственного университета.

Мы всегда отмечали круглые даты со дня воссоздания истфака в 1934 г.: вспоминали значимые вехи его истории, подытоживали учебные и научные результаты работы коллектива, отмечали достижения наших выпускников, публиковали специальные издания — энциклопедии, летописи, иллюстрированные буклеты, — в которых отражался пройденный факультетом путь с предвоенных лет и до того или иного юбилея. Празднование дней рождения истфака стало доброй традицией, а подготовленные к подобным событиям материалы содержали обстоятельную информацию, по большей части актуальную и по сей день.

Однако юбилей — это не только и не столько повод оглянуться в прошлое, сколько возможность осмыслить настоящее и взглянуть в будущее.

Начну с главного, с того, ради чего вообще существует университет и высшее образование, — с учебы, с подготовки будущих профессионалов, исследователей и учителей истории. В прошедшее десятилетие мы освоились с болонской системой преподавания по формуле «четыре плюс два». В 2015 г. факультет впервые выпустил бакалавров, а в 2017 г. — магистров. Нам удалось разобраться с особенностями этой двухступенчатой системы и адаптировать ее к специфике нашей области знания. Главная проблема, которая остается на сегодняшний день нерешенной, — неоригинальна, она в той или иной степени присуща всем высшим учебным заведениям нашей страны, которые на протяжении десятилетий готовили специалистов. Она заключается в необходимости более рационального и эффективного использования дополнительного, шестого, года, которое не сводилось бы к повторению уже изученного или к неоправданному наращиванию общих непрофильных знаний как

бы «для общего развития». В этом смысле магистратура нуждается в основательном совершенствовании, тем более что западная модель, в которой бакалавриат считается уже высшим образованием со всеми вытекающими отсюда последствиями для трудоустройства, у нас не прижилась, и работодатели считают высшим образованием только «шестилетку». Поэтому исключительно важно, что в Московском университете при переходе на болонскую систему была изначально сделана ставка на подготовку интегрированных магистров. Такую траекторию выбирают большинство студентов МГУ, и нашего факультета в том числе. Можно назвать лишь один очевидный плюс разделения высшего образования на два этапа: мы можем быть привлекательными нашей магистратурой для выпускников других вузов, причем не только с профильным историческим образованием. По целому ряду магистерских программ мы имеем устойчивый процент «внешних» поступающих. В этой связи уместно назвать первую и до сих пор единственную в своем роде магистерскую программу двойного диплома «История белорусской диаспоры», реализуемую истфаками МГУ и БГУ, а также межфакультетские магистерские программы.

Поиск новых, более эффективных и привлекательных для обучения форм и направлений подготовки на факультете не прекращался никогда. Одним из индикаторов результатов этой деятельности является конкурс среди абитуриентов. В юбилейный год общefaкультетский конкурс существенно вырос за счет трансформации отделения истории международных отношений, на котором он превысил 30 человек на место. Этот показатель отражает динамику роста интереса общества к истории в целом и к роли России в мировом историческом процессе в частности.

Переход на новый этап развития высшей школы, начавшийся в нашей стране в текущем году, предполагает введение базового высшего и специализированного высшего образования, то есть подразумевает не дробление и обособление уровней подготовки, как в болонской системе, а их интеграцию и укрупнение, а значит — в чем-то повторяет нашу интегрированную магистратуру. Поэтому изначально ставка МГУ на непрерывность и полный цикл обучения оказалась оправданной и доказала свою безальтернативность.

Применительно к историческому образованию это можно утверждать наверняка. При нашей, доказавшей свою эффективность линейной системе освоения исторического знания четырехлетний цикл обучения позволяет студенту составить емкое представление об истории человечества в целом и сделать выбор того или иного периода и страны для углубленного изучения. Этому способствуют

специальные курсы на третьем и четвертом годах обучения и ранний выбор научного руководителя. Последний, пятый год обучения дает возможность студенту полностью погрузиться в исследовательскую работу и написать диплом, который по своим параметрам может лишь немного уступать кандидатской диссертации (разумеется, речь идет о сильных, мотивированных студентах). При таком подходе уже через пять лет мы получаем профессиональных историков, потребность в которых растет с каждым днем. Более того, специалитет вооружает студентов необходимыми компетенциями для предстоящей научной работы и «экономит» целый год. Таким образом, завершение пятилетнего образования открывает прямой путь в аспирантуру, минуя уровень магистратуры. Подчеркнем еще раз: для истфака это оптимальная модель подготовки специалистов. Коллектив факультета придерживается именно такого мнения, которое неоднократно высказывалось в ходе профессорских собраний. Вот уж действительно, «всё новое — это хорошо забытое старое».

Аспирантура также претерпела существенные изменения за прошедшее десятилетие, описав схожую траекторию развития — от привнесенных новаций к проверенной временем модели. Эти годы оказались очень важными для придания нашей системе подготовки научных кадров правильного вектора развития. Введение болонской системы автоматически превратило аспирантуру в еще одну образовательную ступень. Из этого следовало, что главным ее содержанием становились учеба и получение по окончании соответствующего сертификата, а не подготовка кандидатской диссертации и ее защита — последнее вообще выводилось за скобки аспирантуры. Московский университет был вынужден принять такую установку, но продолжал последовательно отстаивать прежде всего научно-исследовательский характер послевузовской подготовки, ее приоритетную нацеленность на написание диссертации. В итоге голос МГУ, и в принципе всех научных и образовательных учреждений, занимающихся подготовкой аспирантов, был услышан. Образовательный компонент аспирантуры сократился, за счет этого увеличилось время для работы над диссертацией. Окончание аспирантуры — это теперь снова обсуждение диссертации, а не защита какой-то невнятной «научно-квалификационной работы».

Определенные трудности для аспирантов вызвало сокращение списка журналов для размещения в них статей по теме диссертации, увеличение количества необходимых публикаций и усложнение требований к ним. О необходимости корректировки подхода к набору условий для представления соискателями научных степеней своих

работ в диссоветы неоднократно заявляли ведущие ученые-гуманитарии¹. Руководство университета с пониманием отнеслось к тому, что аспирантам гуманитарного профиля неизмеримо сложнее напечататься в высокорейтинговых изданиях, даже в соавторстве с научными руководителями, нежели тем, кто занимается точными и естественными науками. Нам пошла навстречу, появился дополнительный список МГУ, представляющий собой выборку из списка ВАК. В итоге удалось выработать оптимальную схему обеспечения публикационной активности аспирантов с учетом того, что в силу существующей у нас исследовательской традиции статьи, написанные аспирантом в соавторстве с научным руководителем, — это, скорее, исключение, а не правило, как в точных и естественных науках. Таким образом, за последние годы для наших аспирантов была создана вполне приемлемая рабочая инфраструктура, и ныне успешное написание кандидатской диссертации, как и прежде, зависит сугубо от них самих.

В связи с диссертациями уместно сказать и об изменениях, произошедших с диссертационными советами. С 2016 г. Московский государственный университет имеет право формировать собственные диссоветы, защита в которых не предполагает последующего утверждения ее результатов в ВАК. Такая возможность свидетельствует о высоком авторитете МГУ. Несмотря на то, что аналогичное право получили многие российские вузы, важно подчеркнуть, что Московский и Санкт-Петербургский университеты были первыми, кому была предоставлена возможность присваивать ученые степени без ВАК. Мы создали диссоветы по всем научным специальностям, по которым осуществляется подготовка студентов и аспирантов: по отечественной и всеобщей истории, по историографии, источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам, по археологии, этнологии, антропологии и этнографии, по видам искусства. Создание собственных диссоветов привело к повышению планки требований к соискателям кандидатских и докторских степеней и по количеству публикаций (для кандидатских), и по изданиям, в которых они должны быть опубликованы (для кандидатских и докторских). Данное обстоятельство — на пользу защищающемуся, так как делает апробацию его работы более фундированной.

Еще одна положительная сторона наличия у МГУ собственных диссоветов — то, что в них проходит гораздо меньше, чем в диссоветах ВАК, времени от подачи документов на защиту до получения

---

¹ См., например: *Карпов С.П.* Размышления о понимании истории и проблемах исторического образования. М., 2019. С. 26.

диплома научной степени. Замена отзыва ведущей организации отзывом третьего оппонента также заметно облегчает организацию защиты диссертации, так как в настоящее время гораздо легче найти специалиста с надлежащей публикационной активностью, чем организацию с необходимым количеством статей ее сотрудников по требуемой проблематике. Объединение в рамках одного диссовета представителей разных факультетов МГУ способствует укреплению научного сотрудничества между ними. Хотя и в этом вопросе остаются затруднения, которые предстоит преодолеть. Так, в частности, необходимо откорректировать требования к публикационной активности членов диссоветов: гуманитарии, в отличие от представителей точных и естественных наук, как правило, выпускают индивидуальные и коллективные монографии, которые можно было бы засчитывать в определенной пропорции за публикации в высокорейтинговых изданиях. У историков научная работа сугубо индивидуальная, особенно когда речь идет о статьях. В отличие от наших коллег с естественных факультетов, у которых получение научного результата в виде статьи зачастую является результатом коллективных усилий, у гуманитариев в силу специфики материала исследований это по большей части плод индивидуальной деятельности. Поэтому уравнивать требования по количеству статей для членов диссоветов по гуманитарным и естественнонаучным специальностям не вполне корректно.

Серьезных результатов факультет достиг в научной работе. Мы регулярно выпускаем книги в издающейся с 1998 г. серии «Труды исторического факультета МГУ». К настоящему времени в ней опубликовано более 250 книг, причем почти 200 из них — за последние десять лет. В эти же годы был разработан дизайн серии, и большинство факультетских книг теперь выходит в типовой обложке. Истфак давно и эффективно сотрудничает с санкт-петербургским издательством «Алетейя», в котором вышла основная часть «Трудов». Они распределяются по четырем сериям, определенным еще в конце 1990-х гг. Это комментированные публикации исторических источников, исследования, учебные пособия и библиографические издания. Самая многочисленная серия — научные исследования. В ней выходят фундаментальные индивидуальные и коллективные монографии состоявшихся и известных авторов, а также первые «пробы пера» молодых сотрудников, доработавших свои кандидатские диссертации.

Немалую долю научной продукции факультета составляют сборники статей научных конференций и круглых столов, разовых и периодически собираемых. Во второй половине 2010-х гг. в «Трудах»

стали издаваться коллективные монографии, посвященные истории кафедр и лабораторий истфака. Это начинание способствует сохранению и передаче новым поколениям истфаковцев живой нити традиции и памяти о выдающихся ученых и преподавателях факультета². По договоренности с издательством «Алетейя» некоторые из учебных пособий выставлены в полнотекстовом формате на факультетском сайте, что делает их доступными для студентов и преподавателей. Отдельные издания «Трудов исторического факультета МГУ» пользуются спросом на российском рынке книжной продукции и выдержали несколько переизданий. Важной особенностью нашей издательской программы является ее оперативность: выпустить за 10 лет такое количество книг получилось во многом благодаря тому, что после утверждения рукописи к публикации нашим Ученым советом собственно издательская подготовка и печать проходят очень быстро, в среднем — за месяц-полтора, а в отдельных случаях вообще за несколько дней. В этом немалая заслуга нашего давнего партнера — издательства «Алетейя».

Важные перемены произошли после 2014 г. и с нашей научной периодикой. «Вестник Московского университета. Серия 8. История» стал высокорейтинговым изданием. Он вошел в список RSCI и в ядро РИНЦ. По новой градации Перечня ВАК он находится во втором квартиле. Журнал поступательно наращивает цитируемость публикуемых статей. Кроме того, у факультета появилось еще два новых издания — «Исторический журнал: научные исследования» (входит в дополнительный список МГУ для публикации научных результатов диссертаций) и «Исторические Исследования».

Осенью 2020 г. открылась новая страница в истории МГУ: были созданы 7 научно-образовательных междисциплинарных школ, каждая из которых объединяет несколько факультетов и иных подразделений университета. Истфак является ключевой структурой школы «Сохранение мирового культурно-исторического наследия». Деятельность научно-образовательных школ осуществляется по двум

---

² Труды кафедры древних языков. Вып. V. Кафедре древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — 80 лет / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2018; Традиции изучения культуры в Московском университете: лаборатория изучения культуры / Под общ. ред. Л.В. Кошман. М.; СПб., 2019; Кафедра новой и новейшей истории: люди и традиции / Под общ. ред. Л.С. Белоусова. СПб., 2020; Традиции и новации преподавания источниковедения, историографии и методов исторических исследований. К 70-летию кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и 100-летию со дня рождения академика И.Д. Ковальченко (1923–2023) / Под ред. проф. А.Г. Голикова. СПб., 2023; Сквозь годы и поколения. К 85-летию кафедры этнологии исторического факультета Московского университета / Отв. ред. Т.Д. Соловей, О.Е. Казьмина, М.Н. Бахматова. М., 2024.

направлениям — научная работа и преподавание. В 2023 г. в целях поддержки научной работы для участников школ были учреждены специальные гранты МГУ, и около 40 сотрудников истфака стали их получателями по профилям деятельности школ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и «Фундаментальные и прикладные исследования космоса».

Школы открыты для подключения к их работе сотрудников университета, предлагающих междисциплинарные исследования актуальных научных проблем. Любой временный межфакультетский коллектив вправе претендовать на получение гранта МГУ, и такие заявки поступают. К примеру, кафедра этнологии работает над предложением о создании Антропологической школы МГУ совместно с факультетом психологии, биологическим факультетом, НИИ и Музеем антропологии МГУ. Основным направлением исследований школы могло бы стать изучение феномена историко-культурного наследия, биологической истории и адаптивного поведения человечества в рамках современных исследований населения, материальной культуры, ископаемых останков и музейной антропологии.

Еще более амбициозные планы вынашивают наши археологи — создание Музея археологии Московского университета в качестве ведомственного музея в системе Министерства культуры РФ. В этом случае все находки факультетских археологов, включая наиболее ценные, оставались бы в стенах Alma Mater, что могло бы усилить глобальную конкурентоспособность МГУ, имея в виду, что в рейтинге The QS World University Rankings by Subject наш университет вошел во вторую полусотню (51–100) университетов мира по показателю «археология».

Говоря о налаживании межфакультетских связей, нельзя не упомянуть об активно развивающемся в МГУ междисциплинарном центре (кластере) по виртуальной реальности (VR), в работе которого активное и весьма продуктивное участие принимают наши коллеги с кафедры исторической информатики. В основе их деятельности — виртуальная реконструкция историко-культурного наследия России. В условиях тотальной цифровизации жизни общества это научно-просветительское направление приобретает особую значимость.

Преподавательская работа коллег, участвующих в деятельности междисциплинарных школ, заключается в чтении курсов и научном руководстве в рамках межфакультетских магистерских программ. Преподаватели исторического факультета вовлечены в три такие программы: «Историко-политическая конфликтология», «Модели структурно-семантического анализа языков и культур коренных

народов России» и «Моделирование социокультурных процессов». Главный итог почти четырехлетнего опыта работы школ заключается в том, что мы лучше узнали своих коллег с других факультетов, наладили с ними более тесное сотрудничество. Практическим результатом стали совместные публикации и научные мероприятия, обязывающие нас не застаиваться, неустанно повышать свою квалификацию, узнавать новое и делиться научными результатами и инновационными методами исследования с коллегами и учениками. Появление научно-образовательных школ не означает «застоя» в сугубо факультетской научной жизни, в нашем случае — в области истории. Напротив, наработки наших сотрудников в научно-образовательных школах гармонично дополняют и развивают их преподавательскую и научную деятельность на факультете.

Отдельный стратегический проект школы «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» — «Золотой фонд МГУ». Этот проект родился по инициативе ректора университета академика В.А. Садовниченко. Исходный посыл его появления состоит в том непреложном факте, что Московский университет — это не только святилище знаний, но и настоящий музей, хранилище тысяч картин и скульптур разных эпох, художественных и естественнонаучных коллекций, архитектурных памятников и иных артефактов, имеющих художественную и историческую ценность. Цель проекта, главным исполнителем которого является исторический факультет, заключается в изучении, систематизации, описании и введении в научный оборот этого историко-художественного богатства. Сайт «Золотого фонда» уже создан и постоянно пополняется. Теперь мы сосредоточены на подготовке и издании научных каталогов изученных артефактов и коллекций. Первый том — «Коллекция Владислава Малькевича — дар Московскому университету» — уже вышел из печати и пополнил подарочный фонд МГУ к его 270-летию³.

90-летие факультета практически совпадает с юбилеем Московского университета, который отмечается в январе 2025 г. Широкомасштабная подготовка к этому событию проводится в разных формах и по разным направлениям, но все они так или иначе связаны с прошлым университета, поэтому мы, как историки, оказываемся активно востребованными. Наши коллеги работали над буклетом

---

³ Коллекция Владислава Малькевича — дар Московскому университету: научный каталог / М.В. Абаева, Е.Д. Агапова, А.Ю. Вырва и др.; предисл. гл. ред. серии: В.А. Садовничий; предисл.: А.Л. Расторгуев, М.Ю. Савельева; биограф. очерк: Д.А. Андреев; науч. ред. М.Ю. Савельева; координатор Л.А. Полунина; фото Ф.В. Черкашин. М., 2024.

по истории Московского университета, занимаются наполнением юбилейного сайта www.270.msu.ru, консультируют ректорат по вопросам оформления ландшафта научно-технической долины «Воробьевы горы» и по сценарному наполнению ретроспективной части юбилейного мероприятия в Государственном Кремлевском дворце. В трех юбилейных издательских сериях МГУ выходят книги, написанные нашими сотрудниками и коллегами из других подразделений университета. В серии «Классический университетский учебник» — двухтомники «История Средних веков» и «История Нового времени стран Европы и Америки», а также «История стран Западной Европы и Америки в XXI веке (2001–2021 годы)», в серии «Труды выдающихся ученых МГУ» — монография «Режим Муссолини и массы» и коллективная монография «Холодная война и распад биполярной системы», в серии «Из сокровищницы Московского университета» — упомянутый выше том «Коллекция Владислава Малькевича — дар Московскому университету» и сданные в печать каталоги «Архитектура, скульптура, монументальное искусство в Московском университете», «Селекционные достижения Ботанического сада МГУ», «Собрание анималистической графики Василия Ватагина в Зоологическом музее Московского университета», «Сокровища научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова». Совместно с коллегами из Музеев московского Кремля и Государственного исторического музея, которыми руководят наши выпускники, подготовлены выставки, посвященные истории МГУ. Таким образом, в течение 2024 г. истфак отмечал свой 90-летний юбилей и активно готовился к 270-летию МГУ. Такая синхронность обеспечила взаимное дополнение юбилейных мероприятий: мы получили возможность точнее разглядеть и университетский контекст истфака, и вехи исторического прошлого МГУ в целом.

Как и прежде, мы уделяли и уделяем особое внимание внеучебной работе со студентами: помимо аудиторных занятий вовлекаем их в научную деятельность в рамках Студенческого научного общества, проводим конкурсы студенческих работ по истории (например, многолетний межкафедральный конкурс “*Per aspera...*”, или международный российско-белорусский конкурс «Общий путь к Великой Победе. Подвиг народов бессмертен»), расширяем возможности занятий спортом («Кубок декана» по футболу, по волейболу), поддерживаем творческие начинания ребят и студенческие «капустники», торжественно «посвящаем» их в историки и т.д. Все эти мероприятия не только разнообразят и украшают студенческую жизнь, но и способствуют повышению привлекательности истфака.

На это нацелена и наша просветительская активность за пределами кампуса — в рамках университетской экспертной площадки «Диалог о настоящем и будущем» и проекта Правительства Москвы «Московское долголетие». В течение буквально нескольких месяцев этот проект трансформировался в «Клуб любителей истории», постоянными членами которого стали сотни москвичей старшего возраста.

Наконец, несколько лет назад мы, как и все наши коллеги в высшей школе и не только, столкнулись с необходимостью перехода на новую для многих форму деятельности из-за пандемии КОВИД-19. Истфак оперативно перестроился и продолжил работу с использованием дистанционных методов. Как нам представляется, качество обучения от этого не пострадало. Этот факт свидетельствует о том, что на факультете трудится коллектив, способный действовать сообща, поддерживая друг друга и не отступая, даже в кризисные моменты, от добросовестного выполнения своей главной задачи — воспитывать и обучать молодое поколение историков.

References

Kafedra novoy i noveyshey istorii: lyudi i traditsii [Department of New and Modern History: People and Traditions] / Ed. by L.S. Belousov. Saint Petersburg: Aleteia, 2020. 466 p. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University]. Issue 184. Series II. *Istoricheskkiye issledovaniya* [Historical Researches], 119).

Karpov S.P. *Razmyshleniya o ponimanii istorii i problemakh istoricheskogo obrazovaniya* [Reflections on the Understanding of History and the Problems of Historical Education]. Moscow: RAN, 2019. 48 p.

Kollektsiya Vladislava Mal'kevicha — dar Moskovskomu universitetu: nauchnyy katalog [Vladislav Mal'kevich's Collection, a Gift to Moscow University: Scientific Catalogue] / M.V. Abayeva, E.D. Agapova, A.Yu. Vyrva et al.; intr. by series editor-in-chief V.A. Sadovnichiy; intr. by A.L. Rastorguyev, M.Yu. Savel'yeva; biography by D.A. Andreev; ed. by M.Yu. Savel'yeva; coordinator L.A. Polunina; ill. by F.V. Cherkashin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2024. 396, [4] p. (*Zolotoy fond MGU* [The Golden Fund of MSU]).

Skvoz' gody i pokoleniya. K 85-letiyu kafedry etnologii istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta [Through Years and Generations. To the 85th Anniversary of the Department of Ethnology of the Faculty of History at Moscow University] / Ed. by T.D. Solovey, O.E. Kaz'mina, M.N. Bakhmatova. Saint Petersburg: Aleteia, 2024. 356 p. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University]. Issue 270. Series II. *Istoricheskkiye issledovaniya* [Historical Researches], 186).

Traditsii i novatsii prepodavaniya istochnikovedeniya, istoriografii i metodov istoricheskikh issledovaniy. K 70-letiyu kafedry istochnikovedeniya istoricheskogo

fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova i 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.D. Koval'chenko (1923–2023) [Traditions and Innovations of Teaching Source Studies, Historiography and Methods of Historical Research. To the 70th Anniversary of the Department of Source Studies of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University and the 100th Anniversary of the Birth of the Full Member of the RAS I.D. Koval'chenko (1923–2023)] / Ed. by A.G. Golikov. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. 252 p. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University]. Issue 243. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 167).

Traditsii izucheniya kul'tury v Moskovskom universitete: laboratoriya istorii kul'tury [Traditions of Cultural Studies at Moscow University: The Lab of Cultural History] / Ed. by L.V. Koshman. Saint Petersburg: Aleteia, 2019. 92 p. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University]. Issue 145. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 87).

Trudy kafedry drevnikh yazykov [Proceedings of the Department of Ancient Languages]. Issue V. *Kafedre drevnikh yazykov istoricheskogo fakul'teta MGU — 80 let* [The Department of Ancient Languages of the Faculty of History at Moscow State University Is Commemorating Its 80th Anniversary] / Ed. by A.V. Podosinov. Moscow: Indrik, 2018. 272 p. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University]. Issue 118. Series IV. *Biobibliografii* [Biobibliographies], 5).

Поступила в редакцию
19 августа 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-16-38

Т.А. Матасова

**МОЖНО ЛИ УКРОТИТЬ МОРЕ? ОБРАЗ БУРНОЙ
МОРСКОЙ СТИХИИ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ
КНИЖНОСТИ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ
(XIII–XVIII вв.)**

T.A. Matasova

**IS IT POSSIBLE TO TAME THE SEA? THE IMAGE OF
A STORMY SEA IN THE MONUMENTS OF RUSSIAN
LITERATURE AND POPULAR CONSCIOUSNESS FROM
THE 13TH THROUGH THE 18th CENTURIES**

Аннотация. Целью исследования является комплексная реконструкция образа морской бури, запечатленного в русских источниках, преимущественно относящихся к периоду до начала XIX в. Предмет исследования — становление и эволюция представлений о морских штормах в русской культуре рассматриваемого времени, выявление особенностей этих представлений, их соотношение и взаимосвязь, определение факторов, которые могли на них влиять. Привлечены источники различного происхождения, начиная от бытовавших в русских землях переводных экзегетических сочинений («Шестоднев» Василия Великого и Иоанна Экзарха Болгарского) и оригинальных агиографических произведений (жития Зосимы и Савватия Соловецких, Трифона Печенгского и др.) до поэзии М.В. Ломоносова и памятников фольклора — поморских плачей, «ожиданьиц», заговоров, пословиц и поговорок, северных былин и кора-

---

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matasova Tatiana Aleksandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Russia until the Early Nineteenth Century, Lomonosov Moscow State University

tamatt2009@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9433-5068

В основу статьи положен доклад, сделанный автором на всероссийской научной конференции «Море в культурных контекстах русской истории», организованной историческим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Соловецким Морским музеем и состоявшейся 3–5 февраля 2024 г. Автор сердечно благодарит А.В. Лаушкина и В.В. Ткаченко за дружеские советы.

бельных кантов. Ранее подобных обобщающих исследований не проводилось. Специальное внимание уделено анализу попыток укротить морской шторм, представленных в первую очередь в памятниках народной культуры. В статье на конкретных примерах показано влияние христианской культуры и памятников оригинальной и переводной письменности на фольклорные традиции в контексте осмысления образа моря. Показано, что вопрос об укрощении морской стихии в рассмотренных источниках принадлежит к числу сложных и неоднозначных. С одной стороны, согласно христианским представлениям, «неукротимые» морские волны подвластны только Творцу (или святым, действующим по Его воле). Именно эта мысль представлена в источниках наиболее ярко и полно. С другой стороны, разнообразные попытки поставить шторм на службу человеку заметны в целом ряде заговоров и преданий, хотя их количество не слишком велико. Показательно, что единственным человеком, способным сопротивляться буре, в отдельных памятниках представлен только Петр Великий. В наделении первого российского императора подобными чертами проявилась апологетика самодержавия в народной среде. Романтические ассоциации, связанные с образом морского шторма, появляются в русской культуре не ранее Нового времени.

Ключевые слова: образ моря, буря, книжность в России, русский фольклор, народное сознание, Петр I.

Abstract. The objective of the present study is a complex reconstruction of the image of a sea storm as depicted in Russian sources, with a particular focus on those from the period up to the beginning of the 19th century. The subject of the study is the formation and evolution of representations of sea storms in Russian culture during the specified time period, the identification of the distinctive characteristics of these representations, their correlation and interrelation, and the determination of the factors that could have influenced them. Sources of various origins were used, ranging from translated exegetical works, such as Six Days of Creation by Basil the Great and John Exarch of Bulgaria, and original hagiographic works including the hagiographies of Zosima and Savvatii of Solovki, Tryphon of Pechenga, and others, to the poetry of M.V. Lomonosov and works of folklore: Pomor laments, “expectancies”, incantations, proverbs and sayings, northern bylinas and ship’s cantos. Such generalizing studies have not been carried out before. The analysis of endeavors to subjugate the sea storm, as evidenced by monuments of folk culture, is a particular focus of the study. The article employs specific illustrations to demonstrate the impact of Christian culture and literary works, both original and translated, on folkloric traditions, in the context of comprehending the sea’s image. The analysis demonstrates that the notion of subduing the sea, as depicted in the sources examined, is a multifaceted and enigmatic concept. On the one hand, the Christian conception posits that the sea’s indomitable waves are subject to the divine control of the Creator (or saints acting in accordance with His will). This notion is articulated most vividly and comprehensively in the sources under consideration. In contrast, there are various accounts of attempts to harness the power of the sea for human purposes, although these are not numerous. Notably, Peter the Great is depicted in certain monuments as the sole figure capable of weathering the storm, suggesting a cul-

tural and historical significance in this portrayal. The depiction of Peter the Great as the sole figure capable of resisting the storm is indicative of the apologetics of autocracy in the popular environment. Romantic associations with the image of a sea storm are not a feature of Russian culture prior to the Modern period.

Keywords: image of the sea, storm, literacy in Russia, popular consciousness, Russian folklore, Peter the Great.

* * *

В русской культуре образ моря исключительно ярок и богат смыслами. Мысль о том, что «исторический путь России направлен к морю»¹ не является преувеличением. Одним из ключевых факторов, приведших к складыванию в IX в. единого государства на огромной территории, заселенной восточными славянами, был путь «из варяг в греки». Первым покровителем этих земель стал свт. Климент († 101), папа римский — заступник мореходов². Его широчайшее почитание на Руси, выразившееся в создании многочисленных икон святителя и возведении многих «морских» храмов с посвящением престолов в его память, обнаруживает неразрывную и живо осознававшуюся на протяжении веков связь русской истории с морем. Когда же рассказ об апостоле Андрее, запечатленный в Повести временных лет, приобрел свое особое значение для русского мира³, образ перво-званного апостола также оказался навеки связан с морем: недаром на флаге русского флота изображен андреевский крест — символ свидетельства о Христе первого Его ученика. Кажется неслучайным и то, что «русский Бог» — свт. Николай Чудотворец († 343) — также почитается как покровитель моряков. Эти «морские настроения» русской культуры запечатлены в одном из духовных стихов «Голубиной книги» — подлинном средоточии главных сюжетов и символов русской цивилизации:

Почему океан всем морям мати?
Посреди моря океанского
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,

---

¹ Матонин В.Н. Арктическое мореплавание как форма аскетике и духовного делания // Река Кушерецка: мореходная книга XVIII в. (историко-культурный контекст, материалы, исследования). Архангельск, 2011. С. 32.

² Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятиной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013; Уханова Е.В. Культ св. Климента, папы Римского, в истории Византийской и Древнерусской Церкви IX — первой половины XI в. // Slavistica: Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. 1997–1998. Vol. 5. Napoli. 2000. P. 505–570.

³ Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 7–23.

Святого Климента, папы Римского:
На церкви главы мраморные,
На главах кресты золотые.
Из той церкви из соборной,
Из соборной, из богомольной,
Выходила Царица Небесная;
Из океана-моря она омывалась,
На собор-церковь она Богу молилася, —
От того океан всем морям мати⁴

(здесь и далее курсив мой. — Т.М.).

Самая известная поморская поговорка — «море — наше поле». Ее лаконизм подразумевает широкий спектр смыслов, и показатель-но, что именно она была использована в названии нескольких со-временных монографий⁵. Величественный образ морского простора весьма ярко представлен в культуре русского Средневековья. Как сказано в «Шестодневах» Василия Великого († 379) и Иоанна Эк-зарха Болгарского († первая треть X в.), «да добро есть оубо море Богу»⁶, и раскрытию этой идеи посвящен довольно большой пассаж, представляющий собой подлинный гимн морю⁷. Русские книжники любят морским простором, они видят в море прекрасную тайну замысла Творца «всяя твари»⁸. Море для русских книжников — это пространство чуда и милости Божьей⁹.

Тем не менее, нередко море ассоциируется с неукротимой бурей, несущей неизбежную опасность. Для более рельефного и глу-

⁴ Голубиная книга. М., 1991. С. 40.

⁵ Лайус Д.Л., Дмитриева З.В., Крайковский А.В. «Море — наше поле»: количе-ственные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей XVII — начала XX вв. СПб., 2010; Матонин В.Н. «Море — наше поле». Социокультурное про-странство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск, 2013.

⁶ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. СПб., 2001. С. 419.

⁷ Соловецкий монастырь и морское наследие Русского Севера / Отв. ред. А.В. Лаушкин. М., 2023. С. 13–16.

⁸ Там же. С. 10–49.

⁹ См., например: Дмитриева Р.П. О чудесах святых, помогающих терпящим бедствие на Белом море (XV–XVII вв.) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 645–656; Морозов С.В. Морские чудеса соловецких святых // Соловецкое море. Вып. 4. Архангельск; М., 2005. С. 9–14; Лаушкин А.В. Морские чудеса преподобного Иринарха Соловецкого как источник по истории веновального промысла поморов во второй четверти XVII в. // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря. Первая международная научная конференция. Сборник научных статей и докладов. Соловки, 2011. С. 75–79; Морские чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Житийные источники, комментарии / Публ. В.Н. Матонин // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 8. Архангельск; М., 2009. С. 8–11; Соловки и морское наследие Русского Севера. С. 21–30. Бильдюг А.Б. «Кому суждено, так тому суждено». Рассказы о спасении на море // Русская литература. 2023. № 1. С. 21–28.

бокого понимания традиции осмысления морской стихии в русской культуре кажется важным рассмотреть существенные особенности восприятия образа моря «бурями мутимого»¹⁰, «возъярившегося волнами»¹¹, «восколебавшегося»¹², «неистовящегося»¹³, как он отразился в памятниках Средневековья и раннего Нового времени. Целесообразно также рассмотреть соотношение книжного и народного осмысления образа бушующего моря на протяжении веков. Хронологические рамки, заявленные в заглавии, условны: в основном к анализу привлечен материал XIII–XVIII вв., однако порой кажется необходимым обращение к свидетельствам фольклора, зафиксированным в более позднее время (XIX–XXI вв.), но отражающим гораздо более архаичные представления. К исследованию привлечены в первую очередь источники, созданные или бытовавшие на Поморском Севере и на сопредельных территориях, поскольку именно в этом регионе рефлексия о море оказывалась наиболее развита.

«Волние морское неукротимое»¹⁴ было хорошо известно на Русском Севере. Своего рода культурным противовесом поговорке «море — наше поле» может быть присловье, зафиксированное К.П. Гемп: «помор морем живет, а все по земле сучает»¹⁵. В записных книжках Б.В. Шергина отразились поговорки: «море что горе — хорошо со стороны», «хорошо море с берега»¹⁶. Не случайно библейский образ «многомутного моря житейского» так созвучен русской культуре. В Житии прп. Трифона Печенгского (конец XVII в.) читаем: «окаяненъ миръ сей, яко море неверень, мятежень»¹⁷. Народный вариант этой мысли лаконичнее: «в мире что в море»¹⁸. Подобные аллюзии позже нашли лирическое отражение в известной дореволюционной песне «Страшно бушует житейское море...»¹⁹.

¹⁰ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Указ. соч. С. 304.

¹¹ Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. Т. 25. М.; Л., 1970. С. 193.

¹² Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. XVIII век. Кн. 5. Рукописный песенник XVIII века / Отв. ред. Е.Е. Васильева. СПб., 2002. С. 154.

¹³ История о делах великого князя Московского / Подгот. текста К.Ю. Ерусалимского. М., 2015. С. 206.

¹⁴ Минеева С.В. Рукописная традиция Жития Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. 2. Тексты. М., 2001. С. 21.

¹⁵ Гемп К.П. Сказ о Беломорье. М., 2021. С. 191.

¹⁶ Цит. по: Егоров Б.М. Мой Борис Шергин. Архангельск, 2022. С. 176.

¹⁷ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М., 2009. С. 203.

¹⁸ Цит. по: Егоров Б.М. Указ. соч. С. 171.

¹⁹ Гусли. Сборник духовных песен / Под ред. И.С. Проханова. Гольштадт, 1911. С. 145.

Смежным к этому образу является восприятие бурного моря как «пучины греха». В одном из стихов любимого ученика патриарха Никона, архимандрита Новоиерусалимского монастыря Германа († 1682) есть строки: «Аз же помышляю грехов моих пучину, аки великого моря сущую глубину»²⁰. Бытование поговорки «сам в кручине, что корабль в пучине»²¹ отразило вхождение этих идей в самую глубину народной культуры.

Библейский образ моря — «великого и пространного» (Пс. 103:24) — развит в Шестодневах, Толковой палее и других оригинальных и переводных богословских текстах, широко представленных в библиотеках монастырей Русского Севера. В этих памятниках непостижимое, мятежное и своенравное море представлено как «великое и гордое»²², «гордый океан»²³. Со времен царя Давида утвердился мысль о том, что лишь Господь Своей силой способен обуздать море: «Силен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе. Ты владычествуеши державою морскою, возмущение же волн его Ты укрочаеши» (Пс. 88: 9–10). Проникновенные рассуждения в этой связи есть в Шестодневе Иоанна Экзарха. Говоря о том, как мудро и неисповедимо Господь устроил мир, экзегет отмечает удивительное свойство моря: оно «надымающихся на суседу землю и проливаемо песка ся стыдить, и нарочитых предел не рачить преступати, но яко конь текии и воздержается уздою, сице ти море неписанныи законъ видя песком написанъ, и ввращается»²⁴. Это, на первый взгляд, сверхъестественное свойство моря, подлежит универсальному объяснению всех не вполне ясных природных явлений, емко выраженному свт. Андреем Критским († 470): «Бог идеже хочет, побеждается естества чин: творит бо елика хочет»²⁵.

Подобные идеи (и размышления, на них опирающиеся) нашли яркое отражение в русской агиографии, гимнографии и памятниках некоторых других жанров. Один из основоположников старообрядческой литературной традиции Семен Денисов (1682–1740), с бере-

---

²⁰ Цит. по: Позднеев А.В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв. М., 1996. С. 37.

²¹ Цит. по: Егоров Б.М. Указ. соч. С. 169.

²² Толковая палея 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. Вып. 1. М., 1892. Л. 21 об.

²³ Позднеев А.В. Указ. соч. С. 102.

²⁴ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Указ. соч. С. 304. («Море, набрасывающееся на соседнюю землю, набегае, стыдится песка и не хочет преступать определенные пределы, но как несущийся конь сдерживается уздою, так и море, видя неписанный закон Божий, песком написанный, возвращается обратно». См. перевод: Там же. С. 657.)

²⁵ Великий канон преподобного Андрея Критского с переводом на русский язык. М., 2007. С. 21, 45, 73, 94

гов Выга вторя критскому богослову, размышлял о «вышестественном благодати содержания»²⁶, в котором проявляется деятельное участие Господа в жизни людей.

Но само по себе море своенравно, без постоянного и целенаправленного божественного усилия взаимодействие человека с морем выводит морехода в пространство неопределенности и тревоги. В «Повести временных лет» присутствует знаменитый сюжет о том, как дружина князя Игоря обратилась к нему перед походом на Царьград в 944 г. со словами: «Ли с моремъ кто светенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстей...»²⁷ Настроения киевских воинов X в. разделяли поморы Нового времени, также хорошо знавшие переменчивый, «непогодливый»²⁸ характер моря: «А с морем кто свестен? Не по земле ходим, но по глубине морской»²⁹. Характерны и слова поморов, записанные К.П. Гемп в XX в.: «Море это все балует, по-своему вертит», «Море возьмет — никого не спросит»³⁰. При знакомстве с поморскими плачами, ожиданиями³¹ складывается впечатление, что море не только мятежно, но даже обидчиво: ни одна поморская «жонка» не ругает море, поскольку «отзовешься [о море] неладно — расшвирепееет»³².

Важной была мысль о том, что для человека бурные волны воистину страшны. Подобные настроения обнаруживают и ожиданияца («ох, и страшна волна морская // Холодна, темна, солонна волна глубинная»³³), и воспоминания (зимой «между плавающими льдинами, серо-белыми, с голубизной и с прозеленью, живет вода, темная, с натугой переливающаяся. *Страшно взглянуть в ее глуби...*»³⁴), но еще более — старины, собранные Киршей Даниловым (в одном из них речь идет о «синем море, *глухоморье зеленом*»³⁵) и сказки (в одной из них, записанной Н.Е. Ончуковым на Нижней Печоре,

---

²⁶ Денисов С. История об отцах и страдальцах соловецких. Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н.В. Поньрко и Е.М. Юхименко. М., 2002. С. 78.

²⁷ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева, под ред. В.И. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 23.

²⁸ Гемп К.П. Указ. Соч. С. 19.

²⁹ Шергин Б.В. Повести и рассказы. Л., 1984. С. 19.

³⁰ Гемп К.П. Указ. соч. С. 24, 160.

³¹ Ожиданьеца — песня, которую пела поморка, ожидая с морских промыслов отца, брата, мужа или сына.

³² Гемп К.П. Указ. соч. С. 211.

³³ Там же. С. 219–220.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 41.

сказано, что море — это «глубь теменна»³⁶). Всё это — отражение давнего книжного представления о почти inferнальном характере моря (и связанного с этим представления о том, что на севере за морем — «окиянской пучиной нечистой»³⁷ — расположен ад, и потому с севера дуют опасные ветры³⁸)³⁹.

Бурное море в определенных ситуациях может предстать орудием Божьего суда, как это отражено, например, в житии Анзерского пустынножителя Феофана Соловецкого (1739–1819). Феофан рассказывает об обстоятельствах своего прибытия на Соловки: «...идохъ къ морю, на Волок Двинской. Пришедъ на брегъ, обретохъ 3 бревна и, сотворши малъ плотъ, отступихъ от брега в море, возвахъ ко Христу: “Владыко Господи Иисусе Христе Боже мой! Ты веси предложение мое, яко Тебе, единому Богу работати хотя, бегаю прелести мира сего. Аще волиши на семъ острове спасти мя, то мя удержи zde, аще ли инде — назнаменуй ми место и введи мя тамо. Аще же не хочещи моего покаяния, убо потопи мя во глубине сей, точию да не работаю страстем моимъ...”»⁴⁰. Господь хранит Феофана в море, и так, как известно, начинается соловецкий период его удивительного подвижничества. Печорский сказитель Григорий Иванович Чупров вложил в уста одного из своих героев слова: «Без судьбы Божьей ни один волос с головы не гинёт. Неужели, если Бог не судит, так я утону в мори?»⁴¹.

В былинах о Садко сюжет из «базовой» канвы повествования про жребий, который бросают моряки, чтобы понять, кому надлежит спуститься в морское царство, также можно воспринять как своего рода суд:

Ай метали они жеребьей во синёе во морѣ
Ишше вси-то жеребья да будто гоголи пловут,
Ай Содковой-от жеребь ко дну каменём пошол...⁴²

³⁶ Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступ. ст. и комм. В.И. Ереминой. СПб., 2008. С. 169.

³⁷ *Митрофан (Баданин)*, иг. Неизвестные подробности Жития преподобного Варлаама Керетского (на материале канона письма Соловецкого монаха Сергия Шелонина) // Русская агиография. Т. 2. СПб., 2011. С. 174.

³⁸ Так, именно северный ветер — причина большой и таинственной бури, в которую попали корабли былинного героя Глеба Володьевича. См. ниже.

³⁹ См. об этом: *Матасова Т.А.* Европейский север и северо-восток в представлениях русских и итальянцев в XIV — начале XVI вв. // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 340.

⁴⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 20. СПб., 2020. С. 123–124.

⁴¹ Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова. С. 113.

⁴² Былины. В 25 тт. Т. 8. Былины зимнего берега Белого моря. СПб.; М., 2018. С. 750. Фольклористы в сюжете о бросании жребия в былине о Садко справедливо видят отголоски архаических жертвоприношений духам воды. См., например: *По-*

Список примеров подобных образов и ассоциаций легко продолжить. Тем не менее, в исследовании этой темы можно сделать и наблюдения, лежащие в иных плоскостях.

Во-первых, образ моря в северной традиции универсален. Так, например, на Зимнем берегу Белого моря сказители, упоминая шторма, происходившие по сюжетам былин в теплых морях, описывают их в тех же традициях описания *погоды* (так поморы называли непогоду), что бури на Белом море. Характерны в этом отношении северные варианты былин о киевском герое Глебе Володьевиче:

А как падала погодушка
да со синя моря,
А со синя морюшка
с *Корсуньского*
А со дождями-ти,
с туманами.
А в ту-ту погоду
в синёморьскую
Заносила тут неволя
три черных три-то
корабля⁴³...

Да пошли-то они всё
за синё солоно морё,
Солоно-то всё морё,
морё *Аранскоё*.
Ай во ту ли пору
было, во то время,
Помешалась-то у их
да ихна поветерь⁴⁴...

И как шли-то они по
морю *Хвалыньскому*,
Ише падала погодушка
немалая,
И зачало у йих да
паруса же рвать белы
полотьнены,
Паруса же рвать да
корабли ломать,
Заметало их же
погодушкой же
великою⁴⁵...

Во-вторых, существует определенная традиция описания довольно смутных, но столь желанных возможностей обуздания морских волн силами человека или, по крайней мере, мечта извлечь какую-то пользу из их своенравного характера. Представители русской культуры размышляли над вопросом о том, как укротить коварные и «гордые» волны, подобные, по словам Иоанна Экзарха, бегущему коню? Или хотя бы как познать море (как первый шаг к реализации этих мечтаний)? И как к таким попыткам следует относиться с точки зрения идеалов христианской культуры?

В «Александрии» (средневековом романе об Александре Македонском) есть известный эпизод, где рассказано, как великий завоеватель задумал измерить («испытать») высоту неба и глубину моря и как он потерпел поражение в этом стремлении: «Также и

меранцева Э.В. Народные верования и устное народное поэтическое творчество: жертвоприношение у севернорусских моряков и Садко // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 158–168.

⁴³ Былины. Т. 8. С. 754.

⁴⁴ Там же. С. 759.

⁴⁵ Там же. С. 763.

морскоую глоубину восхоте испытати. Съсоудь стьклянъ оучинивъ и вонъ вниде и юже зело долго и повеле себе въверщи в море. И скончавшуся южоу, нача грысти морьский зверь ракъ клетку: аще бы не извлеченъ былъ [изъ моря, не бы живъ былъ] Александръ»⁴⁶. Как видим, этот добродетельный⁴⁷, в общем, человек, чудом выжил! Неудача Александра объяснена провиденциально: «Сия вся сотворивъ, ища себе бесмертия, но всуе трудися: человекъ смертенъ сотворенъ, не может быти бесмертенъ»⁴⁸. Последние слова отражают основополагающие ценности средневековой культуры, мысль о непостижимости Божьего замысла. Согласно этим представлениям, горделивые попытки во что бы то ни стало раскрыть тайну Творца и творения обречены на провал. Сокровенная встреча Бога и человека может произойти в молитвенном общении с Создателем, но никак не через «испытание» тварного мира.

В предисловии к житию Зосимы и Савватия Соловецких редакции 1503 г. прп. Максим Грек (1470–1556) писал: «Небеси убо высота неиспытана, земли же широта и долгота не осяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетна и недоумеваема...»⁴⁹ В.В. Ткаченко замечательно раскрыла истоки и смыслы, которые со временем приобрел для русской культуры этот набор категорий (высота, глубина, широта и долгота), в которых прочно укоренились представления об их богословской наполненности и символической нераздельности⁵⁰.

Подобные воззрения вышли далеко за рамки книжности, проникнув в самую ткань народной культуры Русского Севера. Нельзя не вспомнить здесь мысль Б.В. Шергина о том, что «Полунощное море от веков безвестно и человеку непостижимо»⁵¹. Характерны

---

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 22. М., 2005. С. 203.

⁴⁷ Перечислению добродетелей Александра посвящен специальный раздел: «Добродетели же его се: непотворяемъ языкомъ и непоколебимъ оумомъ и выше меры дароподатливъ ко всемъ и долготерпеливъ на согрешающаа безмерно и сужаще повсегда праведно и ко укоряющимъ его терпеливъ, и клеветующихъ на кого ему не послушаше, но едино оуху, имъже преклоняшеша клеветующему, пръстомъ загражаше. И сими добродетельми всей земли и вселенский царь назвася, сего поlobает и всемъ царствия власть дръжащимъ подражати...». — ПСРЛ. Т. 22. С. 191.

⁴⁸ Там же. С. 203.

⁴⁹ Сочинения Максима Грека. Ч. 3. Казань, 1862. С. 218; *Минеева С.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 344.

⁵⁰ *Ткаченко В.В.* О книжных истоках запева Кириши Данилова // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017. № 3. С. 137–138; *Она же.* «Глубока глубота акиян-море»: пространственные образы в русской книжности, иконописи и фольклоре // *Соловецкое море: историко-литературный альманах.* Вып. 20. Архангельск: М., 2021. С. 75–80.

⁵¹ Цит. по: *Егоров Б.М.* Указ. соч. С. 246.

и слова из дневника мастера-лодочника села Чижиково Онежского района Архангельской области А.Я. Привалихина, где один из героев его повествования, описывая красоту рассвета на Севере, заметил: «Я смотрел на эти явления природы и думал: *разве осмыслишь всю эту красоту?*»⁵² Итак, бурное море непредсказуемо и до конца не постижимо, как и вообще Божий замысел.

Со временем в народной среде, для которой характерно сосуществование глубоко архаичных, восходящих к язычеству представлений и христианских идеалов (тоже нередко специфически осмысленных), появляются и совершенно другие настроения, обнаруживающие попытки как-то повлиять на поведение моря. Так, замечено, что концовка («заклучка») целого ряда былин и песен словами «синему морю на тишину, добрым людям на услышанье» является своего рода заговором. Песни с такой «заклучкой» пели крестьяне на морских рыбных промыслах⁵³. Ю.И. Смирнов пришел к справедливому выводу о том, что «те, кто придумал эту заклучку (и те, кто ее повторял, использовал! — Т.М.), несомненно, хотели пением эпических песен доставить одушевленному морю такое наслаждение, что оно, разволновавшееся, станет успокаиваться или же, будучи спокойным, не помыслит о том, чтобы разбушеваться. Создатели заклучки, наверное, подразумевали определенное море, с которым связывались интересы их самих, — к нему приближались пределы расселения русских людей, через него связывались отношения с западными странами»⁵⁴.

Сходные попытки как-то повлиять на поведение моря (в идеале, «утишить» его) заметны и в некоторых других памятниках народной культуры. Стоит отметить, что такие стремления не были доминирующими, они залегают глубоко под толщей свидетельств о неподвластности человеку морских волн. Тем не менее, они составляют заметную и весьма интересную часть основного корпуса морских характеристик.

Показательно подобное наивное заклинание: «Для утешения вихря. Как вода огонь заливает, так и слова мои бурю утеша-

---

⁵² История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах местных жителей / Сост. и науч. ред. В.Н. Матонин. Архангельск; М., 2011. С. 92.

⁵³ Смирнов Ю.И. «Синему морю на тишину» // Третьи Мяндинские чтения. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции (8–9 июля 2015 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2016. С. 198.

⁵⁴ Смирнов Ю.И. Указ. соч. С. 201. Отметим, то эту заклучку использовала также известная северная сказительница Марфа Семеновна Крюкова (1876–1954) из Нижней Зимней Золотицы, что не было учтено Ю.И. Смирновым. См.: Былины. Т. 9. Былины зимнего берега Белого моря. СПб.; М., 2020. С. 865.

ют. Аминь»⁵⁵. Надо сказать, что у этого заклинания есть и своего рода заговор-антипод, где высказана мысль о том, что это человек должен покориться ветрам и вихрям, а не наоборот: «Хожу яз, раб Божий имярек, подле синее море, прошу Божия милости, стану яз, раб Божий имярек, поклоняться и покоряться четырем ветром и четырем вехорям...»⁵⁶

Великая тайна поведения морских волн отражена в одном из заговоров на болезнь, где сказано: «Есть море окиян, на том мори окияне есть остров... И как на сем свете утихли буйные ветры и на синем мори, так бы утихла грыжа и щепота и всякий недуг и болезнь...»⁵⁷ Показательно, что чудо исцеления уподоблено здесь неведомым, но глубинным силам, которые приводят в движение воды синего моря и определяют его характер. И в заговоре (а заговоры подобного типа были весьма распространены) они словно могут совпасть — хотя бы символически! — с желаниями человека, и таким образом можно надеяться получить какую-то пользу.

Стремление попросить о собственном благополучии в связи с особым поведением моря представлено в интереснейшем заклинании, бытовавшем в Архангельске и Архангельском уезде. Речь в нем идет о том, что для успешной рыбной ловли нужно обратиться к Богородице и святым⁵⁸, и тогда по их благословениям ангелы могут поднять морскую волну, которая приведет рыбу в сети рыболовам в пресные водоемы: «По благословию Господню идите, святые ангелы, ко синю морю с золотыми ключами, *отмыкайте и колебайте синее море ветром и вихером и сильною погодою*, и возбудите красную рыбу, семгу, и белую рыбу, раки и щуку, и прочих разных рыб, и гоните из-подо мху и из-под виченаго куста⁵⁹, и от крутых берегов, и от желтых песков, и чтобы она шла бы к нам, рыболовам... в матушку реку быструю Двину, и в разные реки и озера, и во всякие водяные протоки...»⁶⁰ В этих словах выражена довольно глубокая идея о том,

---

⁵⁵ Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869. С. 157.

⁵⁶ Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, ст. и комм. А.Л. Топоркова. М., 2010. С. 104.

⁵⁷ Там же. С. 133.

⁵⁸ В тексте заговора присутствуют архангелы Михаил, Гавриил, Уриил, Рафаил, Иоанн Предтеча, апостолы Петр и Павел, святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, святитель Николай Чудотворец, святители Московские («русские чудотворцы») Алексей и Иона, мученики Агафон, Никита, мученицы Екатерина и Варвара. Упомянуты также «честной святой Крест» и «Святая Троица». См.: Майков Л. Великорусские заклинания. С. 137–139.

⁵⁹ Т.е. куста с гибкими ветвями. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 195.

⁶⁰ Майков Л. Указ. соч. С. 138.

что даже шторм ангелы могут обратить на потребу человеку, а человек может пробовать на это влиять, взывая к высшим силам.

С одной стороны, здесь проявлено народное осмысление древней богословской идеи, содержащейся уже в Толковой палее: у Господа для поддержания гармонии природы есть «служебные духи» — «ангели облаком, ангели мраком, ангели градом, ангели льдом, ангели мъглам, ангели голотем, аллеги инью, ангели мразу, ангели росам, ангели глосом, аггтели молниям, ангели грому, ангели зноеви, ангели зиме, лету, весне, осени, и всем зданиемъ Его»⁶¹. С другой стороны, морское волнение здесь может быть интерпретировано как особая форма движения воды, которое и в богословской традиции, и в народной культуре всегда осмысливалось как великая преобразующая, обновляющая, исцеляющая сила. В литургической практике православной церкви чин освящения воды подразумевает чтение евангельского фрагмента: «Есть же во Иерусалимех овчая купель, яже глаголется еврейски вифесда, пять притвор имущи, в тех слезаше множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды. Ангел бо Господень на всяко лето сходяше в купель и возмущаше воду: и иже первее влазаше по возмущении воды, здрав бываше, яцем же недугом одержимъ бываше» (Ин. 5: 2–4). Народная традиция, опираясь на архаичные представления о течении воды, символизирующем изменения (и, вероятно, осмысливая регулярно повторяемую в церкви евангельскую цитату!), стремится поставить это движение на службу человеку посредством магических ритуалов. Неслучайно «в поэтическом фольклоре образ текущей воды — один из ключевых»⁶². Выдающийся современный исследователь народной культуры С.Б. Адоньева приводит весьма колоритный эпизод: «Во время фольклорной экспедиции на Север России мне пришлось записывать заговоры от тоски. Совершать эту целительную практику нужно было у реки и над речной водой произносить слова. “А в городе, — пояснила женщина, — можно говорить над батареей”. Выбор места для заговора она объяснила тем, что в батарее вода течет, именно поэтому такое место подходит для магии. То есть для лечебного эффекта важно, чтобы вода, над которой произносится заговор, была проточной <...> Для эффективности ритуала нужна была не просто вода, а ее движение»⁶³. В сходной парадигме рассуждают

---

⁶¹ Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. 2. Тексты плоскостно-комарной и других космологических традиций / Подгот. В.В. Мильков, С.М. Полянский. СПб., 2009. С. 174–175.

⁶² Адоньева С.Б. Символический порядок. СПб., 2011. С. 78.

⁶³ Там же. С. 73.

и другие информанты: «Вот ежели с реки идешь с бельем, вымыла белье, значит: “Водица-царица, тебе легкого течения, мне доброго здоровьица”»⁶⁴. Интересно, что, согласно традиционным представлениям, в море вода тоже «течет»⁶⁵, и именно это, надо думать, не в последнюю очередь обуславливает такое широкое использование образов моря в обрядовых и/или магических формулах («в море-окияне, на острове Буяне...» и т.п.).

В этой связи нельзя обойти сюжет о Садко. В знаменитом сборнике Кириши Данилова (середина — вторая половина XVIII в.), где представлены наиболее древние изводы былин о Садко, есть сюжет о том, как купец уснул и ему явился свт. Николай⁶⁶, приказавший ему прекратить тешить морского царя, поскольку его подводная пляска является причиной бурь и штормов, из-за которых гибнут люди⁶⁷:

Гой еси ты, Садко-купец, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты
И бросай ты гусли звончатые:
Расплесался у тебе царь морской,

---

⁶⁴ Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века. Т. 2. Вологодская коллекция. СПб., 2020. С. 341.

⁶⁵ «Встану благословясь, выйду перекрестясь, пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, пойду я в чисто поле, за чистым полем дремучий лес, за лесом течет окиян-море...». — Цит. по: Адоньева С.Б. Символический порядок. С. 78.

⁶⁶ Интерес представляет тот факт, что в поздних вариантах былины, отразившихся в наследии М.С. Крюковой, свт. Николай назван «седым стариком» (Былины. Т. 9. С. 837), «стариком очунь старым» с «белой бородой» (Там же. С. 856). И только в конце былины оказывается, что это святитель Мирликийский. Как представляется, это не отражение «безбожного XX в.», а осторожность сказительницы, семья которой была раскулачена (Там же. С. 1104).

⁶⁷ В одном из вариантов повествования о Садко это ярко выражено через прямое обращение Высших сил к морскому царю: «Потом глас с небес гласит царю: “Время усмириться (!), триста караблей (!) потонуло, а мелких и сметы нету”». (Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова. С. 354). Интересен и печорский вариант одной из былин о Садко, зафиксированный еще в 1902 г., где сказано, что Садко сам понял, что пляска морского царя приводит к бурям, от которых гибнут люди:

Кабы стал-то морской царь да поплясывать:
Сколыбалосе тогда да всё синё морё,
Заходила-то повальня тогда сильняя.
Да подумал-то Садко, купец богатая,
“Я-то много потоплю караблей купеческих”
Он розорвал свои да гусли звончатые...

(Былины. Т. 2. Былины Печоры. СПб.; М., 2001. С. 245). Тем не менее, отдельные материалы свидетельствуют, что морской царь порой специально предупреждает моряков о шторме, но такие рассказы редки (Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. Екатеринбург, 2004. С. 346–347; Она же. Мифология воды и водоемов. Петрозаводск, 2014. С. 110).

А сине море сколыбалось,
А и быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят души напрасныя
Тово народу православнова⁶⁸.

Далее Садко представлен воистину сверхчеловеком, укротившим бурю:

А и тут Садко-купец, богатой гость,
Изорвал он струны золоты
И бросает гусли звончаты.
Перестал царь морской скакать и плесать,
Утихла моря синея,
Утихли реки быстрыя...⁶⁹

Как видим, в невероятных обстоятельствах, в которых оказался Садко, по благословению свт. Николая (у которого есть, в свою очередь, Божье благословение управлять волнами, поскольку именно Господь, согласно ортодоксальной парадигме, «владевает державою морскою» (Пс., 88:10) и является «защитою от бури» (Ис., 25:4), человек вполне может через символические действия укротить море, когда оно волнуется не по велению Божию, а по воле морского царя («царишша Поддонишша»⁷⁰).

Здесь уместно вспомнить поведенную унской сказительницей Ульяной Ивановной Базаковой сказку об Иване-солдате, который попал в плен к морскому царю и, когда хотел бежать, море дважды тянуло его назад («Вот морё кверху подыматця, его туды и унесло... Ясным соколом овернулся [Иван], летел, летел, маленько не долетел, морской царь схватился, море подыматця, да его опять и утенуло»). И лишь на третий раз «Иван опять летел, да и перелетел»⁷¹. Как видим, морская вода сильна, но и человек способен на многое. Однако это не «самовластие души» человека, о чем размышлял еще Федор Курицын в конце XV в., а торжество Божьей правды над волей морского царя. И если морской царь — это почти Нептун⁷², то актуальна содержащая-

---

⁶⁸ Древние российские стихотворения... С. 295.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Былины. Т. 2. С. 242.

⁷¹ Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова. С. 266, 267.

⁷² В новейшее время в среднем течении р. Мезени были записаны слова: «По-едешь неводить, дак помолись да, побожись да, попроси да <...> царя Нептуна <...> Дак он ведь водяной царь-то, Нептун...». — Магические практики севернорусских деревень: Заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века. Т. 1. Архангельская коллекция. СПб., 2020. С. 465.

яся в хронографах мысль о том, что «боги египетские (и шире — языческие. — Т.М.) сиречь бесы»⁷³, удел которых — погибнуть «от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением»⁷⁴.

В приведенных сюжетах нетрудно разглядеть не только христианскую основу, но и нередкое для носителей ценностей народной культуры убеждение в существовании «хозяев» каждого места, каждого природного явления, каждой стихии. «Видимый мир, в котором действуют люди, в каждой своей точке соприкасается с невидимым, с другой реальностью — миром “сил”, “хозяев” <...> Когда место оказывается в сфере интересов человека, он должен вступать в диалог с хозяином места»⁷⁵.

Интересно, что в «Голубиной книге» встречается иное объяснение появления опасных, смертоносных волн на море, в основе которого — веление Божие:

Стратим-птица всем птицам мати.
Почему она всем птицам мати?
Живет стратим-птица на океане-море
И детей производит на океане-море.
По Божьему все повелению
Стратим-птица вострепенется,
Океан-море восколыхнется;
Топит она корабли гостинные
Со товарами драгоценными, —
*Потому стратим-птица всем птицам мати*⁷⁶.

---

⁷³ ПСРЛ. Т. 22. С. 185

⁷⁴ Это слова из молитвы Кресту Господню: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его...», принадлежащие к числу наиболее известных.

⁷⁵ *Адоньева С.Б.* Заговоры, обереги и лечебные ритуалы севернорусских деревень // *Магические практики севернорусских деревень*. Т. 1. СПб., 2020. С. 32, 37.

⁷⁶ Голубиная книга. С. 40–41. Известен и другой вариант этой истории с птицей:

А нагай-птица — всем птицам мати.
А живет она на океане-море,
А вьет она гнездо на белом камени;
Набежали гости-корабельщики
А на то гнездо нагай-птицы
И на его детушак (!) на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Океан-море восколыхнется,
Кабы бысыры реки разливались,
Топят многи бусы-корабли,
Топят многи червлены корабли,
А все ведь души напрасные...

(Там же. С. 48). Мотив о чудесной птице, живущей на воде, относится к числу самых архаичных и распространенных в культурах Евразии. Так, рассказ о сотворении мира у народов коми связан преданием об утке, свившей гнездо на море.

Тема веления Божьего в отношении волн, которые были созданы, согласно христианской парадигме, во второй день Творения, любопытно переосмыслена в одном из преданий олонецких крестьян: «Вначале в мире ничего не было, кроме воды и ветра. *Ветер постоянно дул, вода вечно волновалась, шумела. Шум этот несся к небу и сильно беспокоил Бога.* Наконец Бог разгневался и крикнул, чтобы волны окаменели. И вот волны превратились в каменные горы, а отдельные брызги в камень, рассеянные повсюду. Горы долго сохраняли форму волн, но дожди постепенно изменили ее»⁷⁷.

Итак, вне зависимости от объяснения природы появления бурных морских волн, господствовало убеждение, согласно которому море, подчиняющееся лишь Создателю, укротить простому человеку в обычных обстоятельствах нельзя, но люди могут стремиться так устроить, чтобы движение волн можно было бы приспособить под свои нужды. По справедливому наблюдению С.Б. Адоньевой, «фольклор — орудие власти и контроля <...> Фольклорная речь, принимаемая как коллективная стратегия, разработанная для индивидуального пользования, оказывается тем не менее орудием коллективного контроля»⁷⁸. Представляется, что в рассмотренных свидетельствах заметны попытки «контролировать неконтролируемое».

Однако в особых случаях вырисовывается иная картина. В одном из северных сказаний о Петре Великом подчеркивается, что император смог не только обуздать, но и высечь (!) «море» (Ладожское озеро). Согласно повествованию, Петр, отправившись в 1694 г. «из Питера» (!) на Соловки, поехал через Ладожское озеро, на котором было сильное волнение: «вдруг поднялась буря-падара»⁷⁹, погода непомерная... Вышел царь на берег; кружит его — укачало сине море... Того часу приказал подать кнут и порешил наказать сердитое море... После того Ладожское стало смиреннее и тишину имеет...»⁸⁰. Показательно и содержание другого народного предания о Петре I, где говорится о том, что император высек («вицей хромал») морского царя, и тот навсегда покинул Онежское озеро⁸¹. Появление и распространение подобных рассказов свидетельствует о становлении апологетических настроений в отношении российского абсолютизма в

---

⁷⁷ Криничная Н.А. Мифология воды и водоемов. С. 155.

⁷⁸ Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004. С. 275.

⁷⁹ Па́дара — буря, сопровождающаяся выпадением мокрого снега, вьюга и всякая плохая погода с сильным ветром.

⁸⁰ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подг. Н.А. Криничная. Л., 1978. С. 124.

⁸¹ Криничная Н.А. Мифология воды и водоемов. С. 209.

народной среде. Здесь представлена в уже сложившемся виде мысль о богоподобии императора, который, как и Господь, может обуздать «грозный стон стихий»⁸².

Заметим, что М.В. Ломоносов (1711–1765) через мотив наказания Петром Великим морских волн — кажется, впервые в литературе! — выразил мысль о всеилии императора, перед которым ученый-энциклопедист, как известно, преклонялся. В героической поэме «Петр Великий» (1756–1761) Ломоносов, описывая шторм, в который попал Петр по пути на Соловки⁸³, опустил все реальные детали преодоления непогоды: там лишь волны и Петр. Показательно, что Ломоносов уподобил бурное море разъяренному коню, и эта метафора была, несомненно, заимствована поэтом из Иоанна Экзарха⁸⁴.

Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах;
Однако доскакав до высоты крутыя,
Вздохнув, кончает бег, льет токи потовыя,
Так север, укротясь, впоследствии восстал...⁸⁵

Образ Петра здесь тем ярче, что он создан через совсем короткое время после появления знаменитого морского канта «Буря море

---

⁸² Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 284. Отметим, что сюжет о том, как великий государь высек сам или приказал высечь море, восходит к античным преданиям. Так, Геродот в рассказе о переходе армии Ксеркса через Геллеспонт повествует о том, как разгневанный правитель велел бичевать бурное море: «Царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом: “О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя накает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет...”». — Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 325.

⁸³ Высказывалось мнение, что в рассматриваемом фрагменте Ломоносов прибегнул к «поэтической вольности», поскольку описал шторм, в который государь попал не в 1702 г., а в ходе первой поездки на Соловки восемью годами ранее, в начале июня 1694 г. (см.: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 8. М.; Л.: 1959. С. 1022, прим. 5; с. 1024–1025, прим. 21, 22, 29.) На самом же деле это объединение в один рассказ свидетельств о двух событиях не является авторским художественным решением Ломоносова, а основано на сложившихся к середине XVIII в. поморских преданиях, в которых эти события объединены (см. подробно: Паишков А.М. Помор Антип Панов в исторической памяти российского общества // Вестник Северного Арктического федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 3. С. 20; Паишков А.М. Петр Великий и его эпоха в поморских Русского Севера: взгляд историка // Урванцева Н.Г. Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера: библиографический указатель. СПб., 2021. С. 20).

⁸⁴ См. подробно об этом: Матасова Т.А. Иоанн Экзарх, Петр Великий и М.В. Ломоносов: таинственная встреча на берегу Белого моря // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой. Сборник научных статей. М., 2023. С. 104–113.

⁸⁵ Ломоносов М.В. Избранные произведения. С. 284–285.

раздымает...»⁸⁶ (ок. 1710), где грозный шторм описывается как жуткое явление, исход которого никогда не ясен:

Нестерпимо везде горе:
Грозит небо, шумит море,
Вся надежда бесполезна,
Везде пропасть, кругом бездна,
Кругом бездна.

Если сему кто не верит,
Пускай в мори сам измерит, —
А когда сам искутится,
В другой мысли очутится,
Очутится⁸⁷.

Здесь заметен целый ряд аллюзий на уже цитировавшиеся классические памятники средневековой литературы. Уподобление бушующего моря inferнальной бездне, упомянутой в Псалтири, встречаем в житии Зосимы и Савватия Соловецких: «Бе бо уже осень, и въздуха небеснаа применися на студень, и быста снегове. И ста волние морское неукротимо, и ледомъ плавающим по морю... естество водное неукротимо преходить симо и овимо со устремлениемъ быстрая зело. Сие бо Давыдъ пророкъ писа въ псаломский книзе: духомъ усть Его вся сила ихъ, събираа, яко михъ, воды морския и полагаа въ сховищихъ бездны...»⁸⁸. Мотив «испытания» моря встречается в «Александрии». Впрочем, к XVIII в. произошла закономерная эволюция в восприятии «измерения» моря: «Автор предлагает тем, кто не верит, самим измерить море»⁸⁹, и это воспринимается не как греховное, но как опасное дело.

С XVIII столетия тема бури всё чаще встречается в литературных памятниках, что говорит о стремлении осмыслить это явление, собрав все факты о нем. Одна из песен — «Встала буря, ветры дуют, тучи помрачили свет...»⁹⁰ — в яркой и экспрессивной форме повествовала о тяжелых условиях штормов. Другая — «Житье в море беспокойно» — по наблюдениям А.В. Позднеева, «воспроизводила

---

⁸⁶ *Васильева Е.Е.* «Навигацкий кант»: бытование, история, исторический контекст // *Русский фольклор: материалы и исследования. Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления.* Т. 37. СПб., 2018. С. 81–97; *Васильева Е.Е.* «Буря море раздымает...»: из истории книжных песен // *Вестник СПбГУКИ.* Т. 31. № 2 (июнь). С. 130–134.

⁸⁷ *Позднеев А.В.* Указ. соч. С. 309.

⁸⁸ *Минеева С.В.* Указ. соч. С. 21.

⁸⁹ *Позднеев А.В.* Указ. соч. С. 310.

⁹⁰ Там же. С. 313–314.

иносказательно злоклучения человека в бурях житейских»⁹¹, т.е. отсылала к привычным русской культуре аллюзиям.

Таким образом, главным свойством морских «треволненных шумов»⁹², как они изображены в рассмотренных памятниках, является их неукротимость, неподвластность человеку. Бурные «синеморские»⁹³ волны весьма долго ассоциируются со смертельной опасностью. Романтические ассоциации, связанные с образом шторма, выраженные, например, в лирике А.С. Пушкина («Шуми, шуми, послушное ветрило, // Волнуйся подо мной, угрюмый океан»), много младше средневековых источников. Запечатленные в книжности и фольклоре попытки как-то повлиять на поведение моря (или хотя бы извлечь пользу из его мятежного нрава) носят довольно робкий и не всегда оформленный характер⁹⁴, но всё же ясно различимы на общем фоне свидетельств. Они восходят преимущественно к народной культуре, связанной с повседневной магией. Исключением выступают здесь сюжеты, связанные с могучим образом Петра Великого, который, впрочем, в реальности также был бессилён в ситуации шторма⁹⁵. В отмеченных настроениях русской культуры Нового времени, в том числе народной, проникнутой учением Церкви, легко заметны отблески «прекрасного сияния Древней Руси»⁹⁶.

References

Adon'yeva S.B. *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of Folklore]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU; Amfora, 2004. 309 p.

Adon'yeva S.B. *Simvolicheskii poryadok* [Symbolic Order]. Saint Petersburg: Proppovskiy tsentr; Amfora, 2011. 167 p.

Adon'yeva S.B. *Zagovory, oberegi i lechebnyye ritualy severnorusskikh dereven'* [Incantations, Amulets and Healing Rituals of the Northern Russian Villages] // *Magicheskiye praktiki severnorusskikh dereven'* [Magical Practices of the Northern Russian Villages]. Vol. 1. Saint Petersburg: Proppovskiy tsentr, 2020. P. 11–54.

⁹¹ Там же. С. 345.

⁹² ОР РГБ. Ф. 17 (Собр. Е.В. Барсова). № 365. Л. 77 об. Сердечно благодарю Ю.С. Белянкина за указание на эти слова.

⁹³ Былины. Т. 8. С. 754.

⁹⁴ Показательно в этом отношении, что специального типа заговоров «на морскую бурю» не сложилось.

⁹⁵ Как известно, во время шторма у Унских рогов царь был отстранен от управления кораблем опытным кормщиком Антипом Тимофеевичем Пановым, которому удалось спасти судно от потопления (см. подробно: *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске: События, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022. С. 41–43; *Паишков А.М.* Помор Антип Панов... С. 15–26).

⁹⁶ Так выразился Б.В. Шергин в одной из дневниковых записей, не имеющих, увы, точной датировки. Опубликовано: *Егоров Б.М.* Указ. соч. С. 208.

- Barankova G.S., Mil'kov V.V. *Shestodnev Ioanna Ekzarkha Bolgarskogo* [Six Days of Creation by John the Exarch of Bulgaria]. Saint Petersburg: Aleteia, 2001. 972 p.
- Bil'dyug A.B. "Komu suzhdeno, tak tomu suzhdeno": rasskazy o spasenii na more ["To Whom It Is Fated, So It Is Fated": Stories about Rescue at Sea] // *Russkaya literatura*. 2023. N 1. P. 21–28.
- Chichurov I.S. "Khozhdeniye apostola Andrey'a" v vizantiyskoy i drevnerusskoy tserkovno-ideologicheskoy traditsii [A Journey of the Apostle Andrew in Byzantine and Old Russian Ecclesiastical and Ideological Tradition] // *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii* [Church, Society and State in Feudal Russia]. Moscow: Nauka, 1990. P. 7–23.
- Dmitriyev L.A. *Povest' o zhitii Varlaama Keretskogo* [A Tale of the Life of Varlaam of Keret] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 25. Moscow; Leningrad: Nauka, 1970. P. 178–197.
- Dmitriyeva R.P. *O chudesakh svyatykh, pomogayushchikh terpyashchim bedstviye na Belom more (XV–XVII vv.)* [On the Miracles of Saints Helping Those in Distress on the White Sea (from the 15th through the 17th Century)] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 52. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2001. P. 645–656.
- Gemp K.P. *Skaz o Belomorie* [A Tale about Belomorie]. Moscow; Solovki islands: Izdatel'stvo TSM, 2021. 304 p.
- Gost'yev I.M. *Petr I v Arkhangel'ske: sobytiya, relikvii i istoricheskaya pamyat'* [Peter I in Arkhangelsk: Events, Relics and Historical Memory]. Arkhangelsk: Arkhangel'skiy krayevedcheskiy muzey, 2022. 303 p.
- Istoriya ot pervogo litsa: mir severnoy derevni nachala XX veka v pis'mennykh svidetel'stvakh mestnykh zhiteley* [First-Person History: The World of the Early 20th-Century Northern Village in the Written Testimonies of Local Residents] / Comp. and ed. by V.N. Matonin. Arkhangelsk; Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2011. 360 p.
- Kalugin V.V. *Zhitiye Trifona Pechenskogo, prosvetitelya saamov v Rossii i Norvegii* [The Life of Tryphon of Pechenga, the Enlightener of the Sami in Russia and Norway]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2009. 600 p.
- Krinichnaya N.A. *Mifologiya vody i vodoyemov* [Mythology of Water and Reservoirs]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2014. 388 p.
- Krinichnaya N.A. *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora* [Russian Mythology: The World of Images of Folklore]. Moscow: Akademicheskii Proyekt; Gaudeamus, 2004. 1008 p.
- Laushkin A.V. *Morskiye chudesa prepodobnogo Irinarkha Solovetskogo kak istochnik po istorii vesnoval'nogo promysla pomorov vo vtoroy chetverti XVII v.* [Sea Miracles of the Monk Irinarkh of Solovki as a Source on the History of Spring Fishing of the Pomors in the Second Quarter of the 17th Century] // *Dukhovnoye i istoriko-kul'turnoye naslediyе Solovetskogo monastyr'ya. Pervaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik nauchnykh statey i dokladov* [Spiritual and Historical-Cultural Heritage of the Solovetsky Monastery. The First International Scientific Conference. Collection of Scientific Articles and Reports]. Solovki: [s. n.], 2011. P. 75–79.
- Layus D.L., Dmitriyeva Z.V., Kraykovskiy A.V. "More — nashe pole": kolichestvennyye dannyye o rybnykh promyslakh Belogo i Barentseva morey XVII — nachala XX vv. ["The Sea is Our Field": Quantitative Data on Fisheries in the White and Barents Seas from the 17th through the Early 20th Century]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 217 p.

Matasova T.A. *Evropeyskiy sever i severo-vostok v predstavleniyakh russkikh i ital'yantsev v XIV — nachale XVI vv.* [European North and North-East in the Representations of Russians and Italians from the 14th through the Early 16th Century] // *Srednevekovaya Rus'*. Issue 10. Moscow: Indrik, 2012. P. 332–367.

Matasova T.A. *Ioann Ekzarkh, Petr Velikiy i M. V. Lomonosov: tainstvennaya vstrecha na beregu Belogo morya* [John the Exarch, Peter the Great and M.V. Lomonosov: A Mysterious Meeting on the Shore of the White Sea] // *Goroda i lyudi staroy Rossii. K yubileyu professora N.V. Kozlovoy. Sbornik nauchnykh statey* [Towns and People of Old Russia. To the Anniversary of Professor N.V. Kozlova. Collection of Scientific Articles]. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU, 2023. P. 104–113. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History at Moscow State University]. Issue 235. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 163).

Matonin V.N. *Arkticheskoye moreplavaniye kak forma asketiki i dukhovnogo dela* [Arctic Seafaring as a Form of Asceticism and Spiritual Work] // *Reka Kusheretska: morekhodnaya kniga XVIII v. (istoriko-kul'turnyy kontekst, materialy, issledovaniya)* [Kusheretska River: A Seafaring Book of the 18th Century (Historical and Cultural Context, Materials, Researches)]. Arkhangelsk: Izdatel'stvo TSM, 2011. P. 25–32.

Matonin V.N. “*More — nashe pole*”. *Sotsiokul'turnoye prostranstvo severnoy derevni: genezis, struktura, semantika* [“The Sea is Our Field”. Socio-Cultural Space of the Northern Village: Genesis, Structure, Semantics]. Arkhangelsk: IPTS SAFU, 2013. 334 p.

Mineeva S.V. *Rukopisnaya traditsiya Zhitiya Zosimy i Savvatiya Solovetskikh (XVI–XVIII vv.)* [Manuscript Tradition of the Life of Zosima and Savvatii of Solovki (from the 16th through the 18th Century)]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 502 p.

Mitrofan (Badanin), hegumen. *Neizvestnyye podrobnosti Zhitiya prepodobnogo Varlaama Keretskogo (na materiale kanonov pis'ma solovetskogo monakha Sergiya Shelonina)* [Unknown Details of the Life of the Monk Varlaam of Keret (according to the Canon of the Letter of Solovki's Monk Sergii Shelonin)] // *Russkaya agiografiya* [Russian Hagiography]. Vol. 2. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2011. P. 161–179.

Morozov S.V. *Morskiye chudesa solovetskikh svyatykh* [Sea Miracles of Solovki's Saints] // *Solovetskoye more* [Solovki's Sea]. Issue 4. Arkhangelsk; Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2005. P. 9–14.

Morskiye chudesa prepodobnykh Zosimy i Savvatii Solovetskikh. Zhitiynnye istochniki, kommentarii [Sea Miracles of the Monk Zosima and Savvatii of Solovki. Hagiographic Sources, Commentaries] / Publ. by V.N. Matonin // *Solovetskoye more: istoriko-literaturnyye al'manakh* [Solovki's Sea: Historical and Literary Almanac]. Issue 8. Arkhangelsk; Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2009. P. 8–11.

Nazarenko A.V. “*Slovo ob obnovenii Desyatinnoy tserkvi*”, ili *K istorii pochitaniya svyatitelya Klimenta Rimskogo v Drevney Rusi* [“The Word on the Renewal of the Church of the Tithes”, or On the History of the Veneration of Saint Clement of Rome in Ancient Rus']. Moscow; Brussels: Assotsiatsiya Svyatoy Troitsy Moskovskogo Patriarkhata; Svyato-Yekaterininskiy muzhskoy monastyr', 2013. 223 p.

Pashkov A.M. *Petr Velikiy i yego epokha v fol'klore Russkogo Severa: vzglyad istorika* [Peter the Great and his Epoch in the Folklore of the Russian North: A Historian's View] // Urvantseva N.G. *Petr Velikiy kak fol'klornyy geroy Russkogo Severa: bibliograficheskiy ukazatel'* [Peter the Great as a Folklore Character of the Russian North: Bibliographic Index]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2021. P. 9–32.

Pashkov A.M. *Pomor Antip Panov v pamyati rossiyskogo obshchestva* [Pomor Antip Panov in the Historical Memory of the Russian Society] // *Vestnik Severnogo Arkticheskogo federal'nogo universiteta*. Series "Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki". 2021. Vol. 21. N 3. P. 15–26.

Pomerantseva E.V. *Narodnyye verovaniya i ustnoye narodnoye poeticheskoye tvorchestvo: zhertvoprinosheniye u severnorusskikh moryakov i Sadko* [Folk Beliefs and Oral Folk Poetry: Sacrifice among the Northern Russian Sailors and Sadko] // *Folklor i etnografiya* [Folklore and Ethnography]. Leningrad: Nauka, 1970. P. 158–168.

Pozdneev A.V. *Rukopisnyye pesenniki XVII–XVIII vv.* [Manuscript Songbooks of the 17th and 18th Centuries]. Moscow: Nauka, 1996. 445 p.

Smirnov Yu.I. "Sinemu moryu na tishinu" ["To the Blue Sea for Silence"] // *Tret'i Myandinskiye chteniya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (8–9 iyulya 2015 g., g. Syktyvkar)* [The 3rd Myandinskiye Readings. Collection of Scientific Papers according to the Materials of the All-Russian Scientific Conference (8–9 July 2015, Syktyvkar)]. Syktyvkar: Izdatel'stvo SGU imeni Pitirima Sorokina, 2016. P. 193–201.

Solovetskiy monastyr' i morskoye naslediyе Russkogo Severa [Solovetsky Monastery and the Maritime Heritage of the Russian North] / Ed. by A.V. Laushkin. Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2023. 208 p.

Tkachenko V.V. "Gluboka glubota akiyan-more": *prostranstvennyye obrazy v russkoy knizhnosti, ikonopisi i fol'klore* ["Very Deep Sea-Ocean": Spatial Images in Russian Books, Icon Painting and Folklore] // *Solovetskoye more: istoriko-literaturnyye al'manakh* [Solovki's Sea: Historical and Literary Almanac]. Issue 20. Arkhangelsk; Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2021. P. 75–80.

Tkachenko V.V. *O knizhnykh istokakh zapeva Kirshi Danilova* [On the Book Origins of Kirsha Danilov's Song Introduction] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. N 3. P. 137–138.

Ukhanova E.V. *Kul't sv. Klimenta, papy Rimskogo, v istorii Vizantiyskoy i Drevnerusskoy Tserkvi IX — pervaya polovina XI v.* [The Cult of Saint Clement, Pope of Rome, in the History of the Byzantine and Old Russian Church from the 9th through the First Half of the 11th Century] // *Slavistika: Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. 1997–1998 gg. Vol. 5. Naples: MYUO, 2000. P. 505–570.

Vasilieva E.E. "Burya more razdymayet...": *iz istorii knizhnykh pesen* ["The Storm Razes the Sea...": From the History of Book Songs] // *Vestnik SPbGUKI*. Vol. 31. N 2 (June). P. 130–134.

Vasilieva E.E. "Navigatskiy kant": *bytiye, istoriya, istoricheskiy kontekst* ["Ship's Canto": Existence, History, Historical Context] // *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore: Materials and Researches]. Vol. 37. *Fol'klorizm v literature i kul'ture: ponyatiya granits i sushchestvennyye yavleniya* [Folklorism in Literature and Culture: The Boundaries of the Concept and the Essence of the Phenomenon]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. P. 81–97.

Yegorov B.M. *Moy Boris Shergin* [Boris Shergin of Mine]. Arkhangelsk: Biblioteka – Arkhangelskiy literaturnyy muzey, 2022. 360 p.

Поступила в редакцию
15 мая 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-39-56

В.В. Морозан

ОБРАЗОВАНИЕ КИШИНЕВСКОЙ И ХОТИНСКОЙ ЕПАРХИИ (1813)

V.V. Morozan

FORMATION OF THE DIOCESE OF CHIȘINĂU AND KHOTIN (1813)

Аннотация. Статья посвящена истории учреждения в Бессарабской области Кишиневской и Хотинской епархии Русской православной церкви после очередной войны с Турцией. Первоначально власти Российской империи предполагали при присоединении Дунайских княжеств подчинить местные церковные институты Священному Синоду, очевидно, по примеру Грузинской церкви. Однако развертывание вблизи российской границы французских военных сил требовало от российского военного руководства на Дунае скорейшего заключения мира с Османской империей. Это обстоятельство не позволило полностью обрести указанные территории, вынудив российскую сторону ограничиться только Бессарабией. Вслед за заключением Бухарестского мира (1812) на заднеэстровской части Молдавского княжества началась организационная работа по устройству местных органов власти, включая и церковные. Основные хлопоты по формированию местной епархии легли на плечи митрополита Гавриила (Г. Бэнулеску-Бодони), который сумел в кратчайшие сроки завершить все намеченные мероприятия. Уже в конце 1812 г. в Кишиневе стала осуществлять свою деятельность местная дикастерия, которой предстояло управлять более 750 приходами и более 10 монастырями и скитами. В начале 1813 г. усилиями митрополита Гавриила в Бессарабии было открыто первое учебное заведение — духовная семинария, при которой вскоре начал работать благородный пансион для детей местного дворянства. Также усилиями Гавриила в 1814 г. при архиерейском доме в Кишиневе была открыта типография, которая печатала книги на славянском и молдавском языках. Причем экзарх еще при строительстве епархиального дома задумал основать типографию и построил

Морозан Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Morozan Vladimir Vasilievich, Doctor in History, Professor, Department of History of the Peoples of CIS Countries, Institute of History, Saint Petersburg State University

v_moga@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4312-0566

для нее отдельное здание, еще не получив на то одобрение царских властей. Таким образом, к середине 1814 г. стараниями митрополита Гавриила в Бессарабской области стала полноценно действовать Кишиневская и Хотинская епархия, которая, в отличие от многих других, обрела и право печатать необходимую литературу для церковной и образовательной деятельности.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Бессарабия, Кишиневская епархия, семинария, дикастерия, митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони.

Abstract. The article focuses on the history of the establishment of the diocese of the Russian Orthodox Church in the Bessarabian region of Chişinău and Khotin in the aftermath of the war with Turkey. Initially, the authorities of the Russian Empire intended to subordinate the local church institutions to the Holy Synod upon the annexation of the Danube Principalities, an action seemingly modeled on the precedent set by the Georgian Church. However, the deployment of French military forces in proximity to the Russian border necessitated the prompt establishment of peace between the Russian and Ottoman militaries by the Russian military leadership on the Danube. This geopolitical context precluded the acquisition of these territories by the Russian Empire, compelling the Russian side to focus its territorial ambitions on Bessarabia alone. Following the ratification of the Peace of Bucharest (1812) in the Transnistrian region of the Moldavian Principality, the organizational framework for the establishment of local authorities, including those of a religious nature, was initiated. Metropolitan Gavriil (G. Bănulescu-Bodoni), who successfully completed all the planned activities within the shortest possible timeframe, was entrusted with the formation of the local diocese. By the close of 1812, the local diocese in Chişinău had already commenced its operations, entrusted with the oversight of over 750 parishes and more than 10 monasteries and sketes. In early 1813, the opening of the first educational institution in Bessarabia was realized through the efforts of Metropolitan Gavriil, in the form of a theological seminary, which soon began to operate a noble boarding school for the children of the local nobility. Also in 1814, Gavriil's efforts resulted in the opening of a printing house at the bishop's residence in Chişinău, which printed books in the Slavonic and Moldavian languages. It is also noteworthy that the exarch had conceived the idea of founding a printing house during the construction of the diocesan house and built a separate building for it, even before receiving the approval of the tsarist authorities. By the mid-1814, Metropolitan Gavriil's efforts had resulted in the full operationalization of the dioceses of Chişinău and Khotin in the Bessarabian region. Notably, this region was distinguished from numerous others by its acquisition of the right to print the necessary literature for church and educational activities.

Keywords: Russian Orthodox Church, Bessarabia, Chişinău diocese, seminary, dicastery, Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni.

* * *

Очередная шестилетняя русско-турецкая война на заре XIX в. закончилась отнюдь не самым выгодным для Российской империи результатом. Подписанный 16 мая 1812 г. в Бухаресте мирный до-

говор не смог удовлетворить в полной мере претензии российской стороны, получившей лишь часть территории Дунайских княжеств. Между тем желания имперских властей России простирались на всё пространство дунайских владений Оттоманской Порты. Обретя в качестве своего трофея часть Молдавского княжества, царские власти оказались перед необходимостью в кратчайшие сроки сформировать органы местного управления. Одним из основных участников этого процесса оказался бывший молдо-валахский экзарх, митрополит Гавриил (Григорий Бэнулеску-Бодони)¹. Уже в первых числах июня 1812 г. преосвященный Гавриил обратился к князю А.Н. Голицыну с просьбой передать императору Александру I свой проект административно-правового обустройства вновь присоединенной территории. По этому случаю 9 июня 1812 г. он отмечал в своем письме к обер-прокурору Синода: «Предварительное известие о благополучно заключенном между Империей Российской и Портой Оттоманской мира подало мне повод, а верноподданническое усердие и неограниченная приверженность к высоко монаршей особе его императорского величества побудила меня начертать вкратце мысли мои об образовании управления, присоединенной ныне на вечные времена к России за днестровские области»².

В своей записке митрополит затронул основополагающие принципы устройства Бессарабии, настаивая на том, чтобы сохранить в ней прежний «образ мысли и нравов новоприсоединенных к Империи подданных его императорского величества»³. Чтобы избежать во вновь приобретенном крае социальных потрясений и не допустить оттока из него населения, «подобно крымским татарам», экзарх предлагал сохранить в области прежние нормы «права, имущества и обыкновения», а также не облагать ее жителей новыми

¹ О деятельности митрополита Гавриила написан ряд работ: *Жмакин В.* Митрополит Гавриил Бодони // Русский архив. 1898. № 11. С. 309–377; *Зыков Г.* Очерк деятельности митр. Гавриила по улучшению положения Церкви и православного духовенства в княжествах Молдавии, Валахии и Бессарабии с 1808 по 1812 гг. // Кишиневские епархиальные ведомости. 1879. № 14. С. 538–562; № 15. С. 574–595; *Стадницкий А.* Гавриил Банулеску-Бодони, экзарх Молдо-Влахийский (1808–12 гг.) и митрополит Кишиневский (1813–21 гг.). Кишинев, 1894; *Скворцов В.* Гавриил Банулеску-Бодони, митр. Кишиневский, экзарх молдо-влахийский // Древняя и новая Россия. 1879. Т. 2. № 7. С. 178–189; *Филипенко А.А.* Первый Архипастырь. Жизнь и дела Гавриила (Бэнулеску-Бодони). Одесса, 2009; *Флоринский Н.* Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодони. Кишинев, 2005; *Морозан В.В.* Церковная и государственная деятельность митрополита Гавриила (Григория Бэнулеску-Бодони) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (9). С. 1–14.

² Митрополит Гавриил — А. Н. Голицыну. 9 июня 1812 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4700. Л. 1.

³ Копия проекта управления Бессарабской области митрополита Гавриила // Там же. Л. 2.

податями. Беспокоила митрополита и возможность закрепощения местного свободного крестьянства, «к чему бояре, — считал он, — были весьма наклонны... если не положить им в том с самого начала непреборимые преграды»⁴.

Что касается непосредственного «полицейского и казенного управления», то экзарх предлагал учредить особое «верховное областное правительство», во главе которого мог находиться назначенный императором правитель. Предполагалась и должность вице-правителя. К тому же автор проекта предлагал ввести в это правительство местного «великого митрополита», очевидно, имея в виду себя. Возможно, Бэнулеску-Бодони обрел определенные надежды занять главенствующее положение в церковном управлении Молдавского княжества после посещения им С.-Петербурга в декабре 1811 — первой половине 1812 г. и встречи с князем А.Н. Голицыным, рассчитывал также сохранить за собой и влияние на гражданские дела⁵. И хотя в результате трудных дипломатических переговоров приобретенные территории сузились лишь до левобережной части Молдавии, надежду сохранить свое положение во вновь приобретенном крае Бэнулеску-Бодони всё же не потерял.

В своем проекте митрополит очертил и свое отношение к смертной казни, предложив запретить вынесение в области смертных приговоров. Примечательно, что будущим областным центром, как наиболее удобным расположенным городом, мог стать, по мнению экзарха, Оргеев. «Он находится, так сказать, в средоточии новоприобритенной области, — писал митрополит Гавриил, — довольно обширен и многолюден, имеет хорошую воду и лес в близости, не удален ни от Днестра, ни от Прута, да и все произведения земли там дешевле, нежели в прочих местах»⁶. Однако адмирал П.В. Чичагов решил, что областным центром Бессарабии должен стать Кишинев.

Описывая в общих чертах систему гражданского управления Бессарабии, экзарх ни словом не обмолвился в этом проекте о будущем церковном устройстве края. Между тем, будучи в С.-Петербурге в первой половине 1812 г., митрополит Гавриил получил от обер-прокурора Св. Синода поручение составить проект организации

---

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Подробней о поездке митрополита Гавриила в С.-Петербург см.: О дозволении молдавскому и валахскому митрополиту и экзарху приехать в Санкт-Петербург // РГИА. Ф. 797. Оп. 1 (1811 г.). Д. 4263; *Poștarenco D. Prezența mitropolitului Gavriil Banulescu-Bodoni la Sankt Petersburg (decembrie 1811 — iunie 1812)* // *Latinitate, Romanitate, Românităte: Volumul conferinței științifice internaționale, Ediția a 5-a, Chișinău, 5–6 noiembrie 2021*. Chișinău, 2022. P. 181–198.

⁶ Копия проекта управления Бессарабской области митрополита Гавриила // РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4700. Л. 5.

новой епархии на вновь присоединенных территориях. Об этом Бэнулеску-Бодони напоминал князю А.Н. Голицыну в своем письме в ноябре 1812 г.: «По приезде моем из Санкт-Петербурга в Яссы доносил я вашему сиятельству, что имел намерение прежде видиться с господином главнокомандующим, адмиралом Павлом Васильевичем Чичаговым, который тогда был еще в Букареште и потрактовать о сем нужно, а после составить по препорученности вашего сиятельства план для новой Заднестровской епархии»⁷. Однако обговорить с П.В. Чичаговым детали этого задания экзарху удалось лишь в августе 1812 г. В своем донесении от 6 августа Бэнулеску-Бодони изложил адмиралу свои представления о структуре и расположении будущей епархии. При этом он изменил свое прежнее пожелание о расположении административных органов области в Оргееве, учитывая мнение Чичагова об определении столицы края в Кишиневе. После этого доклада П.В. Чичагов 19 августа того же года поручил гражданскому губернатору С.Д. Стурдзе оказать в этом митрополиту всяческое содействие.

Впрочем, и после этой встречи митрополиту Гавриилу не удалось уделить должное внимание составлению детального проекта, так как в Яссах ему надлежало сдать молдавским боярам дела по митрополии Молдавского княжества. Для этого бояре выбрали временного управляющего «синадского митрополита» Никодима, выдав особую расписку Бэнулеску-Бодони, что он сдал все дела в надлежащем порядке. Кроме того, экзарх получил от митрополита Никодима похвальное письмо, в котором обстоятельно описал деятельность Гавриила в Молдавии: «В течении четырехлетнего времени, в которое высокопреосвященный митрополит, экзарх и кавалер Гавриил управлял Молдавской митрополией, оказал себя истинным патриотом и совершенным попечителем о пользе и благоустроении сей митрополии, так что по усердию и старании его высокопреосвященства уплачена большая часть долгов, коими обременена была митрополия, как с пособием отечества, так и из митрополитских доходов. При том сделал строения и колокола в митрополии, каковы строения и колокола очень нужны были. Устроил ризницу церковную, прикупил виноградных садов, произведши и там строение дома и прочего, все из митрополитских доходов... И как ныне его преосвященство, переселяясь в другую епархию, сдал митрополию Молдавскую не только со всей ее принадлежностью, не оставляя на себя никакой претензии, но еще с выше приписанными приобрете-

---

⁷ Митрополит Гавриил — А. Н. Голицыну. 2 ноября 1812 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4704. Л. 1.

ниями, то во уверение сего дано со стороны митрополии сие письмо за нашим подписанием». Письмо подписали епископ Молдавской митрополии и синадский митрополит Никодим, а также архимандрит Кирилл и эконом Исая.

Лишь после сдачи дел в Яссах Бэнулеску-Бодони со своим штатом и в сопровождении епископа Дмитрия отправился в Кишинев, куда прибыл 24 сентября. Впрочем, достойно устроить своих подчиненных в этом городе ему оказалось крайне сложно, учитывая, что в то время Кишинев был небольшим населенным пунктом, неприспособленным для расположения областных административных органов и церковного управления. Прибывшая с митрополитом экзаршеская консистория была расположена в доме местного мещанина Сабова. О постигших команду митрополита трудностях преосвященный Гавриил написал князю А.Н. Голицыну в сопроводительном письме к проекту о новой епархии: «расположившись, как можно было, хотя в самых теснейших квартирах, принялся опять за составление плана, который, окончивши, при сем на благорассмотрение Святейшего Сената и Вашего Сиятельства представляю»⁸.

Учитывая отсутствие в Кишиневе приемлемых условий для нахождения архиерейской квартиры, Бэнулеску-Бодони просил власти передать в его распоряжение в качестве загородной резиденции расположенный вблизи Кишинева Каприянский монастырь, который был приписан к Зографскому монастырю на горе Афон. После недолгих переговоров с иерусалимским патриархом Поликарпом эта обитель была передана им в дар Александру I, о чем было сообщено князю А.Н. Голицыну 26 октября 1814 г. Кафедральным же собором могла служить Михайло-Архангельская церковь, о чем просил митрополит Гавриил. Экзарх полагал, что этот недавно построенный храм был единственным достойным местом для архиерейской кафедры. 30 сентября 1812 г. Бэнулеску-Бодони назначил кафедральным протоиереем Петра Семеновича Куницкого, ключаря протопопа Георгия Родостана, первым протопопом назначен Алексей Губский, вторым протопопом Илья Горицын, протодиакон Моисей Чернявский, диаконом Иван Мишчаковский. Экзарх распорядился подыскать для храма двух молодых, женатых и способных дьячков на должности иподиаконов с дальнейшим продвижением по службе. Певчими были определены Семен Писаревский, Анастасий Волохов, Иван Ольшевский и Семен Буханевич. Руководить хором было поручено Петру Гетопанову⁹.

⁸ Там же. Л. 1 об.

⁹ Iniințarea eparhiei Chișinăului și Hotinului. Acte // Arhivele Basarabiei. Revistă de istorie și geografie a Moldovei dintre Prut și Nistru. Chișinău, 1929. N 4. P. 19.

Поскольку в Бессарабии, считал Бэнулеску-Бодоне, в разных селениях и городах состояло около 750 приходских церквей, то по такому количеству храмов и отдаленности от других епархий, «особливо же по различию языка, прав и обычаев здешнего народа и духовенства, нужно устроить особую епархию с наименованием Кишиневской и Хотинской. Если сие наименование угодно будет Святейшему Синоду, так как в Кишиневе устроено правительство и в Хотине был некогда правящий епископ с предоставлением сей новой епархии титула митрополии и экзархии по привычке здешнего духовенства и народа иметь особое уважение и доверенность к митрополитанской кафедре»¹⁰.

В том случае, если Св. Синод посчитал бы возможным поддержать его проект, а император утвердил бы его, экзарх просил также о предоставлении местному духовенству тех же прав, какими обладало это сословие в коренной России. Помимо этого, Бэнулеску-Бодони просил, чтобы гражданские власти области, как это принято было в Империи, не вмешивались в церковные дела, предоставив это право синодальным властям.

О намерении Св. Синода организовать в Бессарабии отдельную епархию князь А.Н. Голицын доложил императору, который повелел ему в первых числах декабря 1812 г. обсудить подготовленный митрополитом Гавриилом проект с местными гражданскими властями, о чем Голицын сообщил Св. Синоду 11 декабря того же года. Исполняя волю Александра I, князь А.Н. Голицын связался с бессарабским гражданским губернатором Скарлатом Дмитриевичем Стурдзой, которому сообщал: «Экзарх Святейшего Синода митрополит Гавриил, признавая нужным в новоприобретенной к Российской империи Бессарабской области устроить особую епархию и при оной духовного заведения, представил Святейшему Синоду следующие свои предложения:

- 1) Архиерейской кафедре быть в городе Кишиневе, так как и светское правительство в оном же устраивается.
- 2) Для построения архиерейского дома отвести землю, какую изберет сам преосвященный митрополит Гавриил, по местному его усмотрению.
- 3) Поскольку для содержания архиерейского дома, дикастерии, семинарии викарного епископа не требует он от казны никакого пособия, то благоволено бы было, между прочим, ис-

---

¹⁰ Рапорт от синодального члена экзарха Гавриила, митрополита и кавалера в Святейший Правительствующий Синод. 4 ноября 1812 г. Кишинев // РГИА. Ф. 796. Оп. 93 (1812 г.). Д. 942. Л. 1.

прашиваемыми выгодами предоставить в его распоряжение семь десятин из больших турецких в Аккермане садов.

- 4) Освободить духовенство Бессарабской области от всяких земельных повинностей и постоев и, наконец,
- 5) Покровительствовать оное духовенство и защищать от притязаний вотчинных откупщиков, кои берут со священнослужителей наравне с поселянами, десятины с их посевов и других произведений»¹¹.

Излагая вышеприведенные предложения митрополита Гавриила, князь Голицын просил С. Стурдзу совместно с экзархом определить способы реализации этого проекта. Кроме того, Бэнулеску-Бодони просил прикрепить к нему для исполнения различных работ по епархии 80 скутельников (крестьян, освобожденных от государственных податей), а к викарному епископу 40 таких крестьян. О принятых совместно с Гавриилом решениях С. Стурдза должен был сообщить в Синод.

В ответном письме С.Д. Стурдза писал: «Я имел честь получить почтеннейшее отношение ко мне Вашего Сиятельства от 9 числа декабря истекшего года, с объявлением Высочайшего его императорского величества повеления, дабы я вошел в сношение с митрополитом и экзархом Гавриилом о содействии со стороны гражданского правительства учреждению в Бессарабской области новой епархии, и предложив ему свое по предмету сему мнение, уведомил бы о том Вас милостивый государь»¹². В целом С.Д. Стурдза соглашался с предложениями митрополита Гавриила. Однако как гражданский губернатор он не мог игнорировать и возникавшие в ходе организации новой епархии вопросы. В частности, Бессарабская область могла потерять часть традиционных налоговых поступлений при предоставлении местному духовенству тех же прав, которыми пользовались священнослужители в России. До каких пределов могла распространяться эта льгота — лишь на период их службы или эти права для них были бы пожизненными? Освобождались ли они от традиционных сборов с вина при наличии более 50 ведер у протопопов и более 30 ведер у священников? Подлежали ли они освобождению также с количеством овец и пчелиных ульев? Должны ли помещики выделять священникам и диаконам земли при приходах и обязаны были ли они за эту землю отдавать помещикам десяти-

---

¹¹ А.Н. Голицын — С.Д. Стурдзе. 9 декабря 1812 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4704. Л. 26.

¹² С.Д. Стурдза — А.Н. Голицыну. 14 января 1813 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 93 (1812 г.). Д. 942. Л. 31.

ну? Очевидно, ожидая на все свои вопросы отрицательных ответов, имея в виду освобождение духовенства от фискальных поборов, Стурдза потребовал ограничения числа священнослужителей в крае. Так, по его мнению, в селениях, где было менее 70 дворов, мог служить лишь один священник и до двух диаконов и один пономарь, если в селах было от 70 до 100 дворов, то разрешалось иметь двух священников, а там, где было более 100 дворов, то прибавляется еще один диакон¹³.

В своем письме к князю Голицыну Стурдза также просил дозволить обучаться во вновь учреждаемой семинарии в Кишиневе и светскому юношеству, хотя бы до той поры, пока в городе не будет обустроено достойное учебное заведение. Примечательно, что Александр I в марте 1813 г. через генерала от артиллерии А.А. Аракчеева передал князю Голицыну, что он согласен, чтобы в семинарии обучались и светские юноши¹⁴. 30 мая 1813 г. последовал и императорский указ об учреждении в Кишиневе семинарии¹⁵. Впрочем, набор первых слушателей начался задолго до этого указа, а само это духовное заведение начало свою деятельность 1 февраля 1813 г.¹⁶ при наличии 10 слушателей.

Что касается земли для устройства епархиального дома, то в силу того, что земля под городом Кишиневом принадлежала двум монастырям, которые находились на территории Османской империи, то решить этот вопрос мог лишь сам митрополит, учитывая его связи в Молдавии. Очевидно, по этой причине Стурдза предложил Бэнулеску-Бодони самому обратиться к руководителям этих монастырей и договориться о возможной уступке необходимого участка. Писал Стурдза и о сложностях с виноградниками в Аккермане. Хотя сады, о которых шла речь, и принадлежали короне, но, по словам Стурдзы, межевые работы по ним не проводились, следовательно, и границы этих владений пока определены не были.

Следует иметь в виду, что православное население области составляло подавляющее большинство местных жителей, а церков-

---

¹³ Мнение гражданского губернатора Бессарабской области о содействии со стороны гражданского правительства учредить в сей области новой епархии // РГИА. Ф. 707. Оп. 2. Д. 4704. Л. 31–34.

¹⁴ Предложение обер-прокурора князя А.Н. Голицына Св. Синоду. 8 марта 1813 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 93 (1812 г.). Д. 942. Л. 62.

¹⁵ Копия императорского указа от 30 мая 1813 г. об учреждении в Бессарабии семинарии // Там же. Л. 66.

¹⁶ *Efco D. Profesorii și elevii la seminarul teoretic din Chișinău // Inentitațiile Chișinăului. Ediția a treia. Materialele conferinței internaționale "Inentitațiile Chișinăului", 1–2 jctombrie 2015, Chișinău. Chișinău, 2016. P. 94.*

ное хозяйство по своей обширности требовало хорошо отлаженного управления. Если, по предварительным данным, в Бессарабии в 1812 г. было около 750 приходов, то по уточненным данным на 31 марта 1814 г. было установлено, что в крае состояли 777 церквей. В них служили 17 протопопов, 1384 попа, 150 диаконов, 550 дьячков, 417 пономарей. К числу прихожан относились 158 301 мужчина и 142 907 женщин, проживавших в 60 477 дворах. Так, в Кишиневе вели службу 6 церквей, при которых были один протодиакон, 15 попов, 4 диакона, 6 дьячков, 3 пономаря. Всего к ним относились 1094 двора, в которых проживали 3177 мужчин и 3008 женщин. Наибольшее количество церквей было в Оргеевском уезде: 256 церквей, при них 2 протодиакона, 450 попов, 87 диаконов, 214 дьячков, 189 пономарей. Прихожанами этих храмов были 45 697 мужчин и 41 315 женщин, состоявшие при 17 926 дворах¹⁷.

Учитывая столь большое количество православных храмов и столь обширную паству, по мнению Бэнулеску-Бодони, во главе епархии в тот сложный организационный период мог состоять лишь такой опытный церковник, как он сам. Впрочем, другого иерарха митрополит Гавриил и не предполагал. «Хотя для меня, — писал экзарх, — после Киевской митрополии и при экзаршеском звании сия епархия, по мнению некоторых, не классна, но я, привыкши считать для себя приличным служить везде, где только польза церкви и отечества требует, согласен принять на себя устройство и управление оной, имея в пособие и викарного преосвященного бендерского и аккерманского Дмитрия. В какой же класс поставит сию епархию, сие зависит от благорассмотрения Св. Пр. Синода, для епархиальной же печати прилагаю при сем рисунок на благорассмотрение и утверждение»¹⁸.

Далее митрополит Гавриил приложил проект штатного расписания новой епархии с перечислением церковных и служебных должностей. Он также самостоятельно составил рисунок епархиальной печати, который приложил к проекту. По мнению экзарха, штат епархиального управления должен был состоять из 44 человек, включая и необходимое число священников и церковнослужителей кафедрального собора¹⁹. Для обучения их детей Гавриил пред-

---

¹⁷ Ведомости о церквах и священно-церковнослужителях Кишиневской епархии за 1813 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 810. Л. 420–421.

¹⁸ Рапорт от члена экзарха Гавриила, митрополита и кавалера в Святейший Правительствующий Синод. 4 ноября 1812 г. Кишинев // РГИА. Ф. 796. Оп. 93 (1812 г.). Д. 942. Л. 1.

¹⁹ Проект митрополита Гавриила образования в Бессарабской области епархии // РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4704. Л. 20 об.

лагал учредить при епархиальном управлении семинарию. Столь внимательное отношение к образованию таких детей объяснялось плачевным состоянием дела по воспитанию сыновей местного духовенства. А ведь именно из этой среды формировался корпус духовенства Бессарабии. Так, в начале 1814 г. у местного духовенства было 2506 сыновей, из которых обучены чтению и письму были 1012 человека, т.е. менее половины. Так, из имевшихся детей от 1 до 15 лет были обучены грамоте и письму только 753 ребенка, а 1180 таким навыкам обучены не были. Из тех, кто имел возраст от 15 до 20 лет грамотными были 172 человека, при 42 необученных. Наконец, 87 молодых людей в возрасте от 20 лет и старше были грамотными, а 52 необученными²⁰. Обучать их в семинарии следовало на русском языке: «Языкам же обучать преимущественно и непременно российскому, яко владычествующему, национальному молдавскому, дабы обучающиеся могли на оном проповедовать народу слово Божье и добрую мораль. Латинскому, яко от оногo происходит и может обогащаться национальный, греческому, яко на оном писаны оригиналы догматов и учений Христианского закона, прочим же по произволению»²¹.

Отметим, что митрополит Гавриил еще 30 сентября 1812 г. распорядился приступить к организации в Кишиневе духовного правления под названием экзаршей дикастерии. Штат этого правления был невелик, а главой его был назначен кафедральный протоиерей П.С. Куницкий. Его же экзарх планировал назначить ректором будущей семинарии. Членами дикастерии также были назначены протопопы Георгий Родостан, Ставараки Костин и Георгий Батку. Дикастерия была разделена на два подразделения по географическому принципу. К первому относились все областные монастыри и скиты, а также приходы в Оргеевском, Лэпушнянском, Хотарничанском, Кодрском и Гречанском уездах. Руководителем этого подразделения был назначен губернский секретарь Иван Мизецкий, а его помощниками — коллежский регистратор Фролов и молдавский писатель Мануил Костин в качестве переводчика. Павлу Жаданову поручено было исполнять обязанности секретаря дикастерии, а его помощником был определен упомянутый выше И. Мизецкий. Ко второму подразделению относились приходы Сорокского, Хотинского, Флорешского и южная часть области. Им управлял губернский секретарь

---

²⁰ Ведомости о церквах и священно-церковнослужителях Кишиневской епархии за 1813 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 810. Л. 420–421.

²¹ Рапорт от члена экзарха Гавриила, митрополита и кавалера в Святейший Правительствующий Синод, 4 ноября 1812 г. Кишинев // РГИА. Ф. 796. Оп. 93 (1812 г.). Д. 942. Л. 1.

Петр Гетопанов, в помощники которого были переданы коллежский регистратор Георгий Хрисострату, подканцелярист Зарудницкий, копиист Леушицкий, а молдавский писатель Георгий Федоров и Михаил Куницкий определены переводчиками²². Очевидно, новая дикастерия приступила к своим обязанностям 30 октября 1812 г.

Для скорейшего принятия решения по проектируемой епархии митрополит Гавриил отправил в январе 1813 г. в С.-Петербург с бумагами и иными поручениями протоиерея П.С. Куницкого. В частности, в своей доверенности к нему Бэнулеску-Бодони писал: «Так как вы отправляетесь по делам здешней епархии в Санкт-Петербург, то сверх врученных вам пакетов, доверяю вам входить с представлениями и ходатайствовать о всем, что по обстоятельствам возможным и нужным вам покажется в пользу здешней церкви и духовенства»²³. Однако, перейдя Днестр и прибыв в Могилев, Куницкий был вынужден там задержаться на 24 дня из-за карантина. Чтобы не терять времени, он отправил в столицу вверенные ему бумаги нарочным. Из рапорта Куницкого и бумаг митрополита Гавриила следовало, что Стурдза не решился освободить полностью духовенство от податей, наложив на них ограниченные сборы, несмотря на то что экзарх настаивал на полном их освобождении. В связи с этим митрополит просил у Синода помощи в этом деле, с полным освобождением духовных лиц и их хозяйства от податей.

Писал Бэнулеску-Бодони и о лукавстве С.Д. Стурдзы по поводу аккерманских садов. По сведениям митрополита, сады уже были описаны, а бумаги по ним хранились в аккерманской крепости, о чем доносил ему протоиерей Федор Малявинский, отыскавший в канцелярии коменданта нужные документы. В своем рапорте Малявинский сообщал, что совместно с аккерманским благочинным, протоиереем Иоанном Поповичем они отыскивали оставшиеся от турок виноградные сады в составе 500 участков. Однако большая часть из них была опустошена или запущенна и лишь 2 небольших участка до 7 десятин были способны к нормальному производству винограда и фруктов²⁴.

Прибыв в С.-Петербург, протоиерей П.С. Куницкий выступил 5 мая 1813 г. перед членами Св. Синода, передав им еще несколько просьб митрополита Гавриила, которые он получил от него на словах. Помимо просьбы об отводе нужной части аккерманских садов

²² Inființarea eparhiei Chișinăului și Hotinului. Acte. P. 18–19.

²³ Доверенность на имя протоиерея Петра Куницкого от митрополита Гавриила. 21 января 1813 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 93 (1812 г.). Д. 942. Л. 46.

²⁴ Ф. Малявинский — митрополиту Гавриилу. 20 января 1813 г. // Там же. Л. 45.

архиерейскому дому, Бэнулеску-Бодони требовал отделить духовные дела от гражданских. По его словам, адмирал П.В. Чичагов уже распорядился, вопреки настояниям митрополита, передать областному правительству духовные дела. Кроме того, Куницкий от имени митрополита просил передать в ведение новой епархии церкви очаковской степи, в частности, Тирасполя, Дубоссар, Овидиополя и близлежащих селений, и «хотя бы один порядочный город», например, Одессу²⁵.

21 августа 1813 г. на всеподданнейшем докладе обер-прокурора А.Н. Голицына об учреждении Кишиневской и Хотинской епархии император наложил резолюцию: «Быть по сему». Помимо утвержденного императором штата епархиального управления, был определен и источник его финансирования. Очевидно, Александр I был удовлетворен предложением Бэнулеску-Бодони содержать архиерейский дом, дикастерию, семинарию и викарного епископа за счет местных источников, исключая казенных средств. В связи с этим царь согласился использовать для этого часть доходов со Свято-Успенского Каприянского монастыря и его вотчин Пурканы и Раскаец в Аккерманском уезде. Епархиальному управлению передавались и 7 дес. из аккерманских виноградных садов. Впрочем, Каприянский монастырь до 1814 г. принадлежал Зографскому монастырю, что требовало от Кишиневской и Хотинской епархии соблюдения ряда договоренностей между этими двумя монастырями. В частности, Каприянский монастырь должен был ежегодно отсылать на Афон 1500 левов из своих доходов. Александр I потребовал от епархиальных властей в Кишиневе соблюдения всех прежних договоренностей с Зографским монастырем. К источнику доходов епархиального управления были отнесены еще поборы с духовенства, которые практиковались и раньше. К их числу ранее относились так называемые поклонные деньги местному архиерею в размере 10 левов в год и школьные в размере 4 левов. Вместо них царь распорядился брать ежегодно со священнослужителей по 7 левов, но исключив из их числа протопопов, благочинных и уволенных по старости духовных лиц. В качестве временного архиерейского собора, до строительства достойного храма, была избрана Михайло-Архангельская церковь, о чем ранее просил митрополит Гавриил. Император также согласился передать архиерейскому дому 80 скутельников, а викарному епископу 40 таких крестьян.

---

²⁵ Предложение обер-прокурора Синода Св. Синоду 13 февраля 1813 г. // Там же. Л. 42.

Между тем в течение года, который предшествовал императорскому указу от 21 августа 1813 г., митрополит Гавриил и его персонал содержался исключительно за счет средств самого Бэнулеску-Бодони. Хотя еще летом 1812 г. адмирал В.П. Чичагов приказал С.Д. Стурдзе изыскать необходимые средства для содержания митрополита, губернатор игнорировал требования адмирала. При этом имевшихся у митрополита 3 тыс. руб. не хватило для содержания его штата. Экзарху пришлось войти в долги, чтобы обеспечить свое окружение хотя бы самыми необходимыми средствами. В 1813 г. он был вынужден обратиться к обер-прокурору А.Н. Голицыну с просьбой возместить ему все расходы в размере 20 тыс. левов. Глава же Синода просьбу митрополита передал министру финансов, который, однако, отказался решить этот вопрос своей властью. По этой причине вопрос о содержании митрополита Гавриила и его штата был передан на рассмотрение Комитета министров, который постановил удовлетворить претензии митрополита из доходов Бессарабской области. Лишь в августе 1814 г. Бэнулеску-Бодони получил требуемую сумму²⁶.

Вопреки всем этим трудностям митрополит Гавриил еще в 1813 г. приступил к подготовке строительства архиерейского дома и других епархиальных зданий. Не упустил он случая просить о помощи в этом деле и гражданского губернатора. Впрочем, тяжелая болезнь помешала С.Д. Стурдзе оказать создаваемой епархии сколько-нибудь достойную помощь. Вновь же назначенный по случаю болезни Стурдзы губернатором И.М. Гартинг и вовсе игнорировал просьбы Бэнулеску-Бодони. Экзарху пришлось строить необходимые для епархиального управления административные, жилые и хозяйственные постройки за счет доходов с Каприянского монастыря, аккерманских садов и частных пожертвований. Тем не менее в декабре 1814 г. практически все необходимые строительные работы были завершены. По этому случаю экзарх писал князю А.Н. Голицыну: «С радостным восторгом спешу донести вашему сиятельству, что начатое по высочайшему соизволению всемилостивейшего монарха и благословиению Святейшего Синода и по благотворному содействию вашему, милостивый благодетель, строение Кишиневской митрополии ныне уже с помощью Всевышнего кончено... Сие окончание новоустроенной митрополии ознаменовано освящением выстроенной при корпусе архиерейского дома церкви во имянование Покрова Пресвятыя Богородицы, при присутствии здешнего гражданского

---

²⁶ Справка о жаловании митрополита Гавриила // РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4796. Л. 9 об.

начальника и сословия молдавских бояр и российских чиновников и при стечении прочего народа сего ноября 12-го дня».

Заметим, что митрополиту Гавриилу еще в 1813 г. удалось договориться с руководством Галатского монастыря об уступке им участка земли площадью 130 кв. саженей для строительства епархиального дома. Исключительную роль в этом деле сыграл недавно назначенный на должность настоятеля этого монастыря архимандрит Серафим. По синодальным сведениям, Серафиму в 1815 г. было 48 лет и происходил он из болгарских дворян. Получил прекрасное образование, владел русским, греческим и молдавским языками. В монашество был пострижен 20 марта 1781 г. в Зографском монастыре иеросхимонахом Парфением. 3 апреля 1785 г. касандрийским архиепископом Григорием был произведен в иеродиакон, а 3 марта 1792 г. хушским епископом Иаковом (Иоанн Стамити-Стрэмэтура) произведен в иеромонахи. 5 июля 1796 г. молдавским митрополитом Иаковом был определен состоять наместником Киприянского монастыря, а 4 июля 1806 г. молдавским митрополитом Вениамином переведен начальником Гербовецкого Успенского монастыря. В 1812 г. митрополитом Гавриилом был определен благочинным монастырями и скитами в Оргеевском уезде, а 18 марта 1813 г. тем же Гавриилом произведен был в архимандриты²⁷. За содействие в получении земельного участка экзарх просил Св. Синод наградить Серафима достойным «знаком отличия. После длительной переписки было принято решение в 1817 г. наградить Серафима наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями. Свою награду получил и митрополит Гавриил, который удостоился панагии с такими же камнями.

Участок, расположенный в самом высоком месте города, был поделен на две части, с тем чтобы в северных его пределах построить все нужные здания. В частности, там расположился архиерейский жилой корпус, куда был поселен викарный епископ Дмитрий. При этом же корпусе была выстроена церковь Покрова Пресвятой Богородицы, довольно вместительная, с пономарней и отделением наверху для ризницы. Церковь была украшена приличным деревянным иконостасом, стены и свод были расписаны. Колокольня была оснащена четырьмя колоколами, а в ризнице было достаточно сосудов и необходимых книг. Был устроен и корпус для дикастерии, помещения для кухни, братская трапезная и еще около 10 различных строений. В другой части участка был разбит фруктовый сад. Весь

---

²⁷ Послужной список архимандрита Серафима // РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4780. Л. 12–13.

архиерейский квартал был окружен каменной стеной с приличными воротами напротив архиерейского дома²⁸.

После императорского указа от 21 августа 1813 г. активизировал свое участие в организации епархии и гражданский губернатор И.М. Гартинг. В начале ноября 1813 г. он приказал коменданту крепости в Аккермане подполковнику Арсеньеву и местному исправнику выбрать из местных садов 7 десятин земли с плодоносными виноградниками и передать на попечение уполномоченному от епархии священнослужителю²⁹. По его же поручению были отпечатаны указания полицейским службам Оргеевского и Аккерманского уездов, как провести разъяснительную работу среди населения тех вотчин, которые были приписаны к Каприянскому монастырю, что они с 21 августа переданы в подчинение епархиальным властям в лице вновь назначенных управляющих. Да и сам митрополит Гавриил не прекращал усилий по обустройству своей епархии. В рапорте от 29 сентября 1813 г. экзарх просил разрешить устроить при архиерейском доме типографию. Привозить из ближайшей к Кишиневу киевской типографии книги на славянском языке было весьма сложно, так как сохранялась по Днестру государственная граница, карантинные службы, да и транспортные расходы были значительными. Не меньше трудностей возникало и при доставке книг из Ясс на молдавском языке. Тем более что ясская типография была единственной в Молдавском княжестве и с трудом справлялась с местными заказами. «И по сему, — писал митрополит, — здешнее молдавское духовенство принуждено было покупать церковные книги, большей частью в австрийских владениях. А как книги тамошние печати униатской, кроме замеченных погрешностей, содержат учение и наставления с положениями Православной церкви несходные»³⁰. Ввиду этого власти запретили приобретать подобную литературу. 22 декабря 1813 г. в Св. Синоде слушали просьбу митрополита Гавриила, постановив разрешить открыть в Кишиневе типографию, но с рядом условий. В частности, печатать лишь новые исправленные церковные книги, по образцу тех, которые издавались в сенатской типографии. Строго следить за их переводом на

---

²⁸ Митрополит Гавриил — А.Н. Голицыну. 18 ноября 1814 г. // Там же. Л. 1–2; *Честина А.* Архимандрит архитектор Иоанникий (1777–1851) // *Tradiție și contemporaneitate în artele vizuale și culturologie Studii interdisciplinare. Conferința “Tradiție și contemporaneitate în artele vizuale și culturologie”.* În onoarea doctorului în studiul artelor Ludmila Toma. Iași—Chișinău, Moldova, 25 iunie 2020. P. 170–183.

²⁹ *Inființarea eparhiei Chișinăului și Hotinului.* P. 11.

³⁰ Рапорт синодального члена и экзарха Гавриила, митрополита и кавалера. 29 сентября 1813 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 694. Л. 1.

молдавский язык. В типографии разрешили печатать литературу как церковным шрифтом, так и гражданским. Последний мог быть использован для печати учебных пособий новооткрытой семинарии³¹. Императорское разрешение на открытие типографии последовало 4 мая 1814 г., а само это заведение начало свою деятельность 31 мая того же года.

Таким образом, к середине 1814 г. стараниями митрополита Гавриила в Бессарабской области стала полноценно действовать Кишиневская и Хотинская епархия. При ней была организована духовная семинария, которой призвана была не только готовить будущих священнослужителей, но и давать достойное образование детям местных священников и даже дворян. В отличие от многих епархий Кишиневская и Хотинская епархия обрела и право печатать необходимую литературу для церковной и образовательной деятельности.

References

Chestina A. *Arkhimandrit arkhitektor Ioannikiy (1777–1851)* [Archimandrite Architect Ioanniciu (1777–1851)] // *Tradiție și contemporaneitate în artele vizuale și culturologie. Studii interdisciplinare. Conferința “Tradiție și contemporaneitate în artele vizuale și culturologie”*. În onoarea doctorului în studiul artelor Ludmila Toma [Tradition and Contemporaneity in Visual Arts and Culturology. Interdisciplinary Studies. Conference “Tradition and Contemporaneity in Visual Arts and Culturology”. In honor of Ludmila Toma]. Iași; Chișinău: Liliana Condricova, 2020. P. 170–183.

Ețco D. *Profesorii și elevii la seminarul teoretic din Chișinău* [Teachers and Students at the Chișinău Theoretical Seminary] // *Identitățile Chișinăului. Materialele conferinței internaționale. Ediția a treia (Chișinău, 1–2 octombrie 2015)* [The Identities of Chișinău. The Acta of the International Conference. 3rd edition. (Chișinău, 1–2 October 2015)]. Chișinău: Arc, 2016. P. 94–114.

Filipenko A.A. *Pervyy Arkhipastyr’. Zhizn’ i dela Gavriila* [The First Archpastor. Life and Deeds of Gavriil (Bănulescu-Bodoni)]. Odessa: VMV, 2009. 144 p.

Florinskiy N. *Zhizn’ i deyatelnost’ mitropolita Gavriila Bănulescu-Bodoni* [Life and Activities of Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni]. Chișinău: Paragon, 2005. 204 p.

Înființarea eparhiei Chișinăului și Hotinului. Acte [The Establishment of the Diocese of Chișinău and Khotin. Acts] // *Arhivele Basarabiei. Revistă de istorie și geografie a Moldovei dintre Prut și Nistru*. 1929. An. 1. N 4. P. 7–23.

Morozan V.V. *Tserkovnaya i gosudarstvennaya deyatelnost’ mitropolita Gavriila (Grigorie Bănulescu-Bodoni)* [Church and State Activity of Metropolitan Gavriil (Grigorie Bănulescu-Bodoni)] // *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*. 2022. N 1 (9). P. 1–14.

Poștarencu D. *Prezența mitropolitului Gavriil Banulescu-Bodoni la Sankt Petersburg (decembrie 1811 — iunie 1812)* [The Presence of Metropolitan Gavriil Banulescu-

---

³¹ Копия журнала Св. Синода. 11 декабря 1813 г. // Там же. Л. 24–26.

Bodoni in Saint Petersburg (December 1811 — June 1812)] // *Latinitate, Romanitate, Românitate. Volumul conferinței științifice internaționale. Ediția a 5-a (Chișinău, 5–6 noiembrie 2021)* [Latinity, Romanity, Romance. The Volume of the International Scientific Conference. 5th ed. (Chișinău, 5–6 November 2021)]. Chișinău: CEP USM, 2022. P. 181–198.

Skvortsov V. *Gavriil Bănulescu-Bodoni, mitr. Kishinevskiy, ekzarkh moldo-vlakhiiyskiy* [Gavriil Bănulescu-Bodoni, Metropolitan of Chișinău, Exarch of Moldavia-Vlachia] // *Drevnyaya i novaya Rossiya*. 1879. Vol. 2. N 7. P. 178–189.

Stadnitskiy A. *Gavriil Bănulescu-Bodoni, ekzarkh Moldo-Vlakhiiyskiy (1808–12 gg.) i mitropolit Kishinevskiy (1813–21 gg.)* [Gavriil Bănulescu-Bodoni, Exarch of Moldavia-Vlachia (1808–12) and Metropolitan of Chișinău (1813–21)]. Chișinău: Tipografiya E. Shliomovicha, 1894. 455 p.

Zhmakin V. *Mitropolit Gavriil Bodoni* [Metropolitan Gavriil Bodoni] // *Russkiy arkhiv*. 1898. N 11. P. 309–377.

Zykov G. *Ocherk deyatelnosti mitr. Gavriila po uluchsheniyu polozheniya Tserkvi i pravoslavnogo dukhovenstva v knyazhestvakh Moldavii, Valakhii i Bessarabii s 1808 po 1812 gg.* [Essay on the Activity of Metropolitan Gavriil to Improve the Situation of the Church and the Orthodox Clergy in the Principalities of Moldavia, Wallachia and Bessarabia from 1808 to 1812] // *Kishinevskiyeyeparkhial'nyye vedomosti*. 1879. N 14. P. 538–562; N 15. P. 574–595.

Поступила в редакцию
6 марта 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-57-76

И.В. Омелянчук

**О ПРИЧИНАХ ПОПУЛЯРНОСТИ
МОНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЙ
НА ВОЛЫНИ В НАЧАЛЕ XX в.**

I. V. Omeliyanchuk

**ON THE REASONS FOR THE POPULARITY
OF MONARCHICAL IDEAS IN VOLHYNIA
IN THE EARLY 20th CENTURY**

Аннотация. Одним из центров монархического движения в России начала XX в. стала Волынская губерния. Целью данной статьи является выявление причин успеха монархистов на юго-западных окраинах империи, в частности на Волыни. Научная новизна данного исследования обусловлена привлечением для решения заявленной задачи не только достаточно широкого круга источников, часть которых впервые вводится в научный оборот, но и использованием последних достижений как отечественной, так и зарубежной историографии. Важнейшей причиной популярности монархических идей в Юго-Западном крае являлось наличие в регионе постоянно тлеющего этноконфессионального конфликта между православными, католиками и иудеями. В его основе лежали острые социально-экономические противоречия, главным из которых была борьба за землю между православными крестьянами и польскими помещиками-католиками, в которую включились евреи-арендаторы, сдававшие крестьянам землю в субаренду на невыгодных условиях. К тому же евреи практически монополизировали розничную торговлю на селе. Появление в регионе Союза русского народа (СРН), выступавшего в защиту самодержавия (которое олицетворяло для крестьян порядок и патронажную

Омелянчук Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; профессор кафедры истории Государственного технического университета имени Н.Э. Баумана

Omeliyanchuk Igor' Vladimirovich, Doctor in History, Professor, Department of History, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University; Professor, Department of History, Bauman State Technical University

omeliyanchuk@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7535-2612

заботу государя о своем народе), православия (веры предков, за которую казаки веками бились с «ляхами» и «жидами») и «русской народности» (с которой отождествляли себя волынские крестьяне), породило определенные надежды у православного населения. Оно верило, что с помощью этой организации сможет не только не допустить «ополячивания» Волынской губернии, но и получить в собственность землю помещиков-католиков, а также избавиться от торговой монополии евреев, так как и тех, и других СРН объявил врагами самодержавия. Значительную роль в популяризации монархических идей на Волыни играл и личностный фактор: правые имели в регионе сильных и влиятельных лидеров, большинство из которых являлись священнослужителями, что позволяло им в своей политической деятельности использовать не только духовный авторитет Почаевской лавры, но и ее материальную базу.

Ключевые слова: Российская империя, Юго-Западный край, Волынская губерния, монархические партии, Союз русского народа, Почаевская лавра, Виталий (Максименко), Илиодор (Труфанов).

Abstract. In the early 20th century, the monarchist movement in Russia had several centers, one of which was Volhynia province. The purpose of this article is to identify the reasons for the success of the monarchists in the south-western fringes of the empire, particularly in Volhynia. The scientific novelty of this research is twofold: firstly, it utilizes a wide range of sources, some of which are first introduced into the scientific discourse; and secondly, it employs the latest achievements of both domestic and foreign historiography. The most significant reason for the popularity of monarchist ideas in the South-Western territory was the presence in the region of a constantly smouldering ethno-confessional conflict between Orthodox, Catholics and Jews. This was rooted in the region's acute socio-economic contradictions, chiefly the ongoing struggle for land between Orthodox peasants and Polish Catholic landlords, with Jewish tenants, who leased land to the peasants on unfavourable terms, becoming embroiled. Additionally, Jews effectively monopolized retail trade in the countryside. The Union of Russian People (SRN) emerged in the region, defending autocracy (which for the peasants embodied order and the patronage care of the sovereign for his people), Orthodoxy (the faith of their ancestors, for which the Cossacks had fought against the "Lyakhs" and "Jews" for centuries) and "Russian nationality" (with which Volhynia's peasants identified themselves). This development gave rise to a renewed sense of optimism among the Orthodox populace, who perceived the SRN as a potential bulwark against the "Polonization" of Volhynia province. Moreover, they anticipated that the SRN would facilitate their acquisition of land owned by Catholic landlords and would also assist in the dissolution of the trade monopoly held by the Jewish population. This was due to the fact that the SRN had declared both of them to be enemies of the autocracy. The personal factor also played an important role in the popularization of monarchist ideas in Volhynia. The Right had strong and influential leaders in the region, mostly clergymen. So these leaders could use not only the spiritual authority of the Pochaiv Lavra but also its material base in their political activities.

Keywords: Russian Empire, South-Western territory, Volhynia province, monarchist parties, Union of Russian People, Pochoiv Lavra, Vitaly (Maksimenko), Iliodor (Trufanov).

* * *

Русские монархические партии в период между двумя революциями являлись самой многочисленной политической силой, насчитывая в своих рядах по нашим подсчетам не менее 450 тыс. членов¹. Из них около половины было сосредоточено в 15 губерниях Западного и Юго-Западного краев, входивших в черту еврейской оседлости². Наиболее массовым монархическое (черносотенное) движение стало в Юго-Западном крае — Киевской, Подольской и Волынской губерниях. По количеству отделов правых организаций (в первую очередь Союза русского народа, СРН) и состоящих в них членов Волынская оказалась вне конкуренции. Именно здесь созданный 8 ноября 1906 г. Союз русского народа достиг наибольшей популярности и численности

В самой же Волынской губернии центром распространения монархических идей стала Почаевская лавра, при которой в августе 1906 г. был открыт отдел СРН³. Возглавил его архимандрит Виталий (Максименко). Печатный орган Союза газета «Русское знамя» в ноябре этого же года сообщила, что из 200 действующих к этому времени по всей стране отделов СРН 107 «единовременно открылось» на Волыни⁴. К началу 1907 г. по сведениям местного губернатора число отделов на Волыни превысило 600, а к концу этого года в губернии действовало 1068 организаций (отделов и подотделов) СРН, насчитывавших в своих рядах около 105 тыс. человек⁵. Характерно, что аналогичные цифры приводил и политический оппонент правых, представитель украинской социал-демократической рабочей партии, будущий член Центральной Рады В.В. Садовский, утверждавший, что к январю 1907 г. к СРН на Волыни присоединилось 571 село⁶. Американский исследователь Д. Роусон полагает, что хотя

¹ Подробнее см.: *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007. С. 82–85.

² *Иванов А.А.* Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. Т. 1. Консервативные партии. М., 2022. С. 137.

³ Центральный государственный архив Украины в г. Киеве (далее — ЦГИАУ). [Центральний державний історичний архів України, м. Київ]. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 214.

⁴ Русское знамя. 1906. 14 ноября. № 281.

⁵ *Кирьянов Ю.И.* Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 8. С. 98.

⁶ *Федевич К.К., Федевич К.І.* За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки) / Пер. з рос. Катерина Демчук. Київ, 2017. С. 141.

все эти цифры кажутся «необычно высокими», но они «могут быть точными», так как скорее всего обозначают не количество филиалов СРН, а деревни, жители которых вступили в Союз⁷. При этом в отличие от других регионов Российской империи рост численности членов СРН в Юго-Западном крае продолжался до начала Первой мировой войны. По сведениям, приводимым печатным органом СРН, к середине лета 1914 г. в Почаевский отдел СРН записалось уже более 200 тысяч домохозяев⁸.

Кроме Союза русского народа в Волынской губернии действовали и другие правые организации. Так, в самом конце 1905 г. в административном центре губернии начало действовать «Житомирское патриотическое общество»⁹. Председателем его был отставной коллежский советник А.Ф. Кузьменко. В 1906 г. общество насчитывало в своих рядах более 150 человек¹⁰. В самом начале 1906 г. преподаватель Волынской духовной семинарии И.П. Роганович в видах «перевеса русских над партиями инородцев при выборах Государственную думу»¹¹ основал в Житомире «Русскую народную партию», насчитывавшую в своих рядах 370 членов¹². Характерно, что генерал-губернатор Юго-Западного края генерал-лейтенант В.А. Сухомлинов, вопреки мнению Волынского губернатора барона Ф.А. Штакельберга, разрешил партии действовать «без утвержденного Правительством устава, который может служить стеснением для партии в будущем ее развитии», в чем получил полную поддержку товарища министра внутренних дел князя С.Д. Урусова¹³. В Новоград-Волынском уезде в местечке Любар в начале 1906 г. было создано «Любарское общество людей, преданных престолу и отечеству». Впрочем, уже 1 декабря 1906 г. общее собрание организации приняло решение «о вхождении в союз с Житомирским отделом СРН, как ближайшим от Любара, и принятии программы, выработанной Союзом Русского Народа»¹⁴. Полицейский документ утверждал, что в 1906 г. в Волынской губернии действовала Монархическая партия, членами которой состояли 5000 человек. Негласно ее возглавляли «архиепископ Волынский Антоний и вице-губернатор Рапойто-Дубяго»¹⁵,

⁷ Rawson D. C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 93.

⁸ Русское знамя. 1914. 27 июля. № 169.

⁹ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 855. Д. 71. Л. 52.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 157. Л. 77.

¹¹ Там же. Д. 39. Л. 1.

¹² Там же. Д. 157. Л. 77.

¹³ Там же. Д. 39. Л. 2, 3.

¹⁴ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 636. Д. 647. Ч. 1. Л. 135.

¹⁵ Кирьянов Ю.И. Указ соч. С. 99.

формальным же председателем числился некто Мельников, бывший урядник. Но вскоре эта организация исчезает со страниц полицейских документов — вероятно, волынская Монархическая партия последовала примеру любарских монархистов и в полном составе влилась в ряды СРН, следствием чего стало появление Житомирского отдела Союза.

Если в большинстве регионов империи пик численности правых организаций пришелся на осень 1907 г., то в Юго-Западном крае Союз русского народа продолжал расти в количественном отношении вплоть до начала Первой мировой войны. Так, председатель Житомирского отдела СРН генерал-майор А.М. Красильников в начале 1908 г. «говорил об одном миллионе семистах тысячах членов Волынского отдела Союза Русского Народа»¹⁶ (имея в виду количество членов во всех организациях СРН на территории губернии). В 1909 г. в Петербург из Почаева прибыла депутация от Волынского Союза русского народа, возглавляемая архимандритом Виталием. Монархисты привезли с собой для вручения царю «подписанные народом на Самодержавие листы», переплетенные «в двенадцать томов, по числу уездов Волынской губернии»¹⁷. Один из лидеров правого движения В.В. Шульгин писал: «Беру одну из этих тяжелых книг в руки... Мелькают знакомые деревни, мелькают знакомые имена... “Бизюки, Сопрунцы, Ткачуки, Климуси, Романчуки” ... Вместо неграмотных стоят кресты... Все это подлинное... Подписи настоящие...» Число этих подписей было несколько меньше цифры, приведенной А.М. Красильниковым (1,7 млн человек), но все же очень большим: «Миллион подписей... Миллион сказали, что на земле превыше всего верят царю и просят его по-старому править Русскою землею...», — писал В.В. Шульгин¹⁸.

При этом он подчеркивал, что волынские крестьяне вступали в СРН потому, что «они не “украинцы”, а русские»¹⁹. Член III Думы от Волынской губернии крестьянин М.С. Андрейчук заявил: «Всякую украинофильскую пропаганду мы отвергаем... Мы малороссы, как и великороссы, суть люди русские, а гг. Милюкову, Родичеву и Лучицкому говорим: продолжайте вашу заботу о том племени, служить которому вы призваны, а украинского народа не касайтесь»²⁰. В то же время монархисты признавали существование «особой породы

---

¹⁶ Русское знамя. 1908. 14 февраля. № 37.

¹⁷ Русское знамя. 1909. 28 января. № 22.

¹⁸ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 510.

¹⁹ Там же.

²⁰ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 296.

людей» — «украиноманов-мазепинцев», которые хлопочут «о создании какой-то особой русской культуры, чтобы, опираясь на нее, политически отколоть часть русского народа в особую украинскую, по их терминологии группу», и которые «втайне... мечтают об отделении Малороссии от России»²¹. Однако правые считали (и на тот момент не без оснований), что эти идеи, продвигаемые малочисленной кучкой интеллигенции, не находят поддержки в среде простого народа, так как жители Волыни в большинстве своем идентифицировали себя как представителей малороссийской ветви единого русского народа.

В мае 1907 г. на приеме у Николая II В.В. Шульгин так ответил императору на вопрос о причинах успеха правых на выборах в Государственную думу: «Нас, ваше величество, спаяли национальные чувства. У нас русское землевладение и духовенство, крестьянство шли вместе, как русские. На окраинах, ваше величество, национальные чувства сильнее, чем в центре». Самодержец согласился: «...у вас много национальностей... кипят. Тут и поляки, и евреи. Оттого русские национальные чувства на Западе России — сильнее»²².

И действительно, конфликт между этноконфессиональными группами в Юго-Западном крае тлел давно, со времен Речи Посполитой, периодически ярко вспыхивая. В одном из донесений начальника Волынского губернского жандармского управления (ГЖУ) отмечалось: «Коренная масса Волынян... принципиально, в силу исторических причин, враждебна к “панству” и “еврейству”»²³. Печатный орган СРН газета «Русское знамя» поясняла: «Крестьяне Волыни терпят от польских помещиков и евреев-торговцев и ростовщиков». «А так как поляки и евреи являются в то же время и врагами русской государственности, патриотическое движение крестьян в Волыни имеет не только политический, но и сословный классовый характер»²⁴. При этом если поляки на Волыни действительно были самой богатой национальной группой (составляя всего около 6% населения губернии, владели 21% имущества), то евреи, наоборот, самой бедной: 14% населения и всего лишь 7% имущества²⁵.

После польского восстания 1863 г., в организации которого ключевую роль сыграли польские помещики, правительство всячески стремилось в Юго-Западном крае способствовать переходу

---

²¹ Федевич К.К., Федевич К.И. Указ. соч. С. 141–142.

²² Шульгин В.В. Указ. соч. С. 504.

²³ ЦГИАУ. Ф.1335. Оп. 1. Д. 1449. Л. 410.

²⁴ Русское знамя. 1909. 1 июля. № 144.

²⁵ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 639. Д. 819. Л. 20, 21, 22.

земельных владений из рук поляков в руки православных, однако нисколько не преуспело в этом — поляки по-прежнему сохраняли доминирующие позиции в аграрном секторе Волыни. Кроме того, как указывает французский историк Д. Бовуа, в Юго-Западном крае (Киевская, Волынская и Подольская губернии) часть земель польских помещиков переходила не в собственность православных владельцев, а в держание еврейским посредникам, сдававшим землю в субаренду крестьянам на гораздо худших условиях и требовавшим не только арендную плату, но и вводившим барщинные отработки, что способствовало росту антисемитизма в деревне²⁶. Волынский губернатор еще в 1878 г. сообщал, что «еврейский элемент, доминирующий в губернии, сумел сосредоточить в своих руках под прикрытием долгосрочной аренды и различных махинаций значительную часть частных владений, в том числе принадлежащих польским помещикам», что имело весьма негативные последствия для экономики края²⁷.

Указами 1882 г. евреям было запрещено селиться в сельской местности (это не касалось тех, кто уже жил в деревнях), а в аренду евреям отныне разрешалось брать только собственность, находящуюся в городе. Однако и это не изменило ситуацию: «даже богатые крестьяне сдавали землю в аренду евреям, а польские помещики продолжали заключать с ними противозаконные, но приносящие выгоду соглашения», — пишет Д. Бовуа²⁸. Более того, вопреки действовавшему законодательству, наблюдалось постоянное увеличение еврейского землевладения. В 1860 г. в черте оседлости евреи владели всего 16 тыс. десятин земли, а в 1907 г. — уже 5 млн²⁹. При этом, несмотря на все старания правительства, значительная часть этой земли сдавалась в аренду крестьянам на весьма невыгодных для них условиях.

Неудивительно, что в числе важнейших проблем волынского крестьянства на первое место была поставлена «земельная нужда», о которой депутация Почаевского СРН решила сказать самодержцу во время высочайшего приема³⁰. Разрешить ее крестьяне надеялись за счет земель польских помещиков и еврейских арендаторов, не без оснований надеясь на поддержку Союза русского народа, объявив-

---

²⁶ Бовуа Д. Битва за землю в Україні 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Перекл. з фр. Київ, 1998. С. 27–28.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Там же. С. 29.

²⁹ Владимирский голос. 1907. 11 апреля. № 16.

³⁰ Федевич К.К., Федевич К.І. Указ соч. С. 191.

шего евреев и поляков врагами русской государственности и ведущего с ними непримиримую борьбу.

Руководитель Почаевского СРН о. Виталий в письме председателю СРН А.И. Дубровину указывал, что «крестьян только тем и можно привлечь к Союзу, если оказать им помощь в решении земельного вопроса, и для этого не нужно обещать им по кадетскому вопросу (вероятно, варианту. — *И.О.*) даровой земли. Нужно обсудить законные способы перехода продающейся земли в крестьянские руки. Нужно облегчить крестьянам возможность приобретения вольноопределяющихся (продаваемых. — *И.О.*) земель, а для этого ввести в силу временные правила о запрещении покупать землю инородцам и полякам»³¹.

Также о. Виталий указывал на опасность потери крестьянами своих сервитутов. В письме одному из лидеров СРН Г.В. Бутми он сообщал, что в силу «отсутствия прямых узаконений, касающихся сервитутов, и за беспомощностью крестьян отстаивать свои права законными путями в судах, сервитуты тают. Уже половина их для крестьян пропала. Исчезновение другой половины недолго придется ждать, тем более что начальство стоит за уничтожение сервитутов». Последствия, указывал о. Виталий, могут быть весьма печальными, что «показывает Холмщина, где 120 000 русских “бобылей” (безземельных крестьян. — *И.О.*), находившихся в кабале у панов, чтобы не умереть с голода, принуждены были перейти в католичество». На Волыни, продолжал о. Виталий, «после захвата поляками без выкупа и вознаграждения сервитутов, крестьяне окажутся между польскими владениями, как в осаде, и попадут на Волыни в такую же кабалу, как в Галиции и Холмщине». Предложения руководителя Почаевского отдела СРН сводились к следующему: «... Позаботиться об охране крестьянских прав и выработать для внесения в Государственную Думу законопроекты о разверстании возможно выгодного для крестьянства и русской государственности», а также «воспользоваться сервитутным правом, как одним из реальных мотивов к переходу свободной продажи земли в русские руки»³². Следует подчеркнуть, что, выступая в защиту крестьянских интересов, председатель Почаевского СРН о. Виталий, по словам В. В. Шульгина, «умел держаться на границе демагогии. Он утверждал, что крестьяне получают землю, но не грабежом, не революцией, не всякими безобразиями, а только волей государя и “по справедливости”, т.е. чтобы “никого

³¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., автор предисловия В.В. Шелохаев; сост. и автор комм. и предисловия К.А. Соловьев. М., 2014. С. 133.

³² Там же. С. 116–117.

не обижать»». Поэтому на Волыни не было «ни одной помещицкой «иллюминации»»³³ (поджога усадеб).

Для преодоления крестьянского малоземелья «союзники» (члены Союза русского народа) на страницах «Почаевских известий» выдвинули идею создания народного банка, который, с одной стороны, должен был выдавать займы на приобретение земли под невысокие проценты, с другой — предоставить возможность тем, у кого имеются свободные деньги, вложить их в банк и получать хороший доход³⁴. Следует отметить, что еще с 1909 г. священнослужители получили разрешение участвовать в деятельности кредитных товариществ, а министр финансов В.Н. Коковцов даже настойчиво приглашал их к этому. Вскоре Волынь «стала покрываться сетью товариществ мелкого кредита». Идею поддержал и архиепископ Антоний, распорядившийся, «чтобы причты епархии вносили свободные церковные суммы в кассы товариществ»³⁵. Так что потребность в создании крупного кредитного учреждения для крестьян была очевидной.

В феврале 1911 г. был утвержден устав банка, названного «Почаево-Волынский народный кредит», а в марте это финансовое учреждение уже начало свою работу. Основной сферой деятельности банка, как сообщалось в донесении генерал-губернатору Юго-Западного края, стала выдача ссуд «на покупку земли на льготных условиях»³⁶. Однако полностью решить проблему крестьянского малоземелья на Волыни с помощью банка не удалось — потребность в ссудах на покупку земли была столь высока, что по признанию участников 3-го съезда общества союзных старост на Волыни, проходившего с 5 по 7 сентября 1911 г., «имеющиеся средства банка могут удовлетворить едва десятую часть поступивших требований ссуд»³⁷. Волынский губернатор подтверждал, что имеющиеся у банка средства «ничтожны для развития дела»³⁸. И это несмотря на то, что «на помощь ему пришло правительство, отпустив заимообразно в фонд банка крупную сумму»³⁹ (110 тыс. руб. в сумме от трех ведомств — Министерства финансов, Главного управления земледелия и землеустройства и

³³ Шульгин В.В. Указ. соч. С. 507.

³⁴ Ковалева Е.О. Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка // Русин. 2022. № 67. С. 211.

³⁵ Вычужжанин А.Л. Банк Почаевской лавры // Экономические стратегии. 2012. № 2. С. 102, 103.

³⁶ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 862. Д. 90. Л. 13.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

³⁸ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 642. Д. 497. Л. 6.

³⁹ Там же. Оп. 862. Д. 90. Л. 13.

Главного переселенческого управления⁴⁰). Кроме того, правительственная ревизия летом 1913 г. отметила, «что полученные в кредит средства тратятся крестьянами не столько на покупку земли, сколько на раздачу долгов — евреям или помещикам»⁴¹.

Поэтому часть монархистов предлагала «кадетский» (по терминологии о. Виталия) способ решения земельного вопроса на Волыни. В брошюре, изданной типографией Почаевской лавры, ее автор, известная правая деятельница М.Н. Мариуца-Гринева выступила с предложением изъять земли инородцев в Юго-Западном крае (в первую очередь, конечно же поляков) и передать их в казну (за известную компенсацию) для последующей продажи «русским людям»⁴². Однако крестьяне, среди которых никогда не угасала идея черного передела, почему-то считали, что через СРН они могут получить землю безвозмездно. «Материалы перлюстрации свидетельствуют, что такого рода идеи получили значительный резонанс среди крестьян и не на шутку напугали польских помещиков Западного края», — утверждает современный исследователь М. Лукьянов⁴³. Еще один автор, Я.А. Седова, также пишет, что о перераспределении помещичьих земель через СРН на Волыни, по словам крестьян, якобы говорили все, включая «батюшку, старшину и даже мирового посредника». При этом исследовательница, проанализировав материалы периодических изданий Почаевского Союза, утверждает, что его руководители «никогда не прибегали к таким примитивным лозунгам»⁴⁴. Однако, как вспоминал сам о. Виталий, местное крестьянство записывало в Союз «поголовно всех до младенцев», так как было убеждено, что те, кто не будет записан, земли не получат⁴⁵. Упомянутый выше украинский социал-демократ В.В. Садовский в своей статье «Чорна сотня на Волині», опубликованной в начале 1907 г. в украинской внепартийной оппозиционной газете «Рада» (Киев), на основе анализа писем и наказов «черносотенцев» также утверждал, что волынское крестьянство вступало в СРН в надежде получить землю⁴⁶.

---

⁴⁰ Годовой отчет общества Волынского Кредита под наименованием «Почаево-Волынский народный кредит» за третий операционный 1913-й год. Почаев, 1914 // Мирный труд. 1914. № 1. С. 315.

⁴¹ Ковалева Е.О. Указ. соч. С. 214.

⁴² Лукьянов М. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Stuttgart, 2006. С. 145.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Седова Я.А. Илиодор. Мистический друг Распутина. Т. 1. М., 2022. С. 99.

⁴⁵ Цит. по: Иванов А.А. Указ соч. С. 134.

⁴⁶ Федевич К. К., Федевич К. И. Указ. соч. С. 141.

Одной из причин противостояния между православными крестьянами Воыни и евреями было так называемое «еврейское засилье». Согласно донесению, адресованному генерал-губернатору Юго-Западного края, «евреи остаются верны себе в отношении стремления к засилью в сельских местностях. Поведение их получает должную оценку в глазах крестьянства и отношения между последним и евреями далеко не дружественные»⁴⁷. Правый публицист А.П. Липранди утверждал, что в деревне «торговля составляет монополию евреев (ибо христианских лавок в деревне нет)»⁴⁸. Действительно, в черте оседлости евреи, стесненные различными ограничениями, сосредоточили свои усилия в открытой для них сфере деятельности — торговле. В «черте» 38,7 % евреев занимались торговлей, у представителей других национальностей этот показатель был в 10 раз меньше⁴⁹. Фактически всё необходимое крестьянин покупал в еврейской лавке. Свой урожай, из-за отсутствия инфраструктуры для длительного хранения зерна (элеваторов), крестьянин, чтобы не испортилось зерно, вынужден был продавать как можно скорее, а значит — по низкой цене. В качестве перекупщиков урожая чаще всего выступали также евреи: по данным еврейского же исследователя И.М. Бикермана, в черте оседлости из каждой тысячи торговцев зерновыми продуктами 930 были евреями⁵⁰.

Для описания этой ситуации правые использовали выражение «еврейское засилье», а борьба с этим «засильем» стала одним из основных лозунгов СРН. Особую поддержку населения этот лозунг получил в Юго-Западном крае, в частности на Воыни. При этом В.В. Шульгин подчеркивал, что председатель Почаевского отдела СРН о. Виталий, «помня свой пастырский долг... призывал к противодействию еврейству путем экономической борьбы, а также национальной организованности»⁵¹, а отнюдь не организацией погромов.

В сентябре 1906 г. собрание Почаевского отдела СРН констатировало: «Вся местная торговля, все почти денежные обороты — в руках евреев. Этим способом евреи держат христиан в своей власти. Нужно ли продать или купить что христианину, без еврея он не обойдется. Евреи, пользуясь нуждой, скупают у христиан их урожай и их изделия в полцены, а свои товары продают со всякой подделкой, обманами, и при том в три дорога... Христиане на своей шее

---

⁴⁷ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 861. Д. 259, ч. 1. Л. 24.

⁴⁸ Липранди А.П. Равноправие и еврейский вопрос // Мирный труд. 1910. № 10. С. 43.

⁴⁹ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 27.

⁵⁰ Бикерман И.М. Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 43.

⁵¹ Шульгин В.В. Указ. соч. С. 507.

несут всю тяготу этого египетского ига, на их переплоченные гроши евреи богатеют, живут по-пански, не зная тяжелого труда». Выход из этой ситуации собравшиеся предлагали такой: «...Открыть для своих нужд общую лавку. Чтобы там можно было забирать товар доброкачественный, без еврейских процентов и без обмана»⁵². Кстати, в канцелярии Киевского генерал-губернатора также считали, что потребительские лавки являются «одним из главных орудий борьбы с еврейским экономическим засильем»⁵³.

Уже 7 декабря 1906 г. «Русское знамя» опубликовало выработанный Почаевским отделом СРН проект устава потребительской лавки. На следующий день Главный Совет этот проект утвердил, разослав его «как образец по всем отделам Союза», и разрешил открытие потребительской лавки в Почаеве⁵⁴. Экономическая деятельность Почаевского отдела СРН имела явно антиеврейскую направленность. Еженедельное «Прибавление к Почаевскому листку» советовало своему читателю: «Никогда не покупай в частной [еврейской] лавке того, что можешь купить в своем обществе (лавке)»; «не поддавайся наушничеству лавочника жида, который захочет переманить тебя из потребительской в свою собственную лавку»⁵⁵.

Руководители Почаевского отдела Союза требовали от своих активистов «всеми мерами способствовать развитию по селам потребительного дела, пользуясь для того печатным словом, устными беседами, разъездами, курсами и т. п.», «знакомить народ с пользою потребительных лавок» и стремиться «открыть приходскую лавку в каждом приходе»⁵⁶. Результаты этой деятельности не замедлили сказаться. По подсчетам современной исследовательницы Т.М. Висиной, к 1912 г. на Волыни действовало уже 24 кооперативных учреждения, организованных непосредственно Почаевским отделом СРН⁵⁷. Архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) писал, что о. Виталий «всю Волынь покрыл отделами Союза, устраивает потребительские лавки, кредитные общества и всячески выручает из экономической жидовской кабалы Волынский народ»⁵⁸. С ним соглашалась правая газета «Благовест»: «За 3 года существо-

---

⁵² Федевич К.К., Федевич К.И. Указ. соч. С. 209.

⁵³ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 862. Д. 90. Л. 13.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

⁵⁵ Прибавление к Почаевскому листку. 1909. 17 ноября. № 817.

⁵⁶ Там же. С. 233.

⁵⁷ Цит по: Федевич К.К., Федевич К.И. Указ соч. С. 231

⁵⁸ Образцов В. Торжество русского объединения: освящение «Народного дома» Екатеринославского отд. Союза русского народа 5 октября 1910 г. Харьков, 1912. С. 42.

вания [Почаевского] союза торгово-промышленная деятельность захвачена уже наполовину русскими людьми, состоящими в многочисленных отделах союза»⁵⁹.

Однако Волынский губернатор не разделял восторгов по поводу результатов деятельности о. Виталия в вопросе насаждения кооперативных учреждений: «...Если общества эти [потребительские кооперативы] увеличиваются в количественном отношении, то далеко нельзя сказать, что дела их развиваются... Это в массе своей бакалейные лавочки, занимающиеся перепродажей приобретенных у евреев же продуктов, а при таких условиях общества эти являются... филиальными отделениями более крупных еврейских лавок. Таким образом, львиная доля доходов попадает к тем же евреям: общества влачат жалкое существование»⁶⁰. Тем не менее благодаря потребительским обществам СРН удалось снизить розничные цены, что весьма способствовало популярности Союза на Волыни.

Кроме того, Почаевский одел СРН добился определенных успехов и в борьбе со спекуляцией хлебом. Архиепископ Антоний писал, что на Волыни крестьяне голодали «даже в самые урожайные годы, потому что жида стачкою понижали цены до 35 копеек за пуд пшеницы, которую продавали за границу по 2 рубля за пуд»⁶¹. В 1908 г. монархисты открыли «несколько потребительских магазинов», выписали «из Челябинска 75 вагонов дешевого хлеба» и тем самым вынудили «евреев понизить цену на 18 копеек с пуда, разрушив их злостный синдикат»⁶². «Русское знамя», сообщая об этом, предупреждало: «...Если, где на Волыни они [еврейские торговцы] опять поднимут цену и начнут драть, давайте знать в Почаев. Мы сейчас же телеграфом распорядимся, чтобы вагон ржи был отправлен на станцию, какую укажете. Пусть всегда эта плеть союзная висит над жидами, чтобы они не смели обирать народ»⁶³.

Еще одной сферой деятельности евреев в Юго-Западном крае, получившей резко негативную оценку крестьян, стало ростовщичество. И хотя сами крестьяне признавали, что «"без жидив" бы не купили ни одной десятины земли», но очень высокие проценты, которые брали еврейские ростовщички (до 30–40 % годовых)⁶⁴, вызывали недовольство волыньских земледельцев. Уже в первый год деятельно-

---

⁵⁹ Благовест. 1909. 21 октября. № 2–3.

⁶⁰ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 642. Д. 497. Л. 5.

⁶¹ Образцов В. Указ. соч. С. 41.

⁶² Архиепископ Антоний. Ответ М.О. Меньшикову // Мирный труд. 1908. № 8. С. 175.

⁶³ Русское знамя. 1908. 15 января. № 12.

⁶⁴ Ковалева Е.О. Указ. соч. С. 214.

сти Почаевского банка его оборот составил 746 849 руб., но главное — 755 человек, «среди которых преобладали крестьяне», стали его заемщиками, т.е. «были вырваны из цепких рук ростовщиков»⁶⁵. Следующий шаг был сделан в сентябре 1911 г. на 3-м съезде союзных старост Волыни. Его участники, признав, что «в некоторых приходах нет земельной нужды, а есть общая нужда в деньгах», приняли решение в таких приходах открывать приходские кассы взаимопомощи с выдачей из Почаевского банка ссуд до 500 руб.⁶⁶

Важную роль в распространении монархического движения на Волыни сыграло и то, что его центром стала Почаевская лавра, столетиями бывшая «символом православия и русской государственности»⁶⁷ в регионе. По выражению Д. Роусона, монастырь служил ментальным «оплотом консерватизма» и хорошей материальной «базой» для политической деятельности правых, а монахи и приходские священники выполняли роль агитаторов СРН⁶⁸, зачастую становясь председателями сельских организаций Союза. По подсчетам С.А. Степанова, на Волыни более 300 подотделов Союза возглавляли представители духовенства⁶⁹. Современный исследователь Я.А. Седова справедливо утверждает, что малограмотные волынские крестьяне ставили «знак равенства между монастырем и руководством Союза». По ее мнению, «авторитет лавры был так силен, что народ сразу поверил новому учреждению»⁷⁰, т.е. Союзу русского народа. В упоминавшемся выше документе Волынского ГЖУ признавалось, что православное население Волыни объединено «в значительной степени... под стягом “Союза Русского Народа”, и во всяком случае находится под большим влиянием крайне правого, но властолюбивого духовенства»⁷¹. Оценивая работу Волынских монархистов, газета «Русская правда» (печатный орган Астраханской народно-монархической партии) писала: «В настоящее время Почаевская Лавра ведет такую же могучую борьбу за русское дело, какую в свое время вела Троице-Сергиевская Лавра»⁷².

В своей агитации почаевские монархисты призывали волынских крестьян по примеру предков выступить в защиту самодер-

⁶⁵ *Вычужжанин А.Л.* Указ. соч. С. 104.

⁶⁶ ГАРФ Ф. 116. Оп. 1. Д. 108. Л. 3, 3 об.

⁶⁷ *Седова Я.А.* Указ. соч. С. 89.

⁶⁸ *Rawson D.C.* Op. cit. P. 92.

⁶⁹ *Степанов С.А.* Численность и состав черносотенных союзов и организаций // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: количественный анализ. М. 1987. С. 198.

⁷⁰ *Седова Я.А.* Указ. соч. С. 98.

⁷¹ ЦГИАУ. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 1449. Л. 410.

⁷² Русская правда. 1908. 1 октября. № 5.

жавия и православной веры, на которые столетиями покушаются поляки и евреи: «Ведь тебе, волынский народ, не впервые вставать за святую Православную веру. Твои отцы триста лет боролись за нее с Польшей и жидами: гнили в тюрьмах, терпели муки-катованья, тысячами умирали на виселицах, плахах и кострах. Несметною козацкою ратью шли в бой, готовые лучше умереть, чем оставить Церкви Божии на поругание жидам и полякам. И такую долгою, упорною борьбою, такую великою жертвою они добились-таки своего. Спасли Православие и поставили свой край под защиту Московского православного царя: “там не будут”, говорили они, — “жиды уже смеяться и сквернить нашу Православную веру. Не будут ляхи заманивать нас до костела”»⁷³. И эта агитация имела успех. Уже в ноябре 1906 г. «Почаевские известия опубликовали письмо группы волынских крестьян, в котором те благодарили священников и монахов за создание в их деревне отдела СРН и просили о. Виталия «объявить в своей газети, що ни иден мужик не йшев и не пиде в революцию. Туды идуть: жиды, ляхи, студенты и то не вси. Мы запысуемся в СРН и вси мужики ныхай запысуются, бо в цему идно наше спасение»⁷⁴.

С целью популяризации монархических идей на Волыни при Почаевской лавре были созданы курсы ревнителей Союза русского народа, руководил которыми сам о. Виталий. Набирались на них крестьяне Волынской и соседних губерний. Для слушателей проводились «чтения с туманными картинами» (проекционным фонарем), они снабжались «достаточным количеством патриотически-союзной литературы»⁷⁵. Для ее печатания использовалась типография Почаевской лавры. В то время это было достаточно крупное предприятие: там постоянно работало 120–150 человек, а годовой оборот достигал 150 тыс. руб.⁷⁶ Типография печатала множество брошюр монархического толка, наиболее известными из которых стали «Союзная наука» и «Катехизис Союза Русского Народа»⁷⁷, а также пять периодических изданий, самым популярным из которых стал печатный орган Почаевского отдела СРН «Почаевские известия», выходящий в качестве приложения к церковному журналу «Почаевский листок»⁷⁸. Еще одним приложением к этому журналу стала состоя-

---

⁷³ Федевич К.К., Федевич К.И. Указ. соч. С. 59.

⁷⁴ Там же. С. 83.

⁷⁵ Русское знамя. 1913. 14 марта. № 59.

⁷⁶ Седова Я.А. Указ. соч. С. 91–92.

⁷⁷ ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3126. Л. 186.

⁷⁸ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в начале XX века. М., 2002. С. 225.

щая из 52 книг «Союзная библиотека». Ее стоимость вместе с журналом составляла всего 4 руб. в год⁷⁹. Кроме того, Почаевский отдел бесплатно раздал в окрестные деревенские подотделы СРН 100 таких библиотек⁸⁰. Правая газета «Владимирский край» (г. Владимир-на-Клязьме) сообщая о «крупных успехах агитации монархистов» на Волыни, подчеркивала, что в этом им «сильно содействует “Почаевский листок”»⁸¹, имея в виду, вероятно и его приложения — «Почаевские известия» и «Союзную библиотеку».

Однако «Почаевские известия» в своей борьбе против «панов» и «еврейского засилья» начали критиковать и правительство за бездействие в этом вопросе. Помощник начальника Волынского ГЖУ сообщал, что в газете постоянно проводится мысль о том, что крестьян «эксплуатируют жида и паны» и они «должны от этого освободиться». При этом под словом «паны», уточнял автор донесения, крестьяне «подразумевают не только поляков, но и всех помещиков и чиновников»⁸². В итоге в июне 1909 г. «Почаевские известия» по просьбе самого П.А. Столыпина были закрыты Св. Синодом. Министр внутренних дел А.А. Маклаков пояснял Киевскому генерал-губернатору: «Орган... союзников “Почаевские известия” стал открыто призывать народ не только к борьбе с интеллигенцией, но и самим правительством, якобы изменившим царю...»⁸³. После закрытия «Почаевских известий» стали выходить редактируемые тем же о. Виталием «Прибавления к Почаевскому листку», по своему тону не отличавшиеся от закрытого издания. Да и сам «Почаевский листок» из духовно-просветительского издания весьма быстро превратился в партийную газету.

Немалую роль в успехе правой пропаганды на Волыни сыграл и личный фактор. В рядах СРН в регионе имелось несколько сильных авторитетных лидеров, способных влиять на политические настроения населения. Среди них в первую очередь следует назвать о. Виталия, совмещавшего две должности — архимандрита Почаевской лавры и председателя местного отдела СРН. В.В. Шульгин писал: «Архимандрит Виталий, вопреки всему тому, что о нем писали некоторые газеты, был человек, достойный всяческого уважения. Это был “народник” в истинном значении этого слова. Аскет-бессребреник, неутомимый работник, он день и ночь проводил с

⁷⁹ Мирный труд. 1912. № 1. С. VI.

⁸⁰ Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб., 1997. С. 186.

⁸¹ Владимирский край. 1907. 3 января. № 2.

⁸² ЦГИАУ. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 1653. Л. 7.

⁸³ ЦГИАУ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 214.

простым народом, с волынскими землеробами, и, действительно, любил его, народ, таким, каков он есть... И пользовался он истинной “взаимностью”. Волынские мужики слушали его беспрекословно — верили ему... Верили, во-первых, что он — “за них”, а во-вторых, что он учит хорошему, божескому»⁸⁴. «Не довольствуясь каждодневным приемом крестьян в самой Лавре», он совершал «крестные ходы на 100 верст и более, поучая народ по деревням, и селам, и городам»⁸⁵. На выступлениях и проповедях о. Виталия всегда собирались многочисленные слушатели. Так в марте 1912 г. оппозиционная газета с возмущением писала: «На днях пресловутый почаяевский архимандрит прочел в железнодорожной аудитории на ст. Коростень доклад об избирательной кампании. Послушать речи приезжего архимандрита собралось 800–1000 человек из разных деревень, примыкающих к железнодорожной станции. В числе слушателей находилось много железнодорожных служащих и несколько машинистов...»⁸⁶. Следует учесть, что на 1894 г. в местечке Искоростень, при котором находилась станция Коростень, проживало всего 2467 жителей⁸⁷.

По мнению В.В. Шульгина, о. Виталию удалось «перебросить мост между высшим, культурным классом, то есть “помещиками”, и черным народом, “хлеборобами” ... В его лице духовенство стало между землевладельцами и крестьянами. Оно подало правую руку одним, левую — другим и повело за собой обоих, объединяя их, как “русских и православных”...»⁸⁸ Однако известный правый политик выдавал желаемое за действительное. В извечном споре барина и мужика о. Виталий твердо стоял на стороне последнего. Так, в ноябре 1908 г. член III Государственной думы священник Д.Ф. Кириллович (фракция правых) в частном письме жаловался на действия о. Виталия, внушавшего крестьянам, «что каждая мужицкая нужда непременно должна рассматриваться в Государственной Думе и, конечно, в том смысле, в котором угодно мужику». «Когда, наконец, он извернется в мужике и перестанет его держаться?» – возмущался народный избранник⁸⁹. Однако позиция о. Виталия не поменялась. В 1911 г. он был освобожден от должности редактора «Почаяевского листка», в том числе и за агитацию против помещиков, разверну-

---

⁸⁴ Шульгин В.В. Указ. соч. С. 507.

⁸⁵ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 227.

⁸⁶ Старый Владимирец. 1912. 10 марта. № 56.

⁸⁷ Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIII. Имидозфиры – Историческая школа. СПб 1894. С. 369.

⁸⁸ Шульгин В.В. Указ. соч. С. 507.

⁸⁹ Представительные учреждения Российской империи... С. 137.

тую на страницах издания⁹⁰. А во время избирательной кампании в IV Думу, по сведениям Волынского ГЖУ, «священство зачастую крайне бесцеремонно третировало землевладельцев» несмотря на то, что «многие из них были правые»⁹¹.

Еще одним лидером Почаевского отдела СРН, пользовавшимся авторитетом у населения, был иеромонах Илиодор (Труфанов), переведенный в Почаев из Ярославля. Правая газета «Гроза» даже видела в нем будущего преемника о. Иоанна Кронштадтского⁹². Выступления Илиодора собирали многочисленные массы слушателей. По свидетельству корреспондента столичного «Нового времени», «монах имеет огромное влияние на толпу, знает ее психологию, умеет завладеть ее вниманием. Он говорит с народом на понятном ему языке, пересыпая свою речь шутками и анекдотами»⁹³. Сам Илиодор без излишней скромности писал: «В Ярославле меня слушали тысячи, здесь же на Святой горе Почаевской внимают моему слову десятки тысяч благочестивых душ, жаждущих слова истинного и правдивого. И слово мое действует на сердца людские»⁹⁴.

Значительным влиянием на Волыни обладал и помещик В.В. Шульгин, редактор и издатель правой газеты «Киевлянин». Волынское жандармское управление в сентябре 1912 г. сообщало: «Популярностью, несомненно, пользуется Шульгин, выступления которого всегда находят отклики у Волынян»⁹⁵. Крестьяне, несмотря на свою нелюбовь к «панам», избрали помещика В.В. Шульгина почетным председателем деревенского отдела СРН⁹⁶.

* * *

Таким образом, крестьянское население Волыни (как, впрочем, и всего Юго-Западного края) в начале XX в. волновали три проблемы: защита своей веры и национальной самоидентификации («русские») против наступления католицизма и «ополячивания»; земельная нужда, причинами которой стали огромные земельные владения помещиков-поляков и высокая арендная плата за землю; и наконец, торговая монополия евреев («еврейское засилье»), позволявшая последним диктовать свои условия крестьянам. То есть этноконфессиональное противостояние сопровождалось не менее

---

⁹⁰ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 227.

⁹¹ ЦГИАУ Ф.1335. Оп. 1. Д. 1449. Л. 410.

⁹² Гроза. 1911. 5 апреля. № 153.

⁹³ Седова Я.А. Указ. соч. С. 95.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ЦГИАУ. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 1449. Л. 189.

⁹⁶ Шульгин В.В. Указ. соч. С. 508.

острым столкновением социально-экономических интересов враждующих сторон. В этой борьбе волынское крестьянство выдвигало как консервативные, так и революционные лозунги. С одной стороны, «мужик» выступал за «порядок», с другой — требовал передачи ему помещичьих земель и принятия эффективных мер против евреев, монополизировавших розничную торговлю. Союз русского народа пришелся в этой ситуации как нельзя кстати: его политические цели вполне соответствовали требованиям крестьян — сохранение самодержавия, наделение их землей за счет польских помещиков и борьбу с еврейством. При этом волынское крестьянство подчеркивало свою православно-русскую идентичность («малороссийская ветвь русского народа»), что в свою очередь вполне соответствовало идеологии Союза. Кроме того, в рядах СРН на Волыни действовали весьма авторитетные лидеры, умевшие воздействовать на народные массы — архимандрит Виталий (Максименко), иеромонах Илиодор (Труфанов), помещик В.В. Шульгин, архиепископ Антоний (Храповицкий) и др. Всё это позволило Союзу русского народа на Волыни привлечь на свою сторону крестьянские массы и превратить регион в настоящий «партийный домен» монархистов.

References

Bikerman I. *Cherta yevreyskoy osedlosti* [The Line of Jewish Sedentarization]. Saint Petersburg: Razum, 1911. VII, 152 p.

Bovois D. *Bytva za zemlyu v Ukraïni 1863–1914. Polyaki v sotsio-yetnichnykh konfliktakh* [The Battle for the Land in Ukraine 1863–1914. Poles in Socio-Ethnic Conflicts]. Kyiv: Kritika, 1998. 334 p.

Fedevich K.K., Fedevich K.Í. *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosiy's'ki monarkhisty i ukraïns'kyi natsional'nyy rukh (1905–1917 roki)* [For Faith, the Tsar and the Kobzar. Little Russian Monarchists and the Ukrainian National Movement (1905–1917)]. Kyiv: Kritika, 2017. 308 p.

Ivanov A.A. *Politicheskiye partii Rossii. Konets XIX — nachalo XX v.* [Political Parties of Russia. Late 19th and Early 20th Centuries]. In 3 vols. Vol. 1. *Konservativnyye partii* [Conservative Parties]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2022. 599 p.

Kir'yanov Yu.I. *Pravye i konstitutsionnyye monarkhisty v Rossii v 1907–1908 gg.* [Right-Wing and Constitutional Monarchists in Russia in 1907–1908] // *Voprosy istorii*. 1997. N 8. P. 92–117.

Kotsyubinskiy D.A. *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: rozhdeniye i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsional'nogo soyuza* [Russian Nationalism in the Early Twentieth Century: The Birth and Death of the Ideology of the All-Russian National Union]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 525 p.

Kovaleva E.O. *Vitaliy (Maksimenko) i yego deyatel'nost' po sozdaniyu Pochayevskogo banka* [Vitaly (Maksimenko) and His Activity on the Establishment of the Pochaiv Bank] // *Rusin*. 2022. N 67. P. 206–225.

Luk'yanov M. *Rossiyskiy konservativizm i reforma, 1907–1914* [Russian Conservatism and Reform, 1907–1914]. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2006. 211 p.

Omeliyanchuk I.V. *Chernosotennoye dvizheniye v Rossiyskoy imperii (1901–1914)* [Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2007. 744 p.

Predstavitel'nyye uchrezhdeniya Rossiyskoy imperii v 1906–1917 gg. Materialy perlyustratsii Departamenta politsii [Representative Institutions of the Russian Empire in 1906–1917. Materials of Perustration of the Police Department] / Ed. by V.V. Shelokhayev and K.A. Solov'yev. Moscow: ROSSPEN, 2014. 718 p.

Rawson D.C. *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge: Cambridge University press, 1995. 286 p.

Sedova Ya.A. *Iliodor. Misticheskiy drug Rasputina* [Iliodor. Rasputin's Mystical Friend]. Vol. 1. Moscow: Rodina, 2022. 694 p.

Shevtsov A.V. *Izdatel'skaya deyatel'nost' russkikh nesotsialisticheskikh partiy nachala XX v.* [Publishing Activity of Russian Non-Socialist Parties in the Early 20th Century]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Rossiyskoy natsional'noy biblioteki, 1997. 316 p.

Stepanov S.A. *Chernaya sotnya v Rossii (1905–1914 gg.)* [The Black Hundred in Russia (1905–1914)]. Moscow: Rosvuznauka, 1992. 329 p.

Stepanov S.A. *Chislennost' i sostav chernosotennykh soyuzov i organizatsiy* [The Number and Composition of the Black Hundred Unions and Organizations] // *Politicheskiye partii Rossii v period revolyutsii 1905–1907 gg.: kolichestvennyy analiz* [Political Parties of Russia during the 1905–1907 Revolution: A Quantitative Analysis] / Ed. by A.P. Korelin. Moscow: Institut istorii SSSR, 1987. P. 184–243.

Vychugzhanin A.L. *Bank Pochayevskoy lavry* [Bank of Pochaiv Lavra] // *Ekonomicheskiye strategii*. 2012. N 2. P. 101–109.

Zyryanov P.N. *Russkiye monastyri i monashestvo v nachale XX veka* [Russian Monasteries and Monasticism in the Early Twentieth Century]. Moscow: Verbum-M, 2002. 320 p.

Поступила в редакцию
19 сентября 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-77-101

А.В. Карагодин

**ДАЧНЫЙ «ПОСЕЛОК ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХ
ТРУЖЕНИКОВ» БАТИЛИМАН НА ЮЖНОМ
БЕРЕГУ КРЫМА В НАЧАЛЕ XX в.**

A. V. Karagodin

**BATILIMAN, THE DACHA “SETTLEMENT
OF INTELLIGENT LABOURERS” ON THE SOUTHERN
COAST OF CRIMEA AT THE EARLY 20th CENTURY**

Аннотация. Изучение исторического пространства Южного берега Крыма, претерпевавшего существенные экономические, социальные и культурные трансформации в конце XIX — начале XX в., в последние годы получило новый импульс. Это обусловлено как общественной значимостью реконструкции всей истории Крыма, важнейшего «места памяти» современной России, непрекращающимися острыми дискуссиями по поводу характера перемен в жизни российского общества конца XIX — начала XX в., так и рядом важных сдвигов методологического и историографического характера («мемориальный», «социокультурный» повороты) и новыми возможностями источниковедческого поиска, предоставляемыми идущей масштабной оцифровкой отечественных архивов и музейных фондов. Данная статья продолжает серию работ автора по реконструкции истории дачных курортов Южного берега Крыма (результатом которых стала монография «Дачи и дачники русской Ривьеры. Очерки истории Южного берега Крыма и Севастополя начала XX века», опубликованная в 2024 г.). В статье впервые вводится в оборот и анализируется делопроизводственная документация, сохранившаяся в бумагах выдающегося ученого В.И. Вернадского, отложившихся в его фонде в Архиве РАН, и относящаяся к бытованию дачного курорта «интеллигентных тружеников» Батилиман на западе Южного берега Крыма (нынешняя территория города Севастополь) в 1911–1920 гг. До сих пор в литературе история этого дачного курорта, пейзажами которого были видные ученые, литераторы, художники, руко-

---

Карагодин Андрей Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Karagodin Andrey Vasilievich, Doctor in History, Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

avkaragodin@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-1309-3174

водители партии кадетов — среди них К.С. Станиславский, И.Я. Билибин, В.Г. Короленко, П.Н. Милюков, М.И. Петрункевич, — восстанавливалась фрагментарно, в основном по эго-источникам — мемуарам и дневникам, полный список пайщиков был неизвестен. Проанализированные автором документы из фонда В.И. Вернадского, в том числе межевая карта дачного курорта, список собственников участков и другие материалы, позволили, в комплексе с документами из фондов Государственного архива Республики Крым, а также источниками личного происхождения и визуальными документами, впервые достоверно установить состав дачников Батилимана, историю создания курорта и систематизировать данные для дальнейших исследований.

Ключевые слова: социокультурная история, дача, Южный берег Крыма, Батилиман, В.И. Вернадский, К.С. Станиславский, П.Н. Милюков, комплексное источниковедение, исторические базы данных.

Abstract. The study of the historical space of the South Coast of Crimea, which underwent significant economic, social and cultural transformations in the late 19th and early 20th centuries, has received a new impetus in recent years. This can be attributed to several factors. First is the importance of comprehensively reconstructing the history of Crimea as the primary “place of memory” of modern Russia. Second — ongoing debates about the nature of changes in the life of Russian society in that period. Third — significant developments in methodology and historiography, including the “memorial” and “sociocultural” turns. Finally, new opportunities for source research, that have arisen due to the large-scale digitization of Russian archives and museum collections. This article represents a continuation of the author’s series of works on the subject of the history of dacha resorts on the South Coast of Crimea. This series of works culminated in the monograph *Dachas and Summerfolk of the Russian Riviera. Essays on the History of the South Coast of Crimea and Sevastopol in the Early Twentieth Century* (2024). The present article is noteworthy as it introduces and analyses for the first time paperwork documentation that has been preserved in the papers of the eminent scientist V.I. Vernadsky. This documentation is deposited in his fund in the Archive of the Russian Academy of Sciences and relates to the existence of Batiliman, the dacha resort of “intellectual labourers” in the west of the South Coast of Crimea (the present-day territory of the city of Sevastopol) in 1911–1920. The history of this dacha resort, whose shareholders included prominent scientists, writers, artists, and leaders of the Cadet Party, has been reconstructed in the literature in fragments, primarily from ego-sources, i.e. memoirs and diaries. The complete list of shareholders has remained unknown, whereas it included K.S. Stanislavsky, I.Ya. Bilibin, V.G. Korolenko, P.N. Milyukov, M.I. Petrunkevich and other prominent figures. The documents from the V.I. Vernadsky’s fund, among others the map of the dacha resort’s boundaries, the list of plot owners and other materials, allowed, when used together with documents from the State Archive of the Republic of Crimea, as well as sources of personal origin and visual documents, to establish for the first time reliably the composition of the dacha residents of Batiliman, the history of the creation of the resort, and to systematize the data for further research.

Keywords: socio-cultural history, dacha, South Coast of Crimea, Batiliman, V.I. Vernadsky, K.S. Stanislavsky, P.N. Milyukov, complex source study, historical databases.

* * *

В начале XX в. Южный берег Крыма переживал «курортный бум». Как писал по этому поводу современник, «и вот как-то сразу север хлынул на юг. Не только стала сразу быстро расти Ялта со своими окрестностями, но и весь Крым, северный и южный, восточный и западный, начал заселяться северными людьми»¹.

Одним из главных двигателей южнобережного курортного бума была организация новых дачных поселков на крупных в прошлом имениях знати, ныне делившихся и распродававшихся по частям. Подсчитано, что если в 1860-е гг. всего 205 дворян, т.е. 4% землевладельцев, владели на Южном берегу Крыма 46 тысячами десятин, т.е. 66,5% всей земли, то к 1910 г. крупнейшие земельные владения (если не считать удельных, находившихся в основном в окрестностях Ялты) принадлежали уже новым хозяевам: на долю мелких собственников приходилось 39,0% земель, крупных — 35,5%, сельских обществ — 25,5% земель².

Участки под дачи на берегу Черного моря активно покупали представители нарождавшегося «среднего класса» Российской империи — предприниматели, адвокаты, инженеры, финансисты, врачи, представители творческой интеллигенции из Санкт-Петербурга, Москвы, других городов России³. В литературе не раз отмечалось, что русская «дача» начала XX в. представляла собой своеобразный социокультурный институт с четко выраженной модернизационной функцией, став для появляющегося «среднего класса» способом выразить свои культурные пристрастия, организовать досуг в приятном обществе близких по духу людей⁴. Справедливо это утверждение и по отношению к дачным курортам Южного берега Крыма начала XX в. Об атмосфере в курортной Ялте той поры

---

¹ *Елътвевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 294.

² Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Материалы районной планировки ЮБК. Симферополь, 1935. С. 179.

³ *Карагодин А.В.* Дачи и дачники русской Ривьеры. Очерки истории Южного берега Крыма и Севастополя начала XX века. М., 2024.

⁴ *Ловелл С.* Дачники. История летнего житья в России, 1710–2000 / Пер. с англ. Л. Г. Семенов. СПб., 2008; *Малинова-Тзифета О.Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013; *Тараканов Д.В.* Дачные поселки Подмосковья в конце XIX — начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Ульянова Г.Н.* Дворцы, усадьбы, доходные дома: исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М., 2012; *McReynolds L.* Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca; London, 2003.

красноречиво свидетельствуют мемуары К.С. Станиславского: «Из Севастополя мы переехали в Ялту, где нас ждал почти весь русский литературный мир, который, точно сговорившись, съехался в Крым к нашим гастроям. Там были в то время: Бунин, Куприн, Мамин-Сибиряк, Чириков, Станюкович, Елпатьевский и, наконец, только что прославившийся тогда Максим Горький, живущий в Крыму из-за болезни легких ... Кроме писателей, в Крыму было много артистов и музыкантов, и среди них выделялся молодой С.В. Рахманинов. Ежедневно в известный час все актеры и писатели сходились на даче Чехова, который угощал гостей завтраком»⁵.

Особенно активно процесс создания новых дачных курортов шел на окраинах Южного берега, в первую очередь в его западной части, до рубежа XX в. остававшейся практически неосвоенной в силу геологических особенностей местности (наличия оползней), отсутствия каптированных источников пресной воды, дорог, удаленности от шоссе Севастополь–Ялта и от благоустроенных имений знати и царской семьи, располагавшихся вокруг Ялты.

Земля на западе Южного берега была более дешевой и представляла интерес не в последнюю очередь как инвестиционный актив. Вот лишь одна цифра: живописец А.И. Куинджи купил в 1887 г. участок у моря размером 245 десятин за 14 211 руб.⁶, а спустя всего двадцать пять лет, в начале 1910-х гг., эта земля, по словам современников, оценивалась уже в миллион руб.⁷ Аналогичные мотивы двигали и инженером путей сообщения Р.В. Половцовым, который в 1897 г. выкупил 87 десятин к востоку от владения А.И. Куинджи за 16 тыс. руб., с самого начала имея в виду разбить эту землю на участки и с выгодой продавать их будущим дачникам⁸. В дальнейшем, уже в годы Первой мировой войны, этот тренд особенно усилится, выразившись в целом ряде проектов организации на западе Южного берега Крыма масштабных «городов-садов» по последней градостроительной моде того времени — Ласпи, Форос, Комперия-Сарыч. Для их обустройства и продажи участков создавались акционерные общества с конторами в Санкт-Петербурге, Москве и Ялте⁹.

---

⁵ Рахманинов С.В. Литературное наследие: В 3 т. / Сост.-ред., авт. вступ. статьи, коммент., указ. З.А. Апетян. Т. 1. М., 1978. С. 233.

⁶ Мышкина А. Архип Куинджи в Крыму // Русское искусство. 2017. № 2. С. 32.

⁷ Неведомский М.П., Репин И.Е. А.И. Куинджи. СПб., 1913. С. 105.

⁸ Карагодин А.В. Дачный курорт Качивели на Южном берегу Крыма (1897–1920): источники изучения и перспективы исследования // Научный вестник Крыма. 2024. № 5. С. 1–17.

⁹ Карагодин А.В. Сделать не хуже, чем за границей: курорты Южного берега Крыма в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 83–105.

Их должна была связать с Севастополем и Ялтой планировавшаяся к постройке Южнобережная железная дорога¹⁰.

В 1910-х гг. появился дачный «поселок интеллигентных тружеников» (так он именовался в документах образовавшегося в 1915 г. по соседству, в Ласпи, Общества Крымских климатических станций¹¹), в том числе писателя Владимира Короленко, режиссера Константина Станиславского, ученого Владимира Вернадского, художника Ивана Билибина, историка и лидера партии кадетов Павла Милюкова и других, — на самом западе Южного берега Крыма, в местности Батилиман (в документах, мемуарах также фигурирует как Бати-Лиман, Баты-Лиман, Бательман — в настоящей работе транскрипция всякий раз следует за источником).

Несмотря на столь «громкие» имена батилиманских дачников, за прошедшее столетие вышло считанное количество работ, посвященных истории Батилимана. В настоящее время в этой местности находится несколько детских лагерей и баз отдыха. Известно, что в 1930-х гг. в бывших дачах Батилимана функционировал небольшой дом отдыха для ученых, но вскоре пожар, а затем и оползень разрушили несколько из них, а оставшиеся сильно пострадали во время войны.

В 1969 г. в Симферополе краевед М.Л. Лезинский выпустил брошюру в серии «Экскурсии одного дня»¹², в которой в частности, сказано: «Здесь что ни дом, то история. Жили в этих домах в большинстве случаев не изнывающие от безделья аристократы, а представители передовой русской интеллигенции»¹³. Е.В. Веникеев в обзорной монографии «Архитектура Севастополя»¹⁴ (по административно-территориальному делению, установленному в советское время, Батилиман относится к Севастополю) посвятил Батилиману один абзац, в котором упомянул, что в 1946 г. санаторий Академии наук СССР решили восстановить, но из-за нехватки пресной воды проект так и не был реализован (в 2020 г. в фондах Музея архитектуры имени А.В. Щусева нам удалось обнаружить эскиз нереализованного проекта санатория в Батилимане, принадлежащий выдающемуся архитектору, академику А.В. Щусеву¹⁵). Чуть больше внимания

¹⁰ *Айдин Юнус Эмре. Железнодорожное строительство в Крыму во второй половине XIX — начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2023.*

¹¹ Государственный архив Республики Крым (далее — ГАРК). Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 34.

¹² *Лезинский М.Л. Батилиман. Симферополь, 1968. С. 28–29.*

¹³ Там же.

¹⁴ *Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя. Симферополь, 1983.*

¹⁵ *Карагодин А.В. Новая Эллада: два века архитектурной утопии на Южном берегу Крыма. М., 2023. С. 234–335.*

уделил Батилиману севастопольский краевед А.В. Иванов в своей работе «Ласпи: от Аяя до Сарыча»¹⁶. В 1999 г. Г.Я. Бедарева, ведущий научный сотрудник Музея героической обороны и освобождения Севастополя, опубликовала сообщение о Батилимане в сборнике докладов III Дмитриевских чтений Ялтинского историко-литературного музея¹⁷.

Скромное внимание, уделявшееся дачному курорту Батилиман, вполне объяснимо. Во-первых, тема дачных курортов начала XX в. на Южном берегу Крыма до недавнего времени была вообще слабо разработана в историографии, находясь в советское время в тени исследований по становлению Крыма как всесоюзной здравницы, а в постсоветские десятилетия — в тени литературы, посвященной пребыванию на Южном берегу аристократии и представителей правящей династии Романовых. Во-вторых, история Батилимана начала XX в. долгое время представлялась трудно реконструируемой в силу скудости доступной историкам и краеведам источниковой базы.

Лишь в последнее время история дачного Батилимана вновь привлекла к себе внимание, не в последнюю очередь — в контексте работы автора этих строк над циклом исследований по реконструкции истории дачных курортов Южного берега Крыма, результатом которых стала защищенная в МГУ имени М.В. Ломоносова докторская диссертация по этой теме¹⁸.

Так, в статье «У самого синего моря: трансфер культуры Южного берега Крыма во французский Ла-Фавьер в первой трети XX века» нами был проведен анализ источников личного происхождения по истории дачного поселка Батилиман и дачной местности Ла-Фавьер на южном побережье Франции, ставшей после вынужденной эмиграции новым приютом многих бывших южнобережных, в том числе батилиманских, дачников¹⁹.

К примеру, в мемуарах «Куприн — мой отец», опубликованных в СССР в 1979 г., дочь А.И. Куприна Ксения (эмигрировав с родителями сначала в Финляндию, а затем во Францию, на родину она решила вернуться лишь в 1958 г.) вспоминала: «...на западном побережье Черного моря кто-то открыл райский уголок Баты-Лиман,

---

¹⁶ Иванов А.В. Ласпи: от Аяя до Сарыча. Симферополь, 2005.

¹⁷ Бедарева Г.Я. Батилиман — Ла-Фавьер // История Южного берега Крыма. III Дмитриевские чтения. Сборник научных трудов. Ялта, 1999. С. 58–61.

¹⁸ Карагодин А.В. Дачные курорты на Южном берегу Крыма в конце XIX — начале XX века: методологические и источниковедческие аспекты исследования: дисс. ... доктора ист. наук. М., 2023.

¹⁹ Карагодин А.В. У самого синего моря: трансфер культуры русской дачи с Южного берега Крыма во французский Ла-Фавьер в первой трети XX века // Человеческий капитал. 2022. № 7 (163). С. 23–32.

совсем дикий, огороженный скалами и громадными соснами. Баты-Лиман — по-татарски значит Западный залив. Землю продавали за бесценок, и вскоре там образовалась своего рода колония. Пайщики принадлежали к артистической, литературной и художественной среде: Елпатьевский, художник Билибин, Короленко, Титов, Милюков, Чириков, Сулержицкий, Швецовы. Многие из этих людей впоследствии оказались в эмиграции»²⁰.

Схожая информация содержится и в воспоминаниях о Крыме баронессы Л.С. Врангель²¹. Стоит упомянуть и дневники профессора юриспруденции А.Л. Маковского (1930–2020), предоставленные в наше распоряжение в 2019 г. редакцией журнала «Историк»²². В них, в частности, сказано: «О Батилимане я то и дело слышал с детства... из рассказов взрослых знал, что в Батилимане находилась дача, на которой кто-то из моих предков успел немного пожить... Было это незадолго до революции и продолжалось недолгое время».

А.Л. Маковский упоминает Л.С. Врангель: «... эта дама в первом браке носила фамилию Кулакова, была замужем за петербургским книгоиздателем Кулаковым. У них была дача в Крыму, не в Батилимане, а у Байдарских ворот. Там она и познакомилась с Врангелем, вышла за него замуж. Ее супруг был инженером, который помогал другому инженеру, не менее известному... Николай Георгиевич Гарин-Михайловский занимался даже не строительством, а собственно разведкой, предшествовавшей самому строительству железной дороги в Крыму. А инженер Врангель был его помощником. В итоге, когда был исход белых из Крыма, она эмигрировала и опубликовала воспоминания, в которых уделила внимание истории батилиманских дач. Сама идея строить там дачи возникла так. Она, живя на даче в Байдарах, как-то обедала в ресторане, который держал грек кулинар, повар, и от него услышала, что татары продают часть земли, расположенной внизу, у моря. Она им не нужна, потому что она неплодородная, пресной воды там нет, это просто пустой кусок земли. И тогда она собрала небольшую группу людей, которые купили эту землю. Купили они ее за 33 000 рублей. Место называлось Баты Лиман. Сложилась занятая первичная компания, которая образовалась для покупки этой земли. Например, туда входил воронежский землевладелец помещик Кравцов, на сестре которого был женат будущий академик Абрам Федорович Иоффе, в то время — молодой

---

²⁰ Куприна К.А. Куприн — мой отец. М., 1979. С. 222–223.

²¹ Врангель Л.С. Крым. Paris, 1939; Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1964.

²² Маковский А.Л. На крымском берегу. — URL://<https://disk.yandex.ru/d/6D9AETY1-35BtQ> (дата обращения 12.03.2024).

физик. Туда входил известный столичный адвокат Плансон, весьма преуспевавший в те годы. Собрали больше тридцати человек, зарабатывать на этом они не хотели и землю раздали по 1000 рублей за участок. Место действительно удивительное — и побережье, и реликтовые рощи. В 1911–1912-м они начали строить там дачи... Образовалось удивительное дачное сообщество, которое стало уникальным срезом русской интеллигенции того времени. Туда входили деятели искусства, там был Станиславский, там была Книппер, там были певцы, там были писатели, Куприн, Короленко, там был литератор, сейчас, наверно, мало кому известный, а тогда не уступавший в популярности Чехову, — Евгений Николаевич Чириков. Там был Елпатьевский — литератор, оставивший большое, в том числе мемуарное наследие. Там был художник Билибин, один из тех, кто надолго осел в Батилимане, дольше всех там жил. Из политиков — Милюков, Петрункевич — лидеры кадетской партии, из врачей — знаменитый Кашенко. И этот список можно долго продолжать»²³.

Большой интерес представляет следующий фрагмент воспоминаний А.Л. Маковского: «У меня на руках есть купчая на этот участок, за сургучной печатью, нотариально удостоверенная. Купчая на участок земли, который мой прадед Михаил Семенович Морозов, петербургский врач-психиатр, купил у сына Елпатьевского. Я не сказал главного — баронесса Врангель, урожденная Елпатьевская, дочь писателя и врача Сергея Елпатьевского. У него была большая дача в Ялте, с которой связано много отдельных историй, а у его сына имелся участок, который он продал моему деду. В купчей четко написано, кто соседи: Кашенко, Короленко и писательница Татьяна Богданович, которая в советское время довольно много писала для детей. Так что все становится на место... К 1918 г. там уже было мало народу, в частности, там жили какое-то время Елпатьевская-Врангель, Чириковы и Билибин, который оставил ряд зарисовок этого места, по которым можно воссоздать жизнь того времени... Еще одна любопытная деталь. Немало дачников-батилиманцев оказались в эмиграции, и они во Франции попытались купить кусочек земли, кажется, в Бретани. Билибин не забывал про Батилиман — у него многое было связано с этим побережьем. И любовь, и расставание с женой. Он даже посетил эти места в 1939 г. Единственный из тех дореволюционных»²⁴.

Разумеется, такие данные, пусть и весьма информативные, извлеченные из эго-источников, следовало бы перепроверить и под-

---

²³ *Маковский А.Л.* На крымском берегу...

²⁴ Там же.

крепить делопроизводственной документацией из архивных фондов. По нашему опыту реконструкции истории дачных курортов Южного берега Крыма, именно она содержит потенциально наибольший объем ценной информации, позволяющей достоверно определить владельцев частновладельческих земель на Южном берегу Крыма, уточнить информацию о смене их собственников, их сословном и профессиональном статусе и так далее. Имея в виду эти сведения, логично вновь продолжить поиск по вновь утвержденным критериям в источниках личного происхождения — мемуарах, переписке, а также в периодической печати. Следующим уровнем поиска будет выявление круга визуальных источников, запечатлевших облик дачных курортов и их обитателей, и — при возможности — знакомство с самими пространствами исторической памяти, их фотофиксация в наши дни.

Подобный комплексный источниковедческий подход уже не раз доказал свою эффективность. Так, при реконструкции истории замка «Ласточкино гнездо» достоверно восстановить полную историю владения землей на мысе Ай-Тодор и постройки, перестройки, купли и продажи знаменитого здания, ставшего символом всего Крыма, помогла в первую очередь работа с документами из хранящихся в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) фондов Ялтинской уездной земской управы, Таврической губернской чертежной, Ялтинской городской управы, Таврического губернского дворянского депутатского собрания — при поддержке справочной литературы и путеводителей разных лет, мемуаров, местной периодики, открыток и фотографий из музейных хранилищ, ставших доступными благодаря масштабным программам оцифровки фондов²⁵. Теперь корректные данные о том, что замок «Ласточкино гнездо» построила в 1885–1886 гг. Е.А. Тобина (урожденная Штейнгель), жена ялтинского врача А.К. Тобина, а нынешний облик он принял в 1913 г., когда был перестроен переехавшим на Южный берег Крыма из Москвы молодым архитектором Н.С. Шервудом по заказу купивших дачу московских купцов Рахмановых, являются общедоступными.

Хорошие результаты были получены и при реконструкции истории таких дачных поселков Южного берега Крыма начала XX в., как Новый Симеиз, Новый Мисхор, Кацивели²⁶.

Однако материалы по дачному курорту Батилиман в фондах Государственного архива Республики Крым пока не выявлены, со-

---

²⁵ Карагодин А.В., Петрова М.М. Владельцы и строители замка «Ласточкино гнездо» — символа Южного берега Крыма — без мифов и легенд // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 54–68.

²⁶ Карагодин А.В. Дачи и дачники русской Ривьеры...

ответственно, не описаны и не разработаны. В этих условиях, зная примерно очерченный в мемуарной литературе состав дачников Батилимана, имело смысл обратиться к поискам релевантных документов в их личных фондах, отложившихся в столичных архивах. И такой поиск дал результат: объемные материалы по дачному курорту Батилиман нашлись в архиве Российской академии наук в фонде выдающегося ученого В.И. Вернадского.

С Батилиманом в частности и с Крымом в целом у Вернадского был связан продолжительный период жизни, богатый на творческие достижения и научно-организационную работу. Большой объем информации на эту тему был собран и опубликован учеными Таврического университета имени В.И. Вернадского в Симферополе в вышедшей в 2004 г. коллективной монографии «В.И. Вернадский и Крым. Люди, места, события»²⁷. Отдельный параграф в первой главе («Познание Крыма») посвящен и пребыванию Вернадского в Батилимане, где он стал одним из пайщиков образованного дачного кооператива «интеллигентных тружеников». Впрочем, занимает глава всего 15 страниц и также основана в первую очередь на эго-источниках: уже цитировавшихся воспоминаниях Л.С. Врангель, а также опубликованных письмах В.И. Вернадского²⁸.

Приехав в Крым в первый раз в 1893 г. — к товарищу по научной и общественной деятельности В.В. Келлеру в имение «Карабах» на Южном берегу Крыма, — к 1920 г. Вернадский успел побывать в Крыму шесть раз, совмещая визиты к друзьям, единомышленникам и знакомым с научно-познавательной практикой, к которой располагали крымские ландшафты.

В седьмой раз, в 1920 г., его приезд в Ялту омрачила болезнь — сыпной тиф; печального исхода удалось избежать благодаря усилиям племянницы С.М. Бакуниной и врача К.Н. Михайлова²⁹. После выздоровления в феврале Вернадский подал прошение во вновь образованный в 1918 г. в Симферополе Таврический университет, в котором изъявил желание прочесть курс лекций по геохимии, и 21 апреля приступил к своим обязанностям. В Крыму он продолжал разрабатывать идеи о «живом веществе», стал главой комиссии по изучению естественных производственных сил Крыма. В октябре 1920 г., после того как скончался ректор Таврического университета Р.И. Гельвиц, кандидатура Вернадского была утверждена на пост но-

---

²⁷ В.И. Вернадский и Крым: люди, места, события... Киев, 2004.

²⁸ Там же. С. 35–53.

²⁹ Карагодин А.В., Петрова М.М. Супруги Михайловы — земские врачи и филантропы на Южном берегу Крыма: биография в контексте эпохи // Человек и культура. 2020. № 6. С. 124–140.

вого ректора. А уже к концу ноября Крым был взят Красной армией, на полуострове окончательно установилась советская власть. 23 декабря 1920 г. на заседании областного комитета РКП (б) было принято постановление, согласно которому ликвидировались факультеты общественных наук, юридический и филологический, а весь университет распускался (за исключением медицинского факультета, за которым устанавливалось наблюдение), после чего объявлялся набор новых студентов. В результате Таврический университет был преобразован в Крымский университет имени М.В. Фрунзе. В рамках приказа № 1 о реорганизации из «старой гвардии» университета должен был остаться один лишь ректор В.И. Вернадский. 12 января 1921 г. Вернадский отказался от ректорской должности, а 23 февраля с группой бывших профессоров Таврического университета под охраной ЧК выехал из Симферополя в Москву, увозя с собой законченный труд «О живом веществе». В Крым Вернадский больше не возвращался.

По приезду в Москву Вернадский участвовал в разработке плана ГОЭЛРО, организовал в Академии наук Отдел живого вещества, работал над книгой «Научная мысль как планетное явление». Вернадский скончался 6 января 1945 г., оставив богатое наследие.

В архиве Российской академии наук отложился фонд 518, посвященный В.И. Вернадскому. Фонд содержит более 136 тысяч листов документов, отражающих широкий спектр научных интересов и общественной деятельности ученого. Он состоит из 11 описей и содержит 4714 единиц хранения. Фонд оцифрован и доступен на сайте архива РАН в сети интернет, что существенно облегчает доступ к его материалам.

Среди них можно найти рукописи основных научных трудов Вернадского; лекции по геохимии (1921–1929 гг.); речи и доклады по минералогии; рабочие и подготовительные материалы к трудам; материалы (заметки, выписки, библиографии, картотеки) по истории науки; записные книжки (1877–1940 гг.); рецензии на труды ученых (1882–1944 гг.); некрологи и др. Биографические документы включают воспоминания и дневники (1874–1944 гг.), документы и материалы за 1799–1944 гг. для воспоминаний «Пережитое и передуманное» (1942–1944 гг.), автобиографии (1927–1943 гг.), дипломы, удостоверения, заграничные паспорта, членские билеты, грамоты на жалование орденов, записные книжки (1888–1913 гг.) и др.

Именно по дневниковым записям (а также по воспоминаниям сына ученого, историка Г.В. Вернадского) восстанавливается судьба батилиманской дачи В.И. Вернадского: к 1919 г. она так и не была достроена, а в июне 1920 г. (т.е. еще до окончательного установления

советской власти в Крыму и последовавшей национализации всех частных имений Южного берега Крыма) — продана (имя покупателя, как и цена, пока не установлены)³⁰.

В составе фонда, среди прочих бумаг, хранится и дело (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 160) под названием «Материалы Общества пайщиков по благоустройству имения “Бати-Лиман” Ялтинского уезда Таврической губернии (Оценка и описание участков имения, проект Устава Общества пайщиков, протоколы общих собраний Общества, записи Общества, планы и отчеты и др. документы)» — всего 98 листов. Именно документы из дела 160 предоставляют новые возможности для реконструкции истории дачного поселка Батилиман, позволяют существенным образом уточнить обстоятельства создания и бытования сообщества дачников. Среди документов — планы участка Вернадского в Батилимане, акты оценки и описание всех участков курорта, опись расходов по имению, постановления о праве на пользование общественной инфраструктурой и правила эксплуатации участков, обязательства пайщиков и материалы по учреждению их комитета, акты обследования территории, отчеты управляющего комитета, в который входил и В.И. Вернадский³¹.

Важнейшим документом является межевая карта дачного курорта Батилиман. На ней нанесена дата — 1912 год, и число имевшихся на тот момент пайщиков — 26 человек. Изучение межевой карты дает представление о планировке поселка, расположении дорог, строении ландшафта. Опись пайщиков также датирована 1912 г. Она состоит из трех колонок (номер по плану раздела, площадь и владелец) и 50 пронумерованных пунктов, каждый из которых закреплен за определенной фамилией, либо находится в статусе «запасного пая».

Анализ этих и других содержащихся в деле материалов позволяет достоверно установить состав и имена первоначального коллектива дачников, купивших складчину землю имения у татар деревни Хайто (ныне Тыловое) и впоследствии уступавших ее остальным участникам дачного общества. Как видно из документов фонда Вернадского, первоначальный список покупателей земли у моря у Общества поселян деревни Хайто Байдарской волости Ялтинского уезда состоял из шести фамилий: это были П.Е. Кулаков, В.А. Плансон, П.Н. Милюков, Н.П. Шнитников, И.И. Петрункевич и В.С. Елпатьевский. Сделка была зарегистрирована 14 июня 1911 г. старшим нотариусом Симферопольского окружного суда. В дальнейших до-

³⁰ Вернадский Г.В. Крым // Новый журнал. Нью-Йорк. 1971. № 105. С. 35; Вернадский В.И. Дневники, 1917–1921. Январь 1920 — март 1921. Киев, 1997. С. 83.

³¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 160. — URL:<https://isaran.ru/?q=ru/delo&ida=1&guid=8010FE96-64CB-FA8E-7C1C-43966B777629> (дата обращения 18.03.2024).

кументах кооператива эти люди называются «пайщиками-учредителями».

Через полтора года, 9 ноября 1913 г. старшим нотариусом Симферопольского окружного суда был утвержден отдельный акт между владельцами земли в имении Батилиман и учреждено «Общество благоустройства имения Батилиман», принявшее в свое управление все земли, составляющие, помимо 67 участков, выделенных для личного наследственного пользования участникам дачного общества, общую и нераздельную собственность всех владельцев земельных участков — дорожки, тропинки, овраги, пляжи и так далее. В этом акте фигурируют уже 26 пайщиков. Это: В.А. Плансон, Н.Н. Шнитникова, В.Д. фон Дервиз, С.Я. Елпатьевский, В.С. Елпатьевский, П.Е. Кулаков, В.А.Кравцов, П.Н. Милюков, М.И. Петрункевич, Е.Я. Цветкова, И.И. Курбатов, П.П. Кашченко, И.Я. Билибин, О.А. Колосовская, И.И. Петрункевич, А.М. Редько, Е.Н. Чириков, В.И. Вернадский, В.Г. Короленко, Т.А. Богданович, К.С. Алексеев (т.е. К.С. Станиславский), В.Н. Радаков, кн. К.В. Кекуатов, Ф.Ф. Берников, Ф.Ф. Кокошкин и И.А. Корсаков. А в описи к плану раздела, подписанному 1912 г., упоминаются 30 фамилий: помимо вышеуказанных, там числятся Н.Я. Кетчер, Л.А. Сулержицкий, М.Э. Ушкова, Я.И. Савич.

Все добавившиеся к шести «пайщикам-учредителям» персоналии в документах Общества именуются «припущенниками». Рассмотрим некоторые из упомянутых в описи персоналий подробнее.

Список открывает Виктор Антонович Плансон. В его личном владении находились самые большие среди пайщиков Батилимана земли: суммарно Плансон владел 9/67 всей территории курорта. Все паи находились в восточной части поселка на границе с имением Ласпи и являлись частью нисходящего к морю склона, а также береговой линии.

Личность адвоката В.А. Плансона примечательна, информацию о нем нам удалось обнаружить благодаря программам оцифровки архивных фондов на сайте Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге³². Его дед был французским офицером, прибывшим в 1812 г. в Россию в составе армии Наполеона. Едва Антуан Карл Плансон де Риньи — выпускник Парижского университета, гвардейский драгун, пересек российскую границу, его ранили. Раненый француз поселился в имении помещика Кретовича и женился на его дочери Гонорате. Впоследствии Антон Карлович работал учителем фран-

---

³² Президентская библиотека связала прошлое и настоящее семьи Плансонов. — URL: <https://www.prlib.ru/news/1171871> (дата обращения 18.03.2024).

цузского в гимназиях нескольких западных регионов Российской империи, а затем был лектором французского языка в университетах Киева и Харькова. Принял присягу на подданство России в городе Вильно 29 ноября 1825 г. вместе с прочими членами университета и гимназии.

Сын Антона Карловича Антон Антонович Плансон (1824–1914) был плодовитым публицистом, много писал на социальные темы. У него было семь сыновей и одна дочь. Георгий Антонович (1859–1937) стал дипломатом, служил послом Российской империи в Сиаме (современном Таиланде), генеральным консулом в Сеуле, начальником дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке, собрал коллекцию сиамской скульптуры, которая ныне хранится в Эрмитаже. Константин Антонович (1861–1921) стал вице-адмиралом, участвовал в морских научных экспедициях на Балтике и в Тихом океане, посетил Берег Маклая вместе с Н.Н. Миклухо-Маклаем в 1880 г. Он значится одним из авторов «Краткого исторического очерка гидрографии русских морей». Владимир Антонович (1871–1950) стал архитектором, построил ряд зданий во Владивостоке. А Виктор Антонович Плансон (1860 — после 1930 г.) стал известным петербургским юристом, адвокатом, руководителем юридического отдела Российского общества защиты женщин³³. В декабре 1917 г. был участником Чрезвычайного Всероссийского съезда железнодорожников, где представлял Общество Рязано-Уральской железной дороги³⁴.

Любопытные сведения о В.А. Плансоне нашлись и в мемуарах петербургского писателя И.П. Штемлера “Breakfast. Зимой в 5 утра” (2000):

«В Петербурге на Каменном острове стоит угрюмый, почерневший от времени двухэтажный деревянный дом... Среди блистательных дворцов и особняков дом выглядит дедом, с лукавой усмешкой наблюдающим свое легкомысленное и спесивое семейство. Долгие годы дом был единственным городским частным владением Петербурга. Никто из временщиков-вождей не мог прибрать к рукам участок земли в элитарной части Северной столицы — земля была передана в частное пользование адвокату Виктору Антоновичу Плансону самим В.И. Лениным, что и служило надежной охранной грамотой. Адвокат Плансон, демократ по убеждениям, защищал большевиков в каком-то важном политическом процессе. И выиграл процесс. Вождь пролетариата всего мира, придя к власти, декретом закрепил

³³ Там же.

³⁴ Портреты эпохи русской революции. Рисунки Юрия Арцыбушева: из лекции Государственного архива Российской Федерации. М., 2017. С. 313.

за адвокатом принадлежащую ему землю на Каменном острове, учтя заслуги перед революцией...»³⁵

Следующим в списке пайщиков Батилимана идет В.С. Елпатьевский (1877–1937). Это сын известного писателя и врача, общественного деятеля, жителя Ялты Сергея Яковлевича Елпатьевского (также имевшего участок в Батилимане), по профессии юрист, присяжный поверенный³⁶. Он был вторым, после Плансона, по величине пая держателем дачного курорта. Третьим в списке числится князь Константин Владимирович Кекуатов — член партии Народной свободы (кадетов) с 1906 г., в 1900–1910-х гг. живший в Орле, состоявший в должности председателя губернской архивной комиссии, бывший присяжным поверенным Московской судебной палаты³⁷.

Был пайщиком Батилимана и выдающийся театральный режиссер, актер, педагог, теоретик и реформатор театра Константин Сергеевич Станиславский (настоящая фамилия Алексеев, под которой он фигурирует в части документов Батилимана). Характерно, что в фондах музея Московского художественного театра также имеются (и ныне доступны для исследователей благодаря программе оцифровки Госкаталога Музейного фонда Российской Федерации) документы Комитета владельцев имения Батилиман: уведомление К.С. Станиславскому о сборах по имению Батилиман на 1 января 1917 г., отчет Комитета по управлению имением Батилиман за 1916 г. из личного архива Станиславского и другие³⁸.

Далее в списке пайщиков идет фамилия В.А. Кравцова. Отец Кравцова, Андрей Васильевич Кравцов, был воронежским помещиком. Его сын Вадим Андреевич Кравцов (1887–1954), инженер-электромеханик, изобретатель, общественный деятель, окончил электромеханический факультет Санкт-Петербургского Политехнического института, был директором правления Владикавказской железной дороги, автором патентов на постройку серийных домов, на производство механического пенобетона, на конструкцию двигателя внутреннего сгорания³⁹. Кравцов был женат на дочери гласного

---

³⁵ Штемлер И.П. Таинственное пятно. — URL://http://www.razlib.ru/filosofija/breakfast_zimoi_v_pjat_utra/p32.php (дата обращения 18.03.2024).

³⁶ Владимир Сергеевич Елпатьевский // Geni — URL: <https://www.geni.com/people/600000052694626025> (дата обращения 18.03.2024).

³⁷ Кекуатов К.В. Кооперация и право. Сборник заключений юрисконсульта Моск. нар. банка. М., 1914.

³⁸ Отчет Комитета по управлению имением Батилиман за 1916 год // ГК МФ. — URL://<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22060003> (дата обращения 21.03.2024).

³⁹ Врангели + Елпатьевские // Генеалогический форум ВГД. — URL:<https://forum.vgd.ru/4496/124475/> (дата обращения 21.03.2024).

Таврического губернского земства Александра Карловича Врангеля Людмиле. Ее младший брат, инженер Н.А. Врангель, был, в свою очередь, женат на дочери писателя и врача С.Я. Елпатьевского Людмиле, оставившей воспоминания о Батилимане. Это был второй брак Елпатьевской: первым ее супругом был П.Е. Кулаков, также дачник Батилимана (см. ниже). Дача Кравцова — одна из немногих дач Батилимана, сохранившихся по сей день. Это произошло благодаря тому, что одна дочь А.В. Кравцова, Валентина, стала женой профессора С.Н. Усатого, а другая, Вера, академика А.Ф. Иоффе. Как сообщают выявленные нами в ГАРК в Симферополе документы, еще в конце 1920-х гг. Андрей Васильевич Кравцов и его дочь вместе с профессором Усатым жили на своей даче в Батилимане, причем эта дача была специальным постановлением выведена из списка дач курорта Батилиман, национализированных в 1925 г. В дальнейшем эта дача стала называться «дачей Иоффе», так как там жил и академик А.Ф. Иоффе⁴⁰.

Пай №8 принадлежал Федору Федоровичу Кокоскину (1871–1918), правоведа, политическому деятелю и одному из первоходцев конституционного права в России⁴¹. Далее в списке идут пай №9 и №23, принадлежавшие врачу Ивану Ильичу Курбатову (1846–1923)⁴². Пай №10 принадлежал известному врачу-психиатру, основателю и первому главному врачу Санкт-Петербургской психиатрической больницы № 1 Петру Петровичу Кащенко (1859–1920)⁴³. Паи №11, № 15 и № 43 принадлежали Елене Яковлевне Цветковой (1871–1929), оперной певице и музыкальному педагогу⁴⁴. Паем № 12 владел Яков Иванович Савич — дворянин, предприниматель, член правления Петербургского международного коммерческого банка, директор правления акционерного общества Кулотинской мануфактуры⁴⁵.

⁴⁰ ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1 Д. 658. Л. 1–79.

⁴¹ Томсинов В.А. Федор Федорович Кокоскин (1871–1918) // Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества. В 2-х тт. Т. 2. М., 2007. С. 316–363.

⁴² Околов В.Л., Околов С.И. Курбатов Иван Ильич // Хирурги — профессора и доктора наук Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова (Медицинский факультет МУ и 1-й ММИ) 1755–2005 гг.: биографический словарь. Пятигорск, 2005.

⁴³ Сидорова М.А. Кащенко Петр Петрович // Императорский Московский университет. 1755–1917: энциклопедический словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 316–317.

⁴⁴ Цветкова, Елена Яковлевна // Большая биографическая энциклопедия. — URL: <https://rus-big-biography-enc.slovaronline.com/137182> (дата обращения 11.03.2024).

⁴⁵ Яков Иванович Савич // Geni. — URL: <https://www.geni.com/people/87/6000000037083817369> (дата обращения 10.03.2024).

Вслед за паем № 13 В.С. Елпатьевского идет пай № 14 И.М. Петрункевича (1876–1921), инженера, племянника основателя партии кадетов Ивана Ильича Петрункевича, также числящегося среди пайщиков Батилимана. Следом в списке идет фамилия В.Д. фон Дервиза (1859–1937), которому принадлежали пай № 16, № 31 и № 38. Владимир Дмитриевич был известным художником, окончил Императорское училище правоведения, затем пять лет учился в Академии художеств, где подружился с М.А. Врубелем и В.А. Серовым. В 1886 г. женился на двоюродной сестре Серова. Активно участвовал в земской деятельности, занимая различные выборные должности и был членом «Союза освобождения»⁴⁶.

Под № 19 в списке идет Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) — художник, преподаватель, театральный оформитель, книжный иллюстратор⁴⁷. Билибину в Батилимане принадлежали два пая, причем один из них, на самой южной оконечности Батилимана, был единственным с готовым сооружением — маленьким рыбацким домиком. Как известно по воспоминаниям очевидцев, в том числе художницы Веры Судейкиной, Билибин находился в Крыму и в годы гражданской войны — проживал то в Батилимане, то на дачном курорте Новый Мисхор, где в то время сложилась колония артистической богемы⁴⁸. В 1920 г. эмигрировал, продолжил работать в Европе и Африке. В конце 1930-х гг. Билибин решил вернуться в Советскую Россию. По словам Л.С. Врангель, «в свое время Билибин изменил новгородским озерам и лесам, где он с увлечением охотился в молодости, где он написал свою Василису Прекрасную и русские былины, но героический пейзаж античной Тавриды покорила его на всю жизнь. Он вскоре и уехал туда, где была Российская Академия художеств, где был его любимый Баты-Лиман с его дачей на берегу морского обрыва Черного моря, где осталась вся его душа»⁴⁹. Известны несколько работ Билибина, посвященных Батилиману, сделанных уже после возвращения на родину.

Паи № 20 и № 37 принадлежали лидеру партии кадетов, члену Общества истории и древностей российских, а также Московского археологического общества Павлу Николаевичу Милюкову (1859–1943). Пай № 21 принадлежал М.Э. Ушковой. Это дочь казанского

---

⁴⁶ Дервиз В.Д. Мои воспоминания. М., 2014.

⁴⁷ Верижникова Т.Ф. Иван Билибин. Жизнь и творчество, суждения об искусстве, современники о художнике. СПб., 2011.

⁴⁸ Карагодина А. В. У самого синего моря...; Карагодина А.В., Петрова М.М. Новый Мисхор — первый дачный курорт на Южном берегу Крыма (1898–1920): реконструкция социокультурной истории // Человек и культура. № 4. 2020. С. 103–127.

⁴⁹ Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена... С. 146.

промышленника К. Петцольда, первая жена предпринимателя, хозяина южнобережного имения Форос Г.К. Ушкава. Ее скульптурный портрет работы Николая Андреева (1915) хранится в Государственной Третьяковской галерее⁵⁰.

Пай № 22 принадлежал Михаилу Ивановичу Ростовцеву (1870–1952), историку-антиковеду, археологу, публицисту, специалисту по истории Причерноморья и члену Русского археологического общества⁵¹. Ростовцев родился в Москве в семье купца, получил высшее образование в Московском университете, учился в Германии, в 1902 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Античные терракоты» и получил кафедру в Московском университете. Проводил археологические исследования в Крыму, Дагестане, на Северном Кавказе, а также в Греции, Италии, Анатолии и Сирии. В 1907–1908 гг. исследовал Пантикапейский некрополь, а с 1911 г. координировал раскопки в Херсонесе. Южнобережные земли были знакомы Ростовцеву не только как археологу: он был женат на дочери состоятельного нотариуса из Нижнего Новгорода М.Ф. Кульчицкого и проводил много времени на даче тестя в Новом Мисхоре, а позднее приобрел у С.Я. Елпатьевского участок на престижном дачном курорте Новый Симеиз⁵². По воспоминаниям Л.С. Врангель, в 1910-х гг. Ростовцев вел археологические раскопки близ Батилимана, а в дальнейшем стал, как и многие другие пайщики Батилимана, акционером планировавшегося к постройке по соседству города-сада Ласпи⁵³.

Пай № 24 принадлежал Ивану Ильичу Петрункевичу — дяде И.М. Петрункевича, владельца пая № 14. Окончив Киевский кадетский корпус, а затем юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, он тесно связал свою жизнь с политикой: был инициатором создания Союза земцев-конституционалистов, возглавлял «Союз освобождения» вместе со своим будущим соседом по Батилиману В.И. Вернадским, стал одним из основателей и лидеров партии кадетов,

Следующими в списке идут Ф.Ф. Берников (1872–1920), врач, в 1910-х гг. трудившийся в земской больнице Байдарской долины и в Ялте⁵⁴,

---

⁵⁰ Русский модерн: на пути к синтезу искусств // Журнал Коллекция. 25.10.2021. — URL: <https://sammlung.ru/?p=40652> (дата обращения 01.03.2024).

⁵¹ Скифский роман. Scythian novel. Сборник о жизни и творчестве М.И. Ростовцева / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.

⁵² Карагодин А.В., Петрова М.М. Новый Мисхор ...

⁵³ Карагодин А.В. Дачи и дачники русской Ривьеры... С. 264–283.

⁵⁴ Архив Пятигорска. — URL: https://vk.com/wall-211799689_100 (дата обращения 02.03.2024).

и известный адвокат, гласный С.-Петербургской городской думы Н.Н. Шнитников (1870–1940)⁵⁵.

Пай № 30 принадлежал писательнице, историку и редактору газеты «Современное слово» Татьяне Александровне Богданович (1872(1873?)–1942), близкой подруге и коллеге другого батилиманца Владимира Галактионовича Короленко⁵⁶, которому принадлежал пай № 34. Пай № 36 принадлежал писателю и драматургу Евгению Николаевичу Чирикову⁵⁷.

Пай № 40 принадлежал В.Н. Радакову. Эта персоналия знакома нам по реконструкции истории дачного курорта Новый Мисхор. В.Н. Радаков (1864–1929) был потомком сербского капитана Ивана Радакова, поступившего на военную службу в России в середине XVIII в. Окончил Харьковскую гимназию в 1883 г. и юридический факультет Харьковского университета, был избран земским гласным, с 1890 г. — почетным мировым судьей. В 1905 г. вступил в кадетскую партию. 14 апреля 1906 г. был избран в Государственную Думу 1-го созыва. Причиной переезда в Крым стало нездоровье его жены Елены Петровны (она занималась этнографией, представила доклад на XII археологическом съезде в Харькове в 1902 г.). Вначале они жили на даче врача С.Я. Елпатьевского в Ялте, а в 1908 г. переехали в Новый Мисхор, где построили дачу. Когда 10 мая 1910 г. Елены Петровны не стало, ее похоронили на кладбище в Мисхоре. Летом 1912 г. В.Н. Радаков заказал скульптору А.С. Голубкиной памятник покойной супруги с рельефом, изображавшим Иисуса Христа, для которого позировал врач К.А. Михайлов, впоследствии вылечивший В.И. Вернадского от тифа⁵⁸.

Пай за номером 44 принадлежал П.Е. Кулакову, уроженцу Крыма, этнологу, фотографу и члену Восточно-Сибирского отдела Русского Императорского Географического общества, первому мужу Л.С. Врангель (урожденной Елпатьевской).

Паем № 45 владел сам В.И. Вернадский (1863–1945). В деле, посвященном Батилиману в фонде Вернадского в РАН, хранятся и несколько чертежей двухэтажного дома подчеркнуто простой архитектуры, предполагавшегося к постройке на участке Вернадского, начатого, но так и не законченного строительством к 1920 г.

---

⁵⁵ Письма М.И. Цветаевой к Л.Е. Чириковой-Шнитниковой / Сост., подгот. текстов и примеч. Е.И. Лубянской. М., 1997. С. 67.

⁵⁶ Бялый Г.А. В.Г. Короленко. М., 1949.

⁵⁷ Любимова М.Ю. Чириков. Русские писатели, XX век. Библиографический словарь: В 2-х ч. Ч. 2: М–Я. М., 1998. С. 553–441.

⁵⁸ Карагодин А.В. Дачи и дачники русской Ривьеры... С. 153–154.

Далее в списке идет Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933) — врач, участник общественного движения, по подозрению в участии в «Народной воле» сосланный в Сибирь, где продолжал врачебную деятельность на безвозмездной основе. После возвращения из ссылки Елпатьевский переехал в Ялту, где виделся с Л.Н. Толстым, занимался здоровьем А.П. Чехова. Там же познакомился с А.И. Куприным. Согласно описи ему достался пай №46.

В воспоминаниях, вышедших в Ленинграде в 1929 г., С.Я. Елпатьевский писал: «И приморская полоса, тянувшаяся на 15 верст от Ласпи и до Фороса — я прошел ее не один раз пешком — полоса великолепных по своему положению, но пустынных имений, где были только редкие дома, в которые не часто приезжали владельцы, виноградники, да немые безлюдные парки, — также пришла, в движение, также составлялись компании и, кажется, некоторые имения были уже куплены.... Можно сказать с уверенностью, что весь Южный берег от Фороса до Алушты, за исключением царских и великокняжеских имений, очень скоро кончил бы тем же, чем и Симеиз, т.е. разбивкой на мелкие участки с заселением пришлыми людьми... Нужда России в Крыме огромная. Емкость Крыма еще значительная. И в приморском и в горном Крыму много местностей вроде Баты-Лимана, не пригодных для сельскохозяйственной культуры и в высокой степени пригодных для расселения людей, нуждающихся в климатических условиях Крыма. Земли эти лежат и долго еще будут лежать не использованные человеком, если не будет широкого организационного плана использования их»⁵⁹.

Николаю Яковлевичу Кетчеру (1859–1924), доктору медицины, председателю правления Ольгинского приюта трудолюбия, преподавателю Медико-хирургической академии (ныне Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова)⁶⁰, принадлежал пай № 47.

Пай № 48 принадлежал Леопольду Антоновичу Сулержицкому (1872–1916), театральному режиссеру, художнику, педагогу, коллеге и помощнику К.С. Станиславского, а также учителю Е.Б. Вахтангова, другу Толстого, Чехова, Горького и руководителю 1-й студии МХТ⁶¹. Соседом Сулержицкого был обладатель пая № 49 Федор Иванович Корсаков (1883–1932), сын потомственного дворянина, присяжного поверенного, члена партии кадетов, депутата Государственной думы 1-го созыва от Новгородской губернии Ивана Ассигритовича

⁵⁹ Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 296.

⁶⁰ Николай Яковлевич Кетчер // Geni. — URL: <https://www.geni.com/people/6000000133695829854> (дата обращения 11.03.2024).

⁶¹ Сулержицкий Л.А. Повести и рассказы. Статьи и заметки о театре. Переписка. Воспоминания / Общ. ред. В.Я. Виленкина. М., 1970.

Корсакова. Ф.И. Корсаков был преподавателем государственного права в Политехническом институте, после эмиграции работал в Тартуском университете⁶².

Последним в описи 1912 г. числится Александр Мефодиевич Редько (1866–1933) — журналист, литератор, преподаватель Политехникума путей сообщения и Института инженеров железнодорожного транспорта⁶³. Он владел паем № 50.

Помимо карты и описи участков и паев, интерес представляет и еще один документ из дела — «Общее описание имения “БАТИ-ЛИМАН” Таврической губернии Ялтинского уезда», составленное, как и отдельный акт, инженером Загорским в том же 1912 г. Из него, помимо важных сведений о границах и характеристиках имения, можно узнать, что «в истекшее лето произведены были дорожные изыскания и намечено кратчайшее направление, дорога от дер. Хайты к имению. В этом направлении выстроено уже около 2 вер. дороги, остается еще до границы имения свыше 2 вер. Одновременно спроектирована была дорога и в пределах самого имения». В этих работах были заняты 50 человек. Также инженер Загорский сообщает, что «минувшим летом на Крымском побережье были произведены изыскания по постройке электрической железной дороги, которой предполагается соединить Севастополь с Ялтой. Линия изысканий началась тоннелем в мысе Айя, проходит через весь Бати-Лиман на высоте, в среднем, 40–50 саж. над уровнем моря, рассекая всю ленту имения на две еще более узкие ленты. Направление предполагаемой линии железной дороги очень благоприятно для имения: оно почти везде совпадает с проектируемой и строящейся через имение продольной шоссеиной дорогой»⁶⁴.

Обнаруженные в фонде Вернадского в архиве РАН документы — план имения Батилиман с разбивкой на участки и их нумерацией, список пайщиков, отчеты Общества благоустройства имения, сметы, протоколы собраний, стандартные формуляры договоров о продаже паев и прочие — позволяют вывести работу по реконструкции истории дачного курорта Батилиман на Южном берегу Крыма, — изучение которого до настоящего времени носило фрагментарный характер, по сути, основываясь только на обрывочных сведениях из справочной литературе и эго-источников, — на принципиально новый этап, дополнив активно реконструируемую в последние годы

---

⁶² Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. 1 / Сост. С.Г. Исаков. Таллинн, 1996. С. 68.

⁶³ Заяц А.А., Чанцев А.В. Редько Александр Мефодиевич // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 273–275.

⁶⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 160. Л. 120–124.

картину «дачного курортного бума» на Южном берегу Крыма в начале XX в. яркими персоналиями батилиманских дачников.

Разумеется, исследователям еще предстоит обработать все 98 заполненных с двух сторон листов архивного дела. Тем не менее, даже на нынешней стадии можно говорить о существенном приращении достоверного исторического знания. Обнаруженный план имения Батилиман с указанием номеров участков в совокупности с имеющимися списками пайщиков и подробным описанием участков позволит точно локализовать владения того или иного дачника, соотнести их с нынешним ландшафтом местности, провести атрибуцию и мемориализацию мест, где проводили досуг выдающиеся деятели отечественной науки, культуры, общественной жизни начала XX в. Опыты работ подобного рода на Южном берегу Крыма с применением современных приемов компьютерной картографии уже имеются⁶⁵.

Несомненно, должна быть продолжена работа в фондах Государственного архива Республики Крым в Симферополе. Так, в фонде 25 (делопроизводство Старшего нотариуса Симферопольского окружного суда) нами были обнаружены купчие (Ф. 25. Оп. 1. Д. 10. 1914 г.) дачевладельцев Батилимана: П.Е. Кулакова, Е.Я. Курбатовой, О.А. Колосовской, В.А. Кащенко, В.Г. Короленко, Т.А. Богданович, М.С. Морозова, Б.П. Китермана, В.А. Кравцова, Е.Н. Чирикова, В.Д. фон Дервиза, И.Я. Билибина, В.А. Плансона, Е.Я. Цветковой, В.С. Елпатьевского, П.Н. Милюкова. По этим документам подтверждается цена первоначальной покупки участка у местных татар деревни Хайто — 33000 руб., а также цена первоначального выкупа пая — 1000 руб.⁶⁶

Перспективным направлением работы видится просопографический анализ собранной информации — выделение общих черт дачников по возрасту (большинство из них — 1880-х гг. рождения, т.е. во время становления дачного поселка Батилиман им было от 30 до 40 лет), социальной и профессиональной принадлежности, партийных пристрастий (многие были активными участниками партии кадетов). При дальнейшей разработке темы возможно создание на базе собранных источников новой электронной базы данных «Дачный поселок Батилиман», по образу и подобию баз данных «Дачи Симеиза» и «Дачи Нового Мисхора», созданных нами ранее и пре-

---

⁶⁵ Карагодин А.В., Булавинцева Е. В. Комплексное источниковедение на службе историков и краеведов: новые сведения об имениях Южного берега Крыма в XIX — начале XX в. и их владельцах (на примере изучения местности Магарач) // Человек и культура. 2022. № 6. С. 128–150.

⁶⁶ ГАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 10. Л. 203 об.

образованных впоследствии в историко ориентированные тематические веб-сайты⁶⁷.

Такие онлайн-базы данных характеризуются в актуальной историографии как «вторичные», или мета-источники, которые интегрируют сведения исходных поливидовых документов в процессе исторического исследования и одновременно существенно облегчают процесс распространения достоверного исторического знания⁶⁸. Как указывает Л.И. Бородкин, новые технологические возможности работы с информацией формируют сегодня «новую форму исторического знания», которая определяется как «не линейный нарратив, а сайт, карта или база данных, которые позволяют не только максимально полно и достоверно представить исторические источники, но и найти неиерархическую визуальную форму репрезентации разных точек зрения, частного и публичного, документов и воспоминаний»⁶⁹.

Всё вместе это позволит полноценно реконструировать историю «культурного ландшафта» Батилимана, возродить его как пространство памяти о важном этапе в истории Южного берега Крыма, всей России и в судьбах замечательных представителей русской культуры, видевших в Батилимане свой райский уголок на берегу Черного моря в Крыму — на «русской Ривьере».

References

Bedareva G.Ya. *Batiliman — La Faviere // Istoriya Yuzhnogo berega Kryma: III Dmitriyevskiy chteniya. Sbornik nauchnykh trudov* [History of the South Coast of Crimea: The 3rd Dmitriev Readings. Collection of Scientific Papers.]. Yalta: Tavria-Plus, 1999. P. 58–61.

Borodkin L.I. *Istoriko-oriyentirovannyye tematicheskiye sayty: istochnikovedcheskiye aspekty razrabotki kontenta* [History-Oriented Thematic Sites: Source Studies Aspects of Content Development] // *Informatsionnyy Bulletin Assotsiatsii "Istoriya i computer"*. 2006. N 34. P. 147–150.

Byalyy G.A. V.G. *Korolenko*. Moscow: Goslitizdat, 1949. 372 p.

Bzhiktsy I. "Chudesnyy ugolok zemli": *La Faviere kak locus amoenus v literature russkogo zarubezh'ya* ["A Marvellous Corner of the Earth": *La Faviere as Locus Amoenus* in the Literature of the Russian Abroad] // *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2021. Vol. 19. N 2. P. 251–281.

---

⁶⁷ Карагодин А.В. Историко ориентированный тематический сайт «Симеиз. Путеводитель по старым дачам»: этапы разработки и перспективы исследования // Историческая информатика. 2020. № 1. С. 143–157.

⁶⁸ Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях. Сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Владимирова, И.М. Гарсковой. Барнаул, 2013. С. 7.

⁶⁹ Бородкин Л.И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14–30.

Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX — nachala XX veka [Town-Planning of Russia from the Mid-19th through Early 20th Century]. Vol. 2. *Goroda i novyye tipy poseleniy* [Towns and New Types of Settlements]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003. 557 p.

Ivanov A.V. *Laspi: ot Aya do Sarycha* [Laspi: from Aya to Sarych]. Simferopol': Bibleks, 2005. 207 p.

Karagodin A.V. *Dachi i dachniki russkoy Rivieri. Ocherki istorii Yuzhnogo berega Kryma i Sevastopolya nachala XX veka* [Dachas and Summerfolk of the Russian Riviera. Essays on the History of the South Coast of Crimea and Sevastopol in the Early 20th Century]. Moscow: Blagotvoritel'nyy fond Nikity Tomilina, 2024. 344 p.

Karagodin A.V. *Istoriko-oriyentirovannyy tematicheskiy sayt "Simeiz. Putevoditel' po starym dacham": etapy razrabotki i perspektivy issledovaniya* ["Simeiz. Guide to the Old Dachas": A History-Oriented Thematic Site. Stages of Development and Prospects of Research] // *Istoricheskaya informatika*. 2020. N 1. P. 143–157.

Karagodin A.V. *U samogo sinego morya: transfer kul'tury russkoy dachi s Yuzhnogo berega Kryma vo frantsuzskiy La Faviere v pervoy treti XX veka* [At the Very Blue Sea: Transfer of Russian Dacha Culture from the South Coast of Crimea to the French La Faviere in the First Third of the 20th Century] // *Chelovecheskiy kapital*. 2022. N 7 (163). P. 23–32.

Karagodin A.V., Bulavintseva E.V. *Kompleksnoye istochnikovedeniye na sluzhbe istorikov i krayevedov: novyye svedeniya ob imeniyakh Yuzhnogo berega Kryma v XIX — nachale XX v. i ikh vladel'tsakh (na primere izucheniya mestnosti Magarach)* [Complex Source Study at the Service of Historians and Local Historians: New Information about the Estates of the South Coast of Crimea in the 19th and Early 20th Centuries and Their Owners (a Case-Study of Magarach)] // *Chelovek i kul'tura*. 2022. N 6. P. 128–150.

Karagodin A.V., Petrova M.M. *Novyy Miskhor — pervyy dachnyy kurort na Yuzhnom beregu Kryma (1898–1920): rekonstruktsiya sotsiokul'turnoy istorii* [New Miskhor, the First Dacha Resort on the South Coast of Crimea (1898–1920): Reconstruction of Socio-Cultural History] // *Chelovek i kul'tura*. 2020. N 4. P. 103–127.

Karagodin A.V., Petrova M.M. *Suprugi Mikhaylovy — zemskiye vrachi i filantropy na Yuzhnom beregu Kryma: biografiya v kontekste epokhi* [Spouses Mikhailovs, Zemstvo Doctors and Philanthropists on the South Coast of Crimea: Biography in the Context of the Era] // *Chelovek i kul'tura*. 2020. N 6. P. 124–140.

Karagodin A.V., Petrova M.M. *Vladel'tsy i stroiteli zamka "Lastochkino gnezdo" — simvola Yuzhnogo berega Kryma — bez mifov i legend* [Owners and Builders of the Castle "Swallow's Nest", the Symbol of the South Coast of Crimea, without Myths and Legends] // *Istoricheskii zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2019. N 6. P. 54–68.

Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow: Nauka, 2003. 485 p.

Lavrov V.V., Ishin A.V. *V.I. Vernadskiy i Tavricheskii universitet* [V.I. Vernadsky and the Tauride University] // *Krymskiy arkhiv*. 2000. N 6. P. 182–216.

Lezinskiy M.L. *Batiliman*. Simferopol': Krym, 1968. 47 p.

Lovell S. *Dachniki. Istoriya letnego zhit'ya v Rossii, 1710–2000* [Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000]. Saint Petersburg: Akademicheskii Proyekt, 2008. 347 p.

Mal'gin A.V. *Russkaya Riviera: kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu Imperii: konets XVIII — nachalo XX v.* [Russian Riviera: Resorts, Tourism and Recreation in the

Crimea at the Time of the Empire: From the End of the 18th through the Early 20th Century]. Simferopol': SONAT, 2004. 349 p.

Malinova-Tziafeta O.Yu. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnyye faktory osvoyeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From the City to Dacha: Socio-Cultural Factors of Development of Dacha Space around Saint Petersburg (1860–1914)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 336 p.

McReynolds L. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2003. 320 p.

Nashchokina M.V. *Arkhitektura dachnykh poselkov kontsa XIX — nachala XX vv.* [Architecture of Dacha Villages of the Late 19th and Early 20th Centuries] // *F.O. Schechtel i problemy istorii russkoy arkhitektury kontsa XIX — nachala XX vekov* [F.O. Shechtel and Issues of the History of Russian Architecture of the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moscow: TsNIIPgradostroitel'stva, 1988. 119 p.

Russkaya skazka v Krymu: Bilibin i yego Batiliman [Russian Fairy Tale in the Crimea: Bilibin and His Batiliman]. — URL: <https://crimea.ria.ru/20230816/russkaya-skazka-v-krymu-bilibin-i-ego-batiliman-1130635227.html>

“*Russkiy kholm*”. *La Favière (1920–1960). Istoriya russkoy kolonii na yuge Frantsii v vospominaniyakh, dnevnikakh i pis'makh* [Russian Hill. La Favière (1920–1960). History of the Russian Colony in the South of France in Memoirs, Diaries and Letters] / Comp. by M. Makarov. Paris: [s. n.], 2017. 846 p.

Skifskiy roman. Scythial novel. Sbornik o zhizni i tvorchestve M.I. Rostovtseva [Scythian Novel. Scythial Novel. Collection on the Life and Work of M.I. Rostovtsev] / Ed. by G.M. Bongard-Levin. Moscow: ROSSPEN, 1997. 623 p.

Stemler I.P. *Tainstvennoye pyatno* [A Mysterious Spot]. — URL: http://www.razlib.ru/filosofija/breakfast_zimoi_v_pjat_utra/p32.php

Tarakanov D.V. *Dachnyye poselki Podmoskov'ya v kontse XIX — nachale XX v.: dis. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Dacha Villages in Outer Moscow in the Late 19th and Early 20th Centuries: PhD Candidate in History Diss.]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, 2007. 255 p.

Ul'yanova G.N. *Dvortsy, usad'by, dokhodnyye doma: istoricheskiye rasskazy o nedvizhimosti Moskvy i Podmoskov'ya* [Palaces, Estates, Revenue Houses: Historical Essays on the Real Estate in Moscow and Moscow Region]. Moscow: Forum; Neolit, 2012. 270 p.

V.I. Vernadskiy i Krym: lyudi, mesta, sobytiya... [V.I. Vernadsky and the Crimea: People, Places, Events...]. Kiev: Lybid', 2004. 308 p.

Venikeev E.V. *Arkhitektura Sevastopolya* [Architecture of Sevastopol]. Simferopol': Tavria, 1983. 208 p.

Verizhnikova T.F. *Ivan Bilibin. Zhizn' i tvorchestvo, suzheniya ob iskusstve, sovremenniki o khudozhnike* [Ivan Bilibin. Life and Creativity, Views on Art, Contemporaries about the Artist]. Saint Petersburg: Aurora, 2011. 223 p.

Wrangel L.S. *Krym* [Crimea]. Paris: YMCA-Press, 1939. 158 p.

Yanin V.L. *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya: srednevekovyy Novgorod* [Essays on Complex Source Studies: Medieval Novgorod]. Moscow: Vysshaya shkola, 1977. 240 p.

Поступила в редакцию
16 мая 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-102-122

О.Н. Ерошкина, А.В. Зотова

**ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИРОВОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ
В СОВЕТСКИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ В 1920–1930-е гг.**

O.N. Eroshkina, A.V. Zotova

**LENIN'S CONCEPT OF WORLD SOCIALIST REVOLUTION
AND INTERNATIONAL EDUCATION OF STUDENTS IN
SOVIET PEDAGOGICAL HIGH SCHOOLS
IN THE 1920s AND 1930s**

Аннотация. Развивая идеи марксизма, В.И. Ленин на протяжении многих лет разрабатывал концепцию мировой социалистической революции. Он постоянно корректировал ее, учитывая динамику политических и экономических событий как в России, так и в других государствах. Эта ленинская концепция стала стержнем стратегии большевистской партии. После прихода к власти в России революционных сил лидер большевиков продолжал корректировать свою концепцию вплоть до 1922 г. Однако большинство партийных и государственных деятелей страны Советов не приняли ленинских взглядов на быстро менявшиеся события 1918–1922 гг., они воспринимали теорию своего вождя как раз и навсегда сформировав-

---

Ерошкина Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Eroshkina Olga Nikolayevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of International Humanitarian Relations, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University

o.eroshkina@mail.ru

ORCID: 0009-0000-7985-9421

Зотова Анастасия Валерьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Zotova Anastasia Valerievna, Doctor in History, Professor, Department of International Relations in the Post-Soviet Space, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University

anastasiyazotova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7791-6867

шуюся догму. Его мысль о переходе мировой революции в экономическое состязание коммунистической и капиталистической систем не была оценена как при жизни В.И. Ленина, так и после его смерти. Руководители Советского государства, выхолостив научную сущность из концепции мировой революции, превратили ее в агитационный плакат «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Такой призыв способствовал сплочению советских людей, особенно молодежи, но не имел политической перспективы. Это хорошо видно на примере интернационального воспитания студенчества СССР в 1920–1930-е гг. Оставаясь интернационалистами по духу, студенты на практике участвовали в подготовке квалифицированных кадров для СССР. В этом состоял в значительной мере успех деятельности советских педагогов. Со второй половины 1920-х гг. в условиях спада мирового революционного движения и перехода к самостоятельному строительству социализма в СССР международный аспект в деле интернационального воспитания студентов педагогических вузов начал терять свою актуальность. Цель статьи — проследить динамику интернационального воспитания в педагогических вузах СССР в 1920–1930-е гг. Впервые вводятся в научный оборот сведения многочисленных газетных публикаций того времени, а также архивных документов, позволяющих проанализировать основные направления интернационального воспитания советских студентов.

Ключевые слова: В.И. Ленин, концепция мировой социалистической революции, высшее образование в СССР, педагогическое образование, интернациональное воспитание, советское студенчество.

Abstract. V.I. Lenin for many years developed Marx's concept of world socialist revolution, particularly with regard to his formulation of. This concept underwent continuous refinement, with adjustments made to align with the evolving political and economic landscape of Russia and other nations. The Leninist notion served as the foundation for the Bolshevik Party's strategic approach. Following the Bolsheviks' seizure of power in Russia, Lenin continued to refine and evolve his concept until 1922. However, the majority of the party and state leaders of the Soviet Union did not accept Lenin's views on the rapidly changing events of 1918–1922, perceiving his theory as a definitive dogma. His concept of the transition of the world revolution into an economic competition between communist and capitalist systems was not appreciated during Lenin's lifetime or after his death. The Soviet state leaders, having divested the scientific essence from the concept of world revolution, transformed it into a propaganda poster, "Proletarians of all countries, unite!". This appeal served to unify the Soviet populace, particularly the youth, but lacked a political perspective. This is exemplified by the international education of students in the USSR in the 1920s and 1930s. The internationalist ethos of these institutions was complemented by their practical involvement in the training of qualified personnel for the USSR, a feat that can be largely attributed to the success of Soviet educators. However, as the global revolutionary movement began to wane in the second half of the 1920s, and the USSR transitioned towards independent socialist construction, the international dimension of the international education of students at pedagogical high schools gradually lost its significance. The objective of this article is to examine the evolution of international education at pedagogical high schools in the USSR during

the 1920s and 1930s. This study introduces a novel approach by making use of data from numerous newspaper publications of that period, as well as archival documents that facilitate the analysis of the primary directions of international education for Soviet students.

Keywords: V.I. Lenin, the concept of world socialist revolution, higher education in the USSR, pedagogical education, international education, Soviet students.

* * *

Ленинская концепция мировой социалистической революции в отечественной историографии изучена недостаточно. На актуальность ее исследования на протяжении ряда лет обращал внимание петербургский историк С.Н. Полторак¹. Он подчеркнул, что на развитие концепции особенно повлияли события Первой мировой войны². В.И. Ленин из года в год совершенствовал свое учение, обращая внимание на изменения, происходившие как внутри нашего государства, так и в политической и экономической жизни других стран, особенно в Европе. Его анализ тенденций экономического и политического развития в мире позволил утверждать, что вслед за Октябрьским переворотом в Петрограде вскоре последует революция трудящихся во всем мире. Практика показала преждевременность таких утверждений. Руководитель молодого Советского государства уже в 1918 г. осознал: международный капитал будет до конца защищать свои интересы, а пролетариат других стран на практике не настолько сплочен, как казалось прежде. Размышляя о перспективе, он пришел к выводу, что залогом победы мировой революции должны стать экономические успехи революционного государства³. К этой мысли, к сожалению, другие руководители Советской России не прислушались. Для них, как и для широких слоев пролетарских масс, ленинские идеи были не результатом сложной аналитической работы, а лишь лозунгом, нацеленным на сплочение трудящихся.

Победа в России Советской власти воспринималась лидерами большевиков как пролог глобальной социалистической революции. Они выражали стойкую уверенность в том, что следующим этапом

---

¹ Полторак С.Н. Ленинская концепция мировой социалистической революции и Октябрь 1917 г. // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. 2013. Т. 1. С. 75–81; Он же. Мировая революция в контексте русского этнопсихологического архетипа // Клио. 1998. № 1. С. 36.

² Полторак С.Н. Влияние Первой мировой войны на формирование ленинской концепции мировой социалистической революции // Клио. 2023. №5(197). С. 13–19.

³ Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV Конгрессе Коминтерна 13 ноября // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 278–294.

развития цивилизационного кризиса будет разрушение капиталистической системы в передовых западных странах. Уже в «Декрете о мире», принятом Вторым Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г., выражалась надежда на то, что европейский пролетариат, доказавший в прошлом свою приверженность делу борьбы за права трудящихся, «всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью» поможет Советской России «успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»⁴.

Демонстрация миролюбивых намерений Советской России, а также призыв к солидарному сплочению всех трудящихся воюющих стран для давления на империалистические правительства в целях прекращения войны и достижения равного для всех народов справедливого миропорядка содержались также в обращении к «Народам воюющих стран» от 15 ноября 1917 г. в связи с предложением о мирных переговорах, выдвинутом правительством РСФСР. Важным документом стала «Декларация прав народов России», принятая Советом Народных Комиссаров РСФСР 2 ноября 1917 г. В этом документе Советская власть провозгласила основные постулаты своей национальной политики: «В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой. Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России»⁵.

К сожалению, Советскому правительству не удалось остановить кровопролитную мировую бойню. Более того, весной 1918 г. РСФСР оказалась ввергнута во внутреннюю гражданскую войну. Тем не менее, надежды на достижение интернациональной пролетарской солидарности и дальнейшее развитие мировой социалистической революции оставались. Даже несмотря на заключение в 1919 г. Парижского мирного договора и сохранение буржуазных порядков в западных странах, Советское правительство не отказалось от планов поддержки мирового революционного движения с целью разрушения капиталистической системы и победы социализма во всем мире. VIII съезд РКП (б), состоявшийся в 1919 г., подтвердил установку на мировую социалистическую революцию, закрепив

---

⁴ Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. М., 1957. С. 12.

⁵ Там же. С. 40.

ее в новой программе: «Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неудачи ее или волны контрреволюции, — окончательная победа пролетариата неизбежна»⁶.

Кроме того, в программном документе большевиков главным координатором мировых пролетарских революционных сил определялся новый III Коммунистический Интернационал⁷. В решениях Первого конгресса Коминтерна с определенностью было заявлено: «... равенство граждан независимо от пола, религии, расы, национальности, которое буржуазная демократия всегда и везде обещала, но нигде не провела и, в силу господства капитализма, провести не могла, Советская власть или диктатура пролетариата осуществляет сразу и полностью, ибо в состоянии это сделать только власть рабочих»⁸.

Таким образом, Советская власть с первых дней своего существования в России взяла курс на развертывание мировой социалистической революции. Важную роль в его осуществлении призваны были сыграть не только внешняя политика РСФСР, международные коммунистические организации и движения, но и внутренняя политика по воспитанию интернациональной солидарности советских людей с борьбой иностранных трудящихся против империалистических порядков в глобальном масштабе. Одно из центральных мест в этом деле отводилось системе образования на всех ее ступенях, а также школьному учителю, его подготовке и воспитанию.

Поначалу уверенность в том, что мировая пролетарская революция обязательно произойдет, породила некоторое благодушие и отсутствие планов систематической работы по организации и осуществлению интернационального воспитания студентов, пропаганды идей солидарности и сплочения всех трудящихся во имя победы пролетариата. Не сразу определились также формы и методы этой деятельности.

В 1921 г. в Москве был учрежден Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), нацеленный на подготовку деятелей коммунистического движения как для восточных регионов РСФСР, так и для зарубежных стран Востока. Однако выпускники универ-

---

⁶ Декреты Советской власти... С. 75.

⁷ Там же.

⁸ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919–1932 / Под ред. Бела Куна. М., 1933. С. 71.

ситета нередко становились во главе образовательных учреждений, трудились учителями в советских национальных школах. Об этом свидетельствуют многие факты, включая названия факультетов, как, например, Естественно-педагогический. В КУТВ нередко устраивались интернациональные встречи. Так, в 1923 г. одна из них, в которой участвовали студенты Университета и польские коммунисты, завершилась единением коммунистов Востока и Запада, прославлением III Интернационала, приветствием Ленину и утвердила всех участников в мысли, что «близок час мировой революции»⁹.

Международная организация помощи революции (МОПР), созданная в 1922 г. по решению IV Конгресса Коминтерна, довольно медленно обретала известность, а ее ячейки — распространение в советских педвузах.

На начальном этапе организации системы высшего педагогического образования важное место в подготовке и воспитании будущих советских педагогов занимала Академия коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. Ее предшественником был Педагогический институт имени П.Г. Шеллапутина (созданный в 1911 г.), реорганизованный в 1917 г. в Академию социального воспитания, а в 1923 г. — в Академию коммунистического воспитания (АКВ). Однако следует отметить, что проводимая в то время работа по интернациональному воспитанию студентов Академии еще имела спорадический характер без ясного понимания руководством способов и методов ее осуществления. Об этом свидетельствуют материалы газеты Академии. Лишь в отдельных публикациях вузовской многотиражки «Красный педагог» обращалось внимание на проблемы мировой революции, место и роль в ней СССР. «Москва — сердце и мозг мировой пролетарской революции», — утверждал автор одной из подобных заметок¹⁰. В редких номерах были представлены лишь отдельные сведения в виде объявлений или призывов уделять больше внимания ячейке МОПР и революционной борьбе пролетариев и крестьян угнетенных стран, так как «МОПР — красный тыл» революционных преобразований в СССР¹¹.

Иногда темы интернационального воспитания оказывались в центре внимания и партийно-комсомольского актива рабфака МГУ, готовившего будущих студентов для университета, включая 2-й МГУ, имевший педагогический факультет. Перед всеми учащимися рабфака накануне летних каникул 1924 г. были поставлены кон-

⁹ Восточник. 1923. 6 апреля.

¹⁰ Мдивани А. К задачам работы Академии среди студентов нацокраин // Красный педагог. 1925. № 2.

¹¹ Что нам пишут // Красный педагог. 1926. 1 марта. № 5-6.

кретные задачи по проведению среди рабочих, а особенно крестьян сельской местности, в которой они могут оказаться во время отдыха, активного разъяснения международного и внутреннего положения Советского государства. «Нужно еще мобилизовать сочувствие в крестьянах МОПРу. Каникуляры должны разъяснить, что МОПР помогает тем, без борьбы которых наша русская борьба обречена на неудачу. Пролетариат един. В нем нет деления ни национального, ни расового, ни религиозного»¹².

Похожая ситуация складывалась и в провинциальных педагогических вузах РСФСР. Ячейка МОПР в Пермском университете в 1925 г. насчитывала всего 177 человек, в том числе было 37 человек в составе ячейки МОПР педфака¹³. Поэтому значительная часть интернациональной работы осуществлялась комсомольской организацией университета. Весной 1925 г. секретарь РКСМ Агеносова выступила на заседании университетского бюро с призывом провести «отчисления в пользу китайских рабочих»¹⁴. И хотя по всему университету «не удалось провести сбор пятак Мировой солидарности», так как «студенты не получили стипендии»¹⁵, но ячейка РКСМ педфака, составлявшая 92 человека, всё же провела отчисления в пользу китайских рабочих¹⁶. По инициативе ячейки РКСМ была также создана общеуниверситетская комиссия для подготовки и проведения Международного юношеского дня (МЮД). В честь МЮД в Пермском университете был намечен карнавал, а педфак получил поручение устроить книжную выставку¹⁷.

В условиях наметившегося спада в мировом революционном движении, провозглашенного XIV съездом ВКП (б) перехода к социалистической реконструкции в СССР, утвержденных XV съездом ВКП (б) директив по составлению первого пятилетнего плана социалистического строительства с определением соответствующей триады задач: индустриализация, коллективизация, культурная революция — работа по интернациональному воспитанию заметно активизировалась. Кроме того, стали меняться акценты в ее осуществлении. Для самостоятельного успешного решения задач социалистической реконструкции на новом историческом этапе требовалось обеспечить внутреннюю консолидацию советского

¹² Торгованов А. Наши задачи // Крепи смычку. 1924. Июнь.

¹³ Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

¹⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵ Там же. Л. 41.

¹⁶ Там же. Л. 44.

¹⁷ Там же. Л. 39.

многонационального общества. Мировое революционное движение должно было при этом способствовать созданию благоприятной международной обстановки, что диктовало необходимость его всемерной поддержки и, в первую очередь, оказания ему материальной помощи. Не менее значимой становилась также задача по пропаганде за рубежом советского опыта социалистического строительства и борьбе с его очернительством. Таким образом, во второй половине 1920-х гг. изменившиеся в СССР внутрисполитические условия и задачи предопределили как основные цели интернационального воспитания студентов педвузов, так и направления развития их зарубежных связей.

Деятельность по укреплению дружбы и солидарности с трудящимися и студентами зарубежных стран становилась важной и для Академии коммунистического воспитания. Основные задачи по ее развитию определялись партийно-советским руководством Академии, а также Коминтерном и КИМом. Их решения во второй половине 1920-х гг. стали чаще публиковаться и обсуждаться на страницах многотиражки АКВ. В газете АКВ под рубрикой «Культурная революция и задачи Академии» так формулировалась цель отношений с иностранными прогрессивными организациями и трудящимися: «Путем связи с зарубежным революционным учительством наши достижения в коммунистическом воспитании делать достоянием педагогической заграницы»¹⁸. В материалах, опубликованных в газете «Акавист» за 8 октября 1928 г. в рубрике «Переключка Ленинского молодняка», содержались дополнения к содержанию интернациональной деятельности коллектива Академии. Они заключались в том, чтобы способствовать интернациональным связям и обмену опытом между ячейками КИМа в развитие решений V конгресса Коммунистического интернационала молодежи. В том же номере газеты в рубрике «Наркоминдел в АКВ» отмечалось, что надо использовать переписку с учителями, моряками, жителями стран Западной Европы, чтобы «рассказать об СССР, о новой педагогике, чтобы опровергнуть лживые сведения» о жизни в Советском Союзе. В качестве примера приводились письменные зарубежные контакты и обращения, как, например, от «Шведской и Чехословацкой комсомолии»¹⁹. В дальнейшем газета АКВ регулярно размещала на своих страницах послания из заграничных стран, которые публиковались в специальных рубриках. Кроме текстовых сообщений газета «Акавист» стала представлять фотосвидетельства растущего внима-

---

¹⁸ Акавист. 1928. 24 апреля.

¹⁹ Акавист. 1928. 8 октября.

ния иностранной молодежи к СССР и солидарности с ним. Так, в номере за 23 февраля 1929 г. в рубрике «За рубежом» было размещено фото «Rot front» с подписью под ним: «Молодые фронтовики всегда готовы встать на защиту Советского Союза». В газете появился и постоянный обозреватель, подписывавшийся «Ожгибесов», который освещал и комментировал интернациональные связи и контакты студентов Академии с жителями иностранных государств. В одной из его заметок под рубрикой «О связи АКВ с границей» обращалось внимание на то, что задача интернационального воспитания «еще не поставлена во всю ширь»²⁰. В качестве предложения Ожгибесов выдвинул целую программу оживления интернационального воспитания в Академии. Предлагалось создать иностранный отдел и выделить для его руководства представителя от управления АКВ, а также организовать при отделе педагогическую, детскую, общественно-политическую секции. Созданные же секции, по мнению Ожгибесова, должны работать при соответствующих кабинетах с активным участием комсомола, эсперантистов и МОПРа. Каждая из предложенных секций должна наладить соответствующую связь с заграничным революционным учительством, организовать интернациональную работу советских школ, а общественно-политическая секция при парткабинете должна руководить всей связью с революционными рабочими организациями за границы.

Вспомогательным каналом развития международных связей Академии являлась ячейка эсперантистов. Она так же, как и МОПР, налаживала и поддерживала важные зарубежные контакты АКВ. 8 октября 1928 г. в газете сообщалось об организованной эсперантистами встрече с делегатами Профинтерна. Во время этой встречи, как отмечалось в газете, были разоблачены ложные сведения об СССР. В ячейку эсперантистов нередко приходили письма от зарубежных друзей СССР. Так, 4 ноября 1929 г. газета «Акавист» разместила приветственное письмо из германского города Эссен, поступившее в ячейку эсперантистов. В нем содержалось поздравление с праздником Октября и заверения в солидарности с Коминтерном и СССР. Однако и эсперантисты ощущали недостаток внимания к себе со стороны руководства АКВ, что негативно сказывалось на организации и осуществлении международных контактов студентов Академии и их интернациональном воспитании. В номере газеты «Акавист» за 4 января 1930 г. газеты имелась небольшая заметка Ожгибесова под названием «Требуем руководства интернациональной связью». В ней отмечалось, что в течение двух лет ячейка эсперанти-

---

²⁰ Ожгибесов. О связи АКВ с границей // Акавист.1929. 8 апреля.

стов требует от бюро ВКП (б) и правления Академии организовать руководство зарубежными связями и не может этого добиться. В результате оказались прерваны контакты с представителями 9 стран, а за этим может последовать разрыв отношений с адресатами еще 4 государств.

8 марта 1930 г. Ожгибесов своей очередной публикацией вновь обратил внимание на то, что интернациональную работу в АКВ продвигают всего 6-7 эсперантистов, 10-11 бригадников комсомольцев и два мопроста. Обеспечить такими силами полноценную международную деятельность Академии невозможно. Ссылаясь на мнение ее рядовых участников, автор заметки в очередной раз предлагал улучшить организацию всей работы по интернациональному воспитанию студентов, в том числе создать для нее бригады добровольцев-эсперантистов. А в номере за 23 мая 1930 г. той же теме была посвящена заметка Н. Розенталя «Состояние эсперработы в Академии». В ней отмечалось, что полгода работа в этой области не проводилась, переписка с границей прекратилась, так как 7 человек ячейки эсперантистов, являясь студентами 3-го курса, загруженные учебными занятиями, не в состоянии ее продолжать. При этом Н. Розенталь указывал, что положение с подобными ячейками и их работой в других вузах Москвы гораздо лучше.

В результате отсутствия должного руководства в организации международных связей и проведении работы по интернациональному воспитанию студентов Академии ответственность за ее выполнение ложилась на рядовых участников ячеек МОПР и эсперанто. В очередной раз об этом свидетельствовали факты и материалы, содержащиеся в публикации «Массовая работа в АКВ», размещенной в номере газеты «Акавист» за 3 ноября 1930 г. Между тем, оценивая очередной грядущий выпуск студентов Академии коммунистического воспитания, редакция газеты выразила пожелание, чтобы Академия стала «в полном смысле слова интернациональной»²¹.

Все отмеченные тенденции в деле интернационального воспитания будущих организаторов народного просвещения и педагогов, проявившиеся во второй половине 1920-х гг., в полной мере подтверждаются на примере 2-го МГУ, учрежденного в 1918 г. В 1921 г. во 2-м МГУ был организован педагогический факультет, а в июне 1926 г. вышел первый номер газеты «За Лениным» как орган партийной, комсомольской и профсоюзной ячеек университета. На страницах газеты стали размещаться материалы, посвященные борьбе трудящихся Западной Европы за свои права. Студентов университета,

---

²¹ Акавист. 1930. 30 декабря.

в целях оказания им помощи и поддержки, призывали вступать в МОПР и выплачивать взносы. «Для нас МОПР — не благотворительная организация, которой занимаются скучающие бездельники. Для нас МОПР — международная пролетарская солидарность за мировой Октябрь», — отмечалось в одной из заметок²².

После XV съезда ВКП (б) воспитательная работа во 2-м МГУ активизировалась. В ноябре 1928 г. в университете начала действовать ячейка МОПР, планировавшая с помощью слушателей курсов иностранных языков укреплять интернациональные связи²³. Весной 1929 г. в ячейке состояли 1800 человек из числа студентов, преподавателей и сотрудников университета, которые не только участвовали в массовых политических кампаниях, посвященных зарубежным революционным событиям, но и собрали вместе с членскими взносами 850 руб., направив их в райком МОПРа²⁴. На общем собрании студентов, рабочих и служащих 2-го МГУ, состоявшемся 30 апреля 1929 г., было принято решение всем студентам и сотрудникам вуза вступить в МОПР²⁵.

Таким образом, вся воспитательная работа, включая интернациональное воспитание, во 2-м МГУ к концу 1920-х гг. серьезно активизировалась. Однако ей по-прежнему не хватало организованности, регулярности и системности. На одну из возможных причин этих недостатков указал в своей обзорной статье, опубликованной в газете «За Лениным», ректор 2-го МГУ А.П. Пинкевич: «Почти все десять лет жизни вуза прошли под знаком искания лучших форм учебной работы»²⁶. Действительно, на протяжении всех 1920-х гг. в центре внимания руководителей советской высшей школы оставались именно вопросы обучения, оттесняя тем самым на задний план постановку воспитательной работы.

Кроме того, в конце 1920-х гг. вся страна жила планами социалистической индустриализации, досрочным их выполнением, организацией социалистического соревнования. Это проявилось и в деятельности Московского индустриально-педагогического института имени К. Либкнехта, учрежденного в 1923 г. Как отмечал ректор МИПИ Н. Барбашев, даже спустя пять лет со дня учреждения института, учебный процесс «требует уточнения, углубления и более гибкого приспособления целевой установки к запросам профтехниче-

---

²² За Лениным. 1927. 12 февраля.

²³ За Лениным. 1928. 19 декабря.

²⁴ За Лениным. 1929. 29 марта.

²⁵ За Лениным. 1929. 30 апреля.

²⁶ Пинкевич А.П. Путь второго университета после Октября // За Лениным. 1927. 7 ноября.

ской школы различных отраслей промышленности и транспорта»²⁷. При этом было понимание, что в деятельность вуза «надо внести элемент воспитательной работы», вовлекать студентов в такие организации, как МОПР. Однако, анализируя деятельность партийной и комсомолорганизации вуза, их руководители отмечали низкий уровень интернациональной работы, которая сводилась, как правило, к организации редких встреч и переписки с немецкой молодежью²⁸. Но «никаких признаков существования в институте» ячейки МОПР не обнаруживалось и в конце 1930 г.²⁹

Важное место в подготовке и воспитании будущих учителей занимал Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена. Он был основан в 1918 г. в Петрограде как Третий педагогический институт. Со 2-м МГУ его объединяла личность выдающегося отечественного общественного деятеля, ученого и педагога Альберта Петровича Пинкевича. Он был создателем и первым ректором Третьего педагогического института в Петрограде, а с 1926 г. стал руководителем 2-го МГУ. Во второй половине 1920-х гг. ЛГПИ имени А.И. Герцена представлял собой вуз, объединивший все до сих пор существовавшие в Ленинграде средние и высшие педагогические учебные заведения.

В первом номере газеты «Педвузовец», вышедшем в ноябре 1927 г., была помещена статья ректора института Б.А. Фингерта, озаглавленная «Советское школьное строительство и задачи нашего вуза». Б.А. Фингерт главное внимание сосредоточил на необходимости дальнейшего совершенствования учебного процесса и профессиональной подготовки советского учителя. Вопросы интернационального воспитания в статье не поднимались³⁰.

Однако постепенно внимание к проблемам поддержки мирового революционного движения, как и к воспитанию интернациональной солидарности с трудящимися зарубежных стран, стало возрастать. Так, например, в заметке Зорева, опубликованной в первом номере газеты, был выражен призыв организовать кружок эсперанто для связи с заграничными рабочими. А из публикации Я. Сигаловского «Растем и крепнем», размещенной в декабрьском номере «Педвузовца» за 1927 г., можно узнать, что ячейка МОПРа была создана в институте в 1925 г. и уже активно действовала. В ячейке состояло 1500 человек, которые участвовали в 10 факультетских подразделениях

---

²⁷ Либкнехтовец. 1928. 26 октября.

²⁸ Либкнехтовец. 1930. 20 марта.

²⁹ Либкнехтовец. 1930. 9 декабря.

³⁰ Фингерт Б.А. Советское школьное строительство и задачи нашего вуза // Педвузовец. 1927. 20 ноября.

института и рабфака. С декабря 1926 г. ячейка МОПРа провела два своих общих собрания, на которых выступили с докладами политэмигранты. Кружок МОПРа окончили 24 человека. В течение года ячейка смогла собрать 1839 руб., включая членские взносы и доходы от распространения мопровской литературы. В будущем ячейка планировала продолжить вербовку новых членов, проведение вечеров и поиск новых источников пополнения денежного фонда МОПРа³¹. К увеличению численности ячейки МОПРа, расширению сфер ее деятельности призывали ее руководители Е. Хенкин, Шипова-Дубровина, считая, что всё это представляет собой «большое интернациональное воспитание»³².

Постепенно к задачам по количественному росту членов МОПРа, активизации ее деятельности стали добавляться новые цели и установки. Так, в заметке Я. Сигаловского «Новое в работе МОПРа» было подчеркнуто, что «задачи МОПРа заключаются не только в том, чтобы оказывать материальную помощь революционерам, заключенным в тюрьмы капиталистических стран, но и в защите главной базы мировой революции — СССР»³³. Указанные изменения были, безусловно, связаны с переходом СССР к самостоятельному развернутому строительству социализма и необходимости популяризации этого курса на международной арене.

Юбилейные даты и события становились поводом для обсуждения всех проблем интернациональных связей и воспитания в ЛГПИ. 18 марта 1928 г. в номере «Педвузовца» от имени бюро МОПРа была помещена заметка, посвященная 57-й годовщине Парижской Коммуны. В ней содержался призыв крепить единство борцов за дело мировой революции. Однако наряду с традиционными задачами в статье обращалось особое внимание на растущую опасность радикализации антиреволюционных сил в некоторых странах мира, появления новых «Тьеров и Галифэ». Указанные изменения, действительно, грозили распространением профашистских настроений не только в официальной политике западных стран, но и в общественном сознании их населения.

Тем самым, новая ситуация, складывавшаяся как внутри СССР, так и в его международном окружении, требовала серьезных корректив в определении интернационализма и постановке интернационального воспитания, ориентации не только на пролетариат, но и на широкие круги трудящихся в капиталистических государствах.

---

³¹ Сигаловский Я. Растем и крепнем // Педвузовец. 1927. 12 декабря.

³² Педвузовец. 1928. 18 марта.

³³ Сигаловский Я. Новое в работе МОПРа // Педвузовец. 1928. 7 ноября.

Меняющиеся условия диктовали необходимость владения иностранными языками и большего внимания к их изучению.

Именно на это было нацелено решение ЦК ВКП (б) о необходимости изучения советской молодежью, и прежде всего комсомольцами, иностранных языков. Его поддержал VIII съезд ВЛКСМ. Взятый курс дополнительно способствовал работе по интернациональному воспитанию студенчества. Ссылаясь на партийно-комсомольские решения, редакция газеты «Педвузовец» подчеркивала, что изучение иностранных языков является обязанностью каждого комсомольца как борца мировой революции³⁴. Объявленный в начале 1930 г. в ЛГПИ по инициативе бюро ВЛКСМ смотр изучения и преподавания иностранных языков призван был, в том числе, определить, «насколько они помогают в деле интернационального воспитания»³⁵.

Новая трактовка интернационализма, интернационального долга, приведшая к корректировке цели и содержания интернационального воспитания, продолжала утверждаться и пропагандироваться. Так, в 1929 г. по случаю 10-летия основания КИМа редакция газеты «Педвузовец» еще раз подчеркнула, что Комсомол СССР как основной отряд КИМа будет проводить юбилей «под лозунгами еще большего участия в деле социалистического строительства, укрепления классовой боеспособности своих рядов, усиленного наступления на капиталистические элементы города и деревни, укрепления обороноспособности страны, выполняя этим самым свой интернациональный долг»³⁶. При этом высказывалось пожелание, чтобы усилившаяся в юбилейные дни интернациональная работа не стала очередной временной кампанией, а превратилась в систематическую коллективную деятельность. Партийно-комсомольский актив института выражал обеспокоенность тем, что «систематическая интернационально-воспитательная работа является самым отсталым участком» деятельности комсомольской организации ЛГПИ и призывал «к 10-летию КИМа добиться решительного перелома» на данном направлении³⁷.

Не оставалась в стороне от воспитательной работы и ячейка МОПРа. Укрепляя свои позиции в общественной жизни ЛГПИ, она одновременно расширяла возможности вневузовской практической деятельности студентов по пропаганде идей интернациональной солидарности трудящихся во всем мире. Так, весной 1930 г. по иници-

---

³⁴ Педвузовец. 1929. 1 мая.

³⁵ Педвузовец. 1930. 21 февраля. № 17-18.

³⁶ Педвузовец. 1929. 28 ноября.

³⁷ Козюченко. Интернациональную работу — на практические рельсы // Педвузовец. 1929. 28 ноября.

циативе коллектива МОПР ЛГПИ были организованы мопровские ударные бригады на заводе имени Марти³⁸. По решению читательской конференции редакции многотиражки ЛГПИ было поручено лучше освещать на своих страницах подобную работу³⁹. В итоге, вузовская газета стала чаще помещать под рубриками «Голос из-за рубежа», «Студенчество за советским рубежом» публикации, посвященные вопросам зарубежной системы образования, жизни и борьбы трудящихся стран за свои права в условиях мирового экономического кризиса. Появился и постоянный обозреватель международных событий, Виктор ВИФ. В одной из своих корреспонденций он, знакомя педвузовцев с положением в зарубежных странах, призывал их активнее включаться в переписку с иностранными трудящимися, став, таким образом, «полпредом» советского общества: «Дети пролетарской революции рождены для борьбы за мировой Октябрь»⁴⁰. Одновременно стали регулярно освещаться публичные выступления, митинги в поддержку демократического движения в зарубежных странах, заявления преподавательского и студенческого коллектива ЛГПИ о солидарности с иностранными трудящимися. При этом отмечалось единство целей их борьбы за свои права и социалистического строительства, развернувшегося в СССР. На митинге в поддержку бастующих берлинских металлистов была принята резолюция с характерным выводом: «Помните, что наша борьба за пятилетку и ваша борьба против германских капиталистов есть звенья одной и той же цепи борьбы за мировую пролетарскую революцию»⁴¹.

Важным стимулом для укрепления связей с зарубежными представителями коммунистического движения являлись также их визиты в Советский Союз и встречи с советским студенчеством. Так, например, в январе 1930 г. в клубе ЛГПИ имени А.И. Герцена радушно приветствовали делегацию немецких комсомольцев из Гамбурга и шведского коммуниста Зодерберга. Участники торжественного собрания приняли решение о сборе средств в фонд газеты французских коммунистов «Юманите», создании при ЛГПИ интернационального кабинета, о вызове 2-го МГУ на соцсоревнование по проведению интернациональной работы. Вскоре рабфаковцы при пединституте заявили об отчислении каждым из них по одному рублю из месячной стипендии для помощи «Юманите» и призвали всех студентов ЛГПИ последовать их примеру⁴².

---

³⁸ Педвузовец. 1930. 29 апреля. № 22.

³⁹ За большевистские кадры. 1930. 14 мая.

⁴⁰ За большевистские кадры. 1930. 31 мая.

⁴¹ За большевистские кадры. 1930. 25 октября.

⁴² Педвузовец. 1930. 13 января. № 16.

Спад в мировом революционном движении, начавшийся еще в 1920-е гг., привел к тому, что обсуждение вопросов интернационального сплочения всех трудящихся перестал быть первоочередным и насущным. В начале 1930-х гг. эти проблемы перешли в перечень тем для обсуждения и проработки в кружках. «Кризис капитализма, мировое рабочее движение и задачи Коминтерна» следовало разобрать на одном из занятий подобного кружка для изучения решений XVI съезда ВКП (б)⁴³. Ячейки МОПра стали менее активными, а в некоторых случаях даже перестали действовать. Особенно это сказалось на организации интернационального воспитания в провинциальных педагогических вузах. В частности, в заметке «О работе Исполбюро профсекции», помещенной в многотиражной газете Саратовского университета, имевшего педфак, сообщалось: «Добровольные общества — одно из больных мест. По решениям вышестоящих организаций эта работа должна вестись при факультетах, но ее не видно за исключением ОСО и МОПра на медфаке»⁴⁴.

Между тем под влиянием кризиса 1929 г., который охватил все капиталистические страны, начался новый подъем рабочего движения. В газете «За пролетарские кадры» все чаще стали публиковаться обращения от трудящихся Западной Европы с информацией об их борьбе за свои права. «Тюрьма нас не сломит» — так было озаглавлено письмо политических заключенных из польского города Радома, адресованное вузовской ячейке МОПра⁴⁵. Такие обращения вызывали ответную реакцию, которая выражалась как в солидарных посланиях, митингах, так и в сборе денег в помощь борющимся за свои права иностранным трудящимся и студентам. Например, осенью 1930 г. между студентами разных отделений педфака было объявлено соревнование по сбору денег в пользу бастующих металлистов Германии⁴⁶. В дальнейшем подобная денежная помощь оказывалась революционерам Испании в ответ на воззвание испанской секции МОПра⁴⁷. Установление фашистской диктатуры в Германии, Италии, гражданская война в Испании истолковывались как свидетельства системного кризиса в западных странах, который ведет к подъему новой революционной волны и завершится всеобщей социалистической революцией⁴⁸. Однако внимание к вопросам интернациональной солидарности с участниками революционного

---

⁴³ За пролетарские кадры. 1930. 16 сентября. № 10.

⁴⁴ За пролетарские кадры. 1930. 16 октября. № 12-13.

⁴⁵ За пролетарские кадры. 1930. 20 ноября. № 15.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ За научные кадры. 1934. 13 декабря. № 3.

⁴⁸ За пролетарские кадры. 1930. 7 ноября.

и антифашистского движения в западных странах по-прежнему не было постоянным, носило характер спорадический и усиливалось в связи с международными революционными датами или праздниками. «Добиться нормальной работы МОПРа» было поручено в наказе новому составу профкома Саратовского университета в октябре 1937 г.⁴⁹

Особенности в организации интернационального воспитания, поддержки международной борьбы трудящихся, характерные для коллектива Саратовского педагогического вуза, в полной мере проявились и в жизни Иркутского педагогического института. В заметке «Ячейка МОПРа не работает», помещенной в газете Иркутского пединститута «За большевистские педкадры» в ноябре 1931 г., отмечалось, что данная организация «фактически числится только на бумаге, нет плана работы и неизвестно количество членов МОПРа. Руководства со стороны комсомольской и профсоюзной организации нет»⁵⁰.

Неизвестный автор заметки обратил внимание не только на отсутствие работы ячейки МОПРа, но и определил основное содержание данной работы: собирать средства, используя при этом методы соревнования и ударничества. Можно предположить, что в массовом сознании сложилось представление о главной задаче МОПРа как о консолидации денежных средств для поддержки иностранных трудящихся в их борьбе за свои права. В этом убеждает и еще одна заметка — «К ответственности срывающих интернациональное воспитание». Отмечая, что «интернациональное воспитание в институте на должную высоту не поставлено», автор публикации конкретизирует свой вывод так: «Интернациональный гривенник за 1931 г. до сего времени еще не собран, ячейки к этому делу относятся халатно. Работы ячейки МОПРа нет»⁵¹. В качестве меры для активизации интернационального воспитания в заметке предлагалось «укомплектовать работниками» как интернациональный сектор институтского бюро ВЛКСМ, так и бюро ячейки МОПР. В дальнейшем в разделе «Хроника» сообщалось о сборе средств в «фонд помощи героям австрийских баррикад» преподавателями, студентами, техническими сотрудниками Иркутского пединститута⁵². О подобных акциях сообщалось в бюллетенях МОПРа.

На основании решений XVII конференции ВКП (б) в феврале 1932 г., а также постановления Уральского обкома ВКП (б) по Перм-

⁴⁹ За научные кадры. 1937. 7 октября. № 32.

⁵⁰ За большевистские педкадры. 1931. 11 ноября. № 11.

⁵¹ За большевистские педкадры. 1932. 31 января. № 2.

⁵² За большевистские педкадры. 1934. 8 апреля. № 3.

скому педагогическому институту и государственному университету началась активная перестройка всей внутренней учебной, научной и воспитательной работы в этих вузах. В первом номере их многотиражной газеты «Красный педагог» были размещены заметки о положении студентов в Германии в условиях ее фашизации и о расовой дискриминации негритянского населения США⁵³. Опубликованные материалы стали основанием для призыва: «Поголовным вступлением и активной работой в МОПРе усилим интернациональную связь и помощь узникам капитала». Между тем, как отмечалось в публикации Ф. Коновалова, «коллективная связь Пермского студенчества с зарубежной молодежью на сегодняшний день совершенно отсутствует»⁵⁴. По мнению этого автора, «СССР, отечество мирового пролетариата — маяк революционного рабочего движения! Необходимо наладить обмен опытом — помочь иностранному студенту и рабочему в их борьбе»⁵⁵. Однако для того, чтобы добровольные общества, включая МОПР, выполнили поставленные задачи, их необходимо было вывести из «полуразваленного состояния»⁵⁶. Директор Пермского педагогического института А. Козырев в своей статье «Боевые вопросы культурной революции на грани двух пятилеток» призывал к тому, чтобы в каждом студенте воспитывать «сознание ответственности за мировую пролетарскую революцию, сознание своей роли как бойца за социализм в предстоящих классовых битвах на международной арене»⁵⁷. Тем не менее, информация о деятельности ячейки МОПРа педагогического института в его многотиражке помещалась очень редко⁵⁸. Процесс успешного строительства социализма в СССР рассматривался в качестве главного проявления интернационального долга перед мировым рабочим движением и залога победы во втором туре пролетарской революции⁵⁹.

Таким образом проводилась идея о том, что главная интернациональная задача и долг каждого советского человека заключался во всемерном участии в построении социализма в СССР, пропаганде его достижений и успехов. Подобные установки на всемерную пропаганду советских достижений в деле построения общества социальной справедливости традиционно звучали в связи с празднованием

---

⁵³ Красный педагог. 1932. 9 марта. № 1.

⁵⁴ Красный педагог. 1932. 18 марта. № 2.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Красный педагог. 1932. 1 мая. № 5.

⁵⁷ Красный педагог. 1932. 7 ноября. № 19.

⁵⁸ За большевистские педкадры. 1933. 11 мая. № 11; За большевистские педкадры. 1934. 22 января. № 1.

⁵⁹ За большевистские педкадры. 1934. 2 февраля. № 2.

революционных дат и юбилеев таких международных коммунистических организаций и движений, как Коминтерн, КИМ, МЮД и другие. Дополнением к проведению такой политики воспитания интернациональной солидарности оставалась материальная помощь участникам забастовочного движения во всем мире, борцам с нацизмом и милитаризмом, прежде всего в Германии, Испании, Китае, которая оказывалась по линии МОПР. В разделе о воспитательной работе отчета Пермского пединститута за 1936–1937 гг. сообщалось, что «на призыв помочь испанским женщинам и детям студенты выделили из своих средств 4400 р.»⁶⁰. Кроме сбора материальной помощи, как отмечалось в отчете, для студентов пединститута была организована разъяснительная работа о событиях в Испании, включая лекцию «Революция в Испании»⁶¹. В рубрике «За рубежом», которая появилась в многотиражке пединститута в летнем номере за 1935 г., стали освещаться случаи внешней агрессии капиталистических стран по всему миру, требующие оперативной реакции и помощи жертвам милитаризма.

Под влиянием информации о росте международной напряженности и необходимости поддержки антифашистского и антивоенного движения трудящихся в пединституте ячейка МОПРа активизировалась. В мартовском номере вузовской многотиражки за 1936 г. была размещена большая публикация под заголовком «Мопровская организация института», в которой отмечался быстрый рост как численности членов самой организации в институте, так и ее реальной деятельности. «...Митинги, посвященные обращению китайской секции МОПР, казнь германского мопрактивиста г. Рудольфа Клауса заострили перед студенчеством вопрос об их сознательном участии в интернациональной работе. Интернациональные ответные письма, посланные литфакком и истфакком, их предварительное обсуждение на курсах в еще большей степени укрепили интернациональную работу. Политико-массовая работа за этот период выразилась в проработке на курсах интернациональных писем, полученных от политзаключенных, ознакомлении с жизнью и деятельностью вождей мирового коммунистического движения: Клары Цеткин, Эрнеста Тельмана, Вильгельма Пика.

В результате усиления интернациональной воспитательной работы повысилась классовая сознательность студенчества. На сегодня наши результаты сводятся к следующим показателям: членов МОПР студентов 1125 чел., курсантов членов — 68 чел., технического пер-

---

⁶⁰ ГАПК. Ф. Р-420. Оп. 1. Д.39. Л. 26 об.

⁶¹ Там же. Л. 27.

сонала — 20 чел. Финсмета 1935 г. выполнена на 160 проц, Финсмета первого квартала 1936 г. выполнена на 150 проц. ...»⁶².

Перемены в организации и осуществлении интернационального воспитания в условиях роста международной напряженности и надежд на новую волну мировой социалистической революции проявились и в жизни Казанского педагогического института. В первом номере его многотиражной газеты «За педагогические кадры» были опубликованы короткие отчеты профоргов первого курса физико-математического и литературного факультетов об отчислении денежных сумм в помощь женщинам и детям Испании и о взятом обязательстве ежемесячно отчислять однопроцентный взнос от стипендии. В 1936 г. руководитель вузовской ячейки МОПРа обратил внимание на недостатки в работе организации: «В институте имеется организация МОПРа, где насчитывается около 500 членов, но работы там никакой не ведется. Профком, назначив меня руководителем организации, никакой помощи не оказал. Назначенные мною собрания членов МОПРа всегда срывались. На некоторых старших курсах не имеется ни одного члена МОПРа. Также неудовлетворительно обстоит дело со сбором членских взносов»⁶³.

Таким образом, со второй половины 1920-х гг. в условиях спада мирового революционного движения и перехода к самостоятельному строительству социализма в СССР международный аспект в деле интернационального воспитания студентов педагогических вузов РСФСР начал терять свою актуальность. Он все чаще стал сводиться к сбору средств в пользу трудящихся западных стран, борющихся за свои социально-экономические и политические права. МОПР постепенно превращалась в некий канал финансовой помощи зарубежным революционным движениям и организациям, призванным пропагандировать советский опыт в построении социализма и сдерживать милитаристские силы от агрессии против Советского Союза.

Однако тяжелые последствия экономического кризиса 1929 г., приведшего к резкому падению уровня жизни трудящихся западных стран, породили новый подъем протестного движения, возрождая надежды на вторую волну мировой революции. В то же время Советский Союз демонстрировал успешное решение задач социалистической реконструкции. Пропаганда советских достижений могла стимулировать трудящихся западных стран к активизации их справедливой борьбы. В результате стало изменяться толкование сути

---

⁶² За большевистские педкадры. 1936. 21 марта. № 6.

⁶³ За педагогические кадры. 1936. 27 октября. № 2.

интернационального долга советских людей, включая вузовскую молодежь. К середине 1930-х гг. она трактовалась как распространение информации о Советском Союзе — родине социализма. В задачи интернационального воспитания входило объединение студенческой молодежи для установления тесных связей с западными антикапиталистическими движениями и организациями путем переписки и систематического знакомства их с социалистическими переменами в СССР. Формирование образа страны победившего социализма как оплота всех сил, борющихся за социальную справедливость, политическое и национальное равноправие, в конце 1930-х гг. становилось главным интернациональным долгом всей советской студенческой молодежи. Основным же проявлением интернациональной солидарности с зарубежными революционными движениями и организациями провозглашалось активное ударное участие в социалистическом строительстве в СССР.

References

Poltorak S.N. *Leninskaya kontseptsiya mirovoy sotsialisticheskoy revolyutsii i Oktyabr' 1917 g.* [Lenin's Concept of World Socialist Revolution and October 1917] // *Mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya "Russkaya revolyutsiya 1917 g.: problemy istorii i istoriografii". Sbornik dokladov* [Interuniversity Scientific Conference "Russian Revolution of 1917: Issues of History and Historiography". Collection of Reports]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGETU "LETI", 2013. P. 75–81.

Poltorak S.N. *Mirovaya revolyutsiya v kontekste russkogo etnopsikhologicheskogo arkheta* [World Revolution in the Context of the Russian Ethnopsychological Archetype] // *Klio*. 1998. N 1. P. 36–42.

Poltorak S.N. *Vliyaniye Pervoy mirovoy voyny na formirovaniye leninskoy kontseptsii mirovoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Influence of the World War I on the Formation of Lenin's Concept of World Socialist Revolution] // *Klio*. 2023. N 5 (197). P. 13–19.

Поступила в редакцию
4 марта 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-123-142

А.Е. Кузьмичева

**«МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С ВЕСЬМА ОПРЕДЕЛЕННЫМ
ПОВОРОТОМ В ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ»:
РЕАКЦИЯ СССР НА «НОВЫЙ КУРС» ВАРШАВЫ
В СВЕТЕ ВИЗИТА Ю. БЕКА В МОСКВУ В 1934 г.**

A.E. Kuzmicheva

**“WE ARE DEALING WITH A VERY DEFINITE TURN
IN POLISH POLICY”: THE USSR’S REACTION
TO WARSAW’S “NEW TRACK” IN THE LIGHT
OF J. BECK’S VISIT TO MOSCOW IN 1934**

Аннотация. В феврале 1934 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек совершил свою первую (и последнюю) поездку в Москву. Несмотря на то, что визит проходил на фоне тревожных новостей о заключении польско-германской декларации о неприменении силы и, вследствие этого, был призван успокоить подозрения советской стороны и создать дружественную атмосферу, приезд польского министра в Москву фактически не привнес ничего нового в польско-советские отношения. Итогом переговоров Бека с главой НКВД М.М. Литвиновым стали достаточно скромные результаты — возведение дипломатических представительств в ранг посольств и протокол, продлевающий срок действия польско-советского пакта о ненападении от 1932 г. на 10 лет. Таким образом, несмотря на внешне благоприятный исход, польский министр иностранных дел не привез конкретных предложений, и

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kuzmicheva Anastasiia, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of the History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

aekuzmicheva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0304-5154

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00461 ««Воображаемые регионы» между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00461 “‘Imaginary Regions’ between the Two World Wars: Problems of Construction and Governance”).

визит не разрешил ключевых вопросов. Бек не поддержал советские инициативы по совместной декларации, направленной на защиту прибалтийских государств, что стало одним из показателей реальных намерений Варшавы. Польша избегала углубления политического сотрудничества с СССР, сосредоточив свое внимание на выстраивании отношений с Германией. Советское руководство, убедившись в этом, пришло к выводу о невозможности сближения с Польшей и приступило к постепенному сворачиванию диалога с Варшавой, ограничив его сферой культурных контактов. Если же оценивать визит с точки зрения декларируемой Варшавой «политики балансирования», то он показал, что о ней можно говорить только применительно к непродолжительному, трехнедельному периоду между польско-германской декларацией 26 января 1934 г. и отъездом Ю. Бека из Москвы вечером 15 февраля того же года. Визит Бека стал свидетельством того, что улучшение отношений с СССР было лишь временной тактической мерой. В результате во второй половине 1930-х гг. отношения между Польшей и СССР начали ухудшаться, несмотря на официально декларируемое «потепление».

Ключевые слова: польско-советские отношения, политика равноудаленности, польско-германские отношения, дипломатия межвоенного периода, международные отношения в 1930-е гг., Ю. Пилсудский, Ю. Бек.

Abstract. In February 1934, the Polish Foreign Minister J. Beck made his first and only visit to Moscow. The visit took place in the context of the German-Polish declaration of non-aggression, with the intention of allaying Soviet concerns and fostering a friendly atmosphere. However, the visit did not result in any substantial advancements in Polish-Soviet relations. The negotiations conducted by Beck with the head of the People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID), M.M. Litvinov, yielded only modest outcomes. These were the elevation of diplomatic missions to the rank of embassies and an extension of the term of the Polish-Soviet non-aggression pact of 1932 for a period of 10 years. Consequently, despite an outwardly favourable outcome, the Polish foreign minister did not present specific proposals, and the visit did not resolve key issues. Beck's approach was not aligned with Soviet initiatives for a joint declaration aimed at safeguarding the Baltic states, a clear indicator of Warsaw's true intentions. Poland's foreign policy was oriented towards fostering relations with Germany, while the Soviet leadership, having reached this conclusion, deemed the prospect of rapprochement with Poland to be unfeasible. Therefore, the Soviet Union initiated a systematic reduction in its political dialogue with Warsaw, confining it to the domain of cultural interactions. When evaluated from the perspective of Warsaw's declared "policy of equilibrium", it is evident that this policy can only be discussed in relation to the brief, three-week period between the German-Polish declaration of 26 January 1934 and Beck's departure from Moscow in the evening of 15 February of the same year. The visit of J. Beck was indicative of the fact that the improvement of relations with the USSR was merely a transient tactical manoeuvre. Consequently, in the latter half of the 1930s, relations between Poland and the USSR began to deteriorate, despite the officially declared "warming" in relations.

Keywords: Polish-Soviet relations, policy of equilibrium, Polish-German relations, interwar diplomacy, international relations in the 1930s, J. Piłsudski, J. Beck.

В 1934 г. дипломатический год начался 26 января с шокирующей новости о заключении польско-германской декларации о неприменении силы. По сути, польско-германская декларация ознаменовала собой не только поворотный этап во всей внешней политике Варшавы. В СССР были обеспокоены развитием ситуации: 28 января советский полпред в Польше В.А. Антонов-Овсенко писал в Москву члену коллегии НКВД Б.С. Стомонякову о том, что благодаря декларации Германии удалось прорвать цепь окружения «на польском звене» и выйти из изоляции, а Польша «волей-неволей втягивается в русло ... германской политики». В этой связи Антонов-Овсенко рекомендовал НКВД «бороться за сохранение в Польше позиций, за их укрепление и расширение»¹. Предстоящий в феврале визит в советскую столицу польского министра иностранных дел Ю. Бека являл собой прекрасную возможность для извлечения политических дивидендов на польско-советском направлении.

Вопреки нередко встречающемуся в историографии мнению, решение о поездке Юзефа Бека в СССР не было принято спонтанно под влиянием негативного отношения Москвы к польско-германской декларации и желания польского правительства его нивелировать. Еще 19 декабря 1933 г. в беседе с польским посланником Ю. Лукасевичем М.М. Литвинов пригласил Бека в Москву для обсуждения совместной декларации в отношении стран Прибалтики. Литвинов также напомнил Ю. Лукасевичу о своем и Г.В. Чичерина визитах в Варшаву, которые до настоящего момента оставались без ответа². 24 декабря в шифротелеграмме польскому посольству в СССР Лукасевич попросил уведомить Литвинова, что Бек «с удовольствием принял» его приглашение посетить Москву для последующего обсуждения декларации³.

Ю. Бек хотел, чтобы запланированный визит состоялся в период между подписанием декларации и обменом ратификационными грамотами с Германией, так как тогда он смог бы «в значительной степени успокоить советские подозрения, согласившись продлить действие пакта о ненападении на 10 лет». Какими же средствами располагал Бек, чтобы достигнуть поставленной задачи? В первую очередь он планировал предложить советской стороне продлить действие пакта о ненападении от 25 июля 1932 г. (заключенного на

¹ Письмо полпреда СССР в Польше В.А. Антонова-Овсенко члену коллегии НКВД Б.С. Стомонякову от 28.01.1934 № 37. // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов. В 4 т. Т. 3: 1932–1939 гг. М., 2017. С. 195–199.

² Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. XVI. М., 1970. С. 755.

³ *Polskie dokumenty dyplomatyczne* (далее — PDD). Rok 1933. Warszawa, 2015. S. 845.

3 года) еще на 10 лет, т.е., до 31 декабря 1945 г.⁴ Во-вторых, Бек намеревался преобразовать полномочные представительства в двух столицах в посольства. Это в полной мере совпадало с аспирациями советского посланника В.А. Антонова-Овсенко⁵. По указанию Ю. Пилсудского, визит Бека в Москву должен был пройти под «лозунгом» создания свободной или даже дружественной атмосферы, но при этом с соблюдением высшей степени осторожности, чтобы не оказаться втянутыми «на скользкую дорожку политического сотрудничества с Советами»⁶.

26 января 1934 г., в день подписания польско-германской декларации, И.В. Сталин выступал с отчетным докладом на XVII съезде ВКП (б). Отмечая успехи внешней политики СССР, советский лидер отдельно остановился на «переломе к лучшему» в отношениях между Советским Союзом и Польшей. Вместе с тем он предостерег от того, чтобы рассматривать наметившейся процесс сближения между двумя странами как прочный и стабильный, так как ему препятствуют «неожиданности и зигзаги» политики Польши, «где антисоветские настроения еще сильны»⁷. Польский посланник в Москве Ю. Лукаевич, приводя текст выступления Сталина со своими комментариями, писал Ю. Беку 30 января о «болезненной неуверенности» СССР по отношению к Польше и о его опасениях относительно создания антисоветского блока под эгидой Германии⁸ (в котором Польша, естественно, принимала бы активное участие). В этот же день Бек встретился с советским полпредом Антоновым-Овсенко и попросил объяснений в связи с речью Сталина⁹.

Ситуацию усугубило опубликованное 31 января на первой полосе газеты «Известия» послание XVII съезду ВКП (б) от ЦК КП Польши, в котором говорилось, что огромные массы «трудящихся

---

⁴ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926–1939. Warszawa; Kraków, 2015. S. 101.

⁵ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 3. С. 199. Однако в ходе московских переговоров с М.М. Литвиновым Бек не озвучил кандидатуру В.А. Антонова-Овсенко как возможного претендента на пост посла, поэтому уже в апреле 1934 г. его сменил Я.Х. Давтян. По мнению С. Забелло, Беку не нравилось его излишнее «кумовство» с французским послом Ж. Ларошем (*Zabiello S. W kręgu historii. Warszawa, 1970. S. 143*). По воспоминаниям супруги Бека Ядвиги, не только она, но и все иностранцы в Варшаве не питали к Антонову-Овсенко симпатии, воспринимая его как «одного из убийц царской семьи» (*Beck J. Kiedy byłam Ekscelencją. Warszawa, 1990. S. 26*). В настоящее время сведений о причастности В.А. Антонова-Овсенко к расстрелу царской семьи нет. Вероятно, Я. Бек путала его с полпредом СССР в Польше в 1924–1927 гг. П.Л. Войковым.

⁶ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej. S. 101.

⁷ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. Москва, 1951. С. 301.

⁸ PDD. Rok 1934. Warszawa, 2014. S. 71.

⁹ Ibid. S. 72.

крестьян и угнетенных народов Польши» с «любовью и восхищением» смотрят на достижения Советского Союза и черпают из них силы «в борьбе за польский Октябрь». Авторы послания отмечали «бешеную ненависть» польской буржуазии по отношению к Советскому Союзу и разоблачали «двурушнические “мирные” маневры фашистской диктатуры» Польши, указывая на ее попытки хотя бы временно преодолеть польско-германские противоречия «за счет СССР, при помощи закулисных переговоров и пактов»¹⁰. На последней странице этого же номера «Известий» были помещены сообщения о польско-германской декларации (советская пресса называла ее «соглашением») в оценках печати разных стран. Латвийская пресса обсуждала декларацию с явным беспокойством, рассматривая ее как создающее особую угрозу Литве и констатируя опасность, таящуюся для Прибалтики в польско-германской декларации¹¹.

Варшавская газета «Роботник» (орган Польской социалистической партии) отмечала, что после выхода Германии из Лиги наций и разрыва с Конференцией по разоружению Франция вновь стала ее главным противником, желающим окружить ее и сдержать. И вот, благодаря польско-германской декларации, гитлеровский режим сумел добиться своей цели — отдалить Польшу от Франции и «прорвать цепь на польском звене». В заключение «Роботник» проводил параллель с ситуацией, сложившейся в польском обществе накануне разделов в XVIII в., — ведь «польская общественность мало интересуется вопросами внешней политики, оставляя их дипломатии!»¹² Вторая официальная газета СССР, «Правда», в последние дни января также опубликовала несколько статей под кричащими заголовками: «Франция недовольна польско-германским соглашением», «Тревога в Латвии», «Вооружения Польши» и «Польско-германское соглашение увеличило беспокойство в Европе»¹³.

Польская сторона восприняла эти факты, существенно испортившие атмосферу накануне визита Бека, с явным раздражением и неодобрением, однако попыталась воспользоваться ими для достижения собственных целей. 1 февраля польский посланник Ю. Лукаевич, отправившийся за разъяснениями к М.М. Литвинову, «заговорил в агрессивном тоне» о недовольстве, вызванном в Польше заявлением Сталина и нападками советской прессы. Как настаивал Лукаевич, до этого момента польская сторона была уверена в том, что между двумя странами установилась атмосфера полного дове-

---

¹⁰ Известия. 31.01.1934.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Правда. 30.01.1934; 31.01.1934.

рия. Доказательством этого мог служить хотя бы тот факт, что Литвинов был первым министром иностранных дел, извещенным Польшей о переговорах с Германией. Лукасевич подчеркнул, что лично он в сложившихся обстоятельствах сомневался о целесообразности поездки Бека, «которая была задумана в совершенно другой обстановке — обстановке доверия». Кроме того, польский посланник выразил свое скептическое отношение к вероятности заключения декларации по Прибалтике¹⁴. Руководитель советского внешнеполитического ведомства возразил на это, что, по его глубокому убеждению, в отношениях между Польшей и СССР не произошло ничего экстраординарного, что могло бы негативно сказаться на предстоящем визите Бека. Литвинов лишь напомнил, что все «прежние мирные предложения Польше наталкивались на препятствия и затруднения». В случае с декларацией по Прибалтике, частично инициированной самим Беком, советская сторона рассчитывала на полное взаимопонимание, однако и тут она натолкнулась «на оттяжки, которое не совсем были нам понятны»¹⁵. Лукасевич полагал, что цель выступления Сталина и нападок в советской прессе заключалась в оказании давления на Польшу, «чтобы добиться приезда министра (Бека. — А.К.) на определенных условиях и подписания Декларации». Как считал польский посланник, Москва рассматривала декларацию по Прибалтике как действенную проверку взаимоотношений Польши с Германией, а также искренности польской политики по отношению к СССР. В этой связи декларации придавалось очень большое значение¹⁶. Однако, как представляется, польская сторона с самого начала не была склонна пойти на заключение декларации по Прибалтике, поэтому с радостью использовала сложившуюся конъюнктуру для того, чтобы в конечном счете торпедировать этот проект¹⁷. Уже

---

¹⁴ Выдержки из дневника главы НКВД М.М. Литвинова о приеме польского посланника Ю. Лукасевича (01.02.1934) // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 3. С. 203.

¹⁵ Там же. С. 204.

¹⁶ PDD. Rok 1934. S. 81.

¹⁷ Советский проект декларации о сохранении независимости прибалтийских государств заслуживает отдельного исследования. В рамках же данной статьи обратим внимание лишь на несколько важных аспектов. Во-первых, на момент появления идеи декларации (декабрь 1933 г.) у Польши не было дипломатических отношений с Литвой, таким образом, Варшава могла действовать только через посредничество Москвы и никак не могла гарантировать независимость Литвы. Во-вторых, 27 декабря посланник Польши в Финляндии Ф. Харват сообщил польскому МИД о том, что финское правительство единогласно отклонило возможность присоединения своей страны к декларации по Прибалтике, так как она «стопроцентно защищена от всех стран за исключением СССР» (PDD. Rok 1933. S. 851) Латвия и Литва (как представляется, Каунас надеялся разрешить с помощью Москвы конфликт с Польшей) выразили предварительное согласие, Эстония ответа не дала

через несколько дней, 4 февраля, в письме полпреду СССР в Польше В. Антонову-Овсеенко член коллегии НКВД Б. Стомоняков сообщил об отказе Польши от декларации по Прибалтике и охарактеризовал этот шаг как свидетельствующий о «далекоидущем характере польско-германского сближения»¹⁸. Он отметил крайнюю степень беспокойства, «нечто вроде паники», которую вызвала в Латвии, Литве и Эстонии польско-германская декларация, и предрек усиление этих настроений, когда в трех странах станет известно об отказе Польши гарантировать их независимость. Вскоре, 28 марта, Литвинов обратиться к Германии с предложением заключить декларацию по Прибалтике, но всё также безрезультатно¹⁹. Таким образом, попытки СССР выстроить сотрудничество по линии Москва–Варшава–Берлин провалились²⁰.

В Варшаве также прекрасно понимали, что за московской поездкой Бека будут пристально следить в Берлине. В письме от 6 февраля 1934 г. по поручению Бека директор кабинета министра иностранных дел Р. Дембицкий инструктировал посла в Германии Ю. Липского в отношении линии его поведения в свете предстоящего визита. Дембицкий рекомендовал в политических разговорах подчеркивать, что поездка является в первую очередь ответным действием на официальный визит Чичерина в 1925 г. (отсутствие ответа на который вызывало недоумение советской стороны), а также полуофициальное пребывание Литвинова в Варшаве в 1932 г. Дембицкий также сообщал Липскому о планируемом содержании московских переговоров, которое сводилось к следующему: «1) Балтийская декларация полностью неактуальна, 2) Никаких соглашений или переговоров, даже косвенно антинемецких, не состоится». Как полагал Дембицкий, оптимальной стратегией в разговорах с немцами являлась бы

(PDD. Rok 1934. S. 846). Таким образом, МИД Польши с самого начала понимал невозможность и невыгодность для себя реализации советского проекта, однако спекулировал этой идеей для создания атмосферы дружелюбия и сближения.

¹⁸ Письмо члена коллегии НКВД Б.С. Стомонякова полпреду СССР в Польше В.А. Антонову-Овсеенко от 04.02.1934 № 9547 // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 3. С. 204.

¹⁹ ДВП СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 214–215.

²⁰ Подробнее о проблеме декларации по Прибалтике см.: *Gregorowicz S. Sprawa deklaracji bałtyckiej na tle polityki Polski wobec Niemiec i Związku Sowieckiego na przełomie lat 1933/34 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na Wychodźstwie.* Warszawa, 1994; *Gregorowicz S., Zacharias M. J. Polska — Związek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925–1939.* Warszawa, 1995; *Ken O. Collective security of isolation? Soviet foreign policy and Poland, 1930–1935.* St. Petersburg, 1996; *Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939.* Warszawa, 1994; *Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925–1934.* Warszawa, 1976; *Wolos M. Francja — ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932.* Toruń, 2004; *Zacharias M. J. Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936.* Warszawa, 1981.

констатация необходимости для Польши установить модус-вивенди с СССР, однако не может быть и речи о каком-либо советском влиянии на польскую позицию²¹. Согласно полученной инструкции, уже 7 февраля на приеме для глав дипломатических миссий у президента П. фон Гинденбурга Ю. Липский проинформировал К. фон Нейрата о предстоящем визите и его планируемых целях и содержаниях²². Действия поляков на опережение оправдали себя, так как вечером того же дня немецкое правительственное агентство опубликовало новость о поездке министра Бека в Москву, и посол Липский радовался, что успел предупредить фон Нейрата и избежать подозрений.

Эта поездка Бека стала первым (и последним) официальным визитом польского министра иностранных дел в СССР. Основной своей целью сам Ю. Бек считал убеждение советских руководителей в том, что польско-советский договор и польско-немецкая декларация по своей природе не противоречат друг другу, так как «улучшение наших отношений с Россией и Германией всегда означало невозможность поставить нашу политику в зависимость от любого из этих опасных партнеров»²³.

12 февраля в 7 часов утра с Восточного вокзала Варшавы чета Беков отправилась в Москву в сопровождении Р. Дембицкого и исполняющего функции секретаря С. Балинского (ни один из трех штатных секретарей МИД не знал русского языка, поэтому Бек выбрал Балинского, в то время референта по балтийским делам). Вместе с Бекон в Москву также поехал советский полпред В.А. Антонов-Овсеенко с супругой. Министра иностранных дел провожали министр коммуникации М. Буткевич, начальник Главного штаба генерал Я. Гонсёровский, директор Восточного отдела МИД Т. Шатцель вместе со своими сотрудниками, а также представители советского посольства в Варшаве и журналисты. По пути у Бека было две остановки — на советской пограничной станции Негорелое (где вокзал был украшен польскими и советскими флагами, стоял почетный караул из пограничников, а Бека от имени НКВД и М.М. Литвинова приветствовал генеральный секретарь НКВД СССР И.А. Дивильковский и от имени БССР — уполномоченный НКВД СССР при правительстве Белорусской ССР Я.С. Ильинский) и на вокзале в Минске, куда прибыли для приветствия представители Советской Беларуси во главе с председателем Совета народных комиссаров БССР Н.М. Голодедом²⁴.

---

²¹ Diariusz i teki Jana Szembeka (далее — DTJS). Т. I. Londyn, 1964. S. 137–138.

²² DTJS. Т. I. S. 139–140.

²³ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926–1939. S. 100–101.

²⁴ Słowo. 13.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256377> (дата обращения 01.05.2024).

13 февраля на Белорусско-Балтийском вокзале Москвы, также украшенном польскими и советскими флагами, Ю. Бека встречали М.М. Литвинов с супругой, его заместитель Н.Н. Крестинский, член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков, зав. протокольным отделом Д.Т. Флоринский, зав. 1-м западным отделом НКВД Л.Э. Березов, председатель Мособлисполкома Г.Н. Каминский, заместитель председателя Московского совета Т.С. Хвесин, командующий московским военным округом А.И. Корк, начальник отдела внешних сношений РВС СССР В.В. Смагин, а также другие ответственные сотрудники НКВД, весь состав польской миссии, возглавляемый посланником Ю. Лукасевичем, представители польской колонии в СССР и многочисленные журналисты²⁵. На перроне был выстроен почетный караул, а оркестр исполнил польский гимн и «Интернационал». По всей видимости, советские дипломаты были осведомлены о болезненно чувствительном отношении Бека к протокольным вопросам, и старались с первых минут показать польскому министру иностранных дел значимость всего происходящего²⁶.

Советская сторона, тщательно придерживаясь дипломатического протокола по приему высокопоставленных гостей, постаралась сделать визит польской делегации максимально пышным и плодотворным, подготовив на все три дня пребывания Бека насыщенную программу. Перечислим лишь кратко, что ожидало польского министра и его свиту. 13 февраля, в день приезда, Бек утром встретился с председателем СНК СССР В.М. Молотовым и М.М. Литвиновым, последнего он посетил также днем и имел с ним продолжительную беседу; вечером наркоминдел устроил прием в честь Бека, на котором оба главы внешнеполитических ведомств выступили с торжественными речами. 14 февраля Бек присутствовал на завтраке у В.М. Молотова, в 13:00 польский министр в сопровождении Ю. Лукасевича и зав. протокольным отделом НКВД Д.Т. Флоринского прибыл в Кремль, где в здании рабоче-крестьянского правительства (Сенатский дворец) встретился с председателем ЦИК СССР М.И. Калининым (на приеме также присутствовали А.С. Енукидзе и М.М. Литвинов). После встречи Бек со своей свитой и высокопоставленными сотрудниками НКВД отправился в Центральный дом Красной армии, где оркестр исполнил польский гимн и «Интернационал», а гости ознакомились с му-

---

²⁵ Известия. 14.02.1934.

²⁶ В сентябре 1933 г. во время визита Бека в Париж на вокзале его встречали лишь второстепенные сотрудники французского МИД. В следующем году, когда в апреле 1934 г. французский министр иностранных дел Л. Барту посещал с официальным визитом польскую столицу, Бек в точности повторил протокол встречи, которую ему оказали в Париже, демонстративно не приехав встречать французского коллегу.

зеем и научным кабинетом ЦДКА. Вечером Лукасевич дал в польской миссии торжественный прием. Последний день пребывания польского министра в Москве, 15 февраля, начался с осмотра Оружейной палаты и Кремлевского дворца (которые в то время показывали только самым высоким гостям), после этого в 16:30 в Моссовете состоялся прием, на котором присутствовал Ю. Бек, М.М. Литвинов, Ю. Лукасевич, В.А. Антонов-Овсеенко, члены президиума Моссовета и ответственные сотрудники НКВД. Председатель Моссовета Н.А. Булганин и Ю. Бек обменялись речами. Вечером в польской миссии была устроена пресс-конференция, на которой Ю. Бек с уверенностью заявил, что «польско-советские отношения находятся в состоянии систематического и методического улучшения», которому способствует личный контакт, установленный между ним и Литвиновым²⁷. После этого Юзеф Бек с супругой по приглашению М.М. Литвинова отправился в Большой театр (в программе были две оперы — «Князь Игорь» и «Садко» и балет «Дон Кихот»). Перед началом спектакля был также исполнен польский гимн и «Интернационал», а в конце публика устроила пятиминутную овацию в честь польского министра иностранных дел. В 23:00 польская делегация отправилась обратно в Варшаву. От имени советского правительства до границы Бека провожал зав. протокольным отделом Д.Т. Флоринский (хотя с ними также ехал советский посланник В.А. Антонов-Овсеенко, поэтому этот жест был совсем не обязателен).

Вместе с Беком в Москву также прибыли и польские журналисты — вице-директор ПАТ М. Обарский, редактор агентства «Искра» Бестерман и специальный корреспондент польской газеты «Экспресс поранны» В. Сыручек, для которых редакция газеты «Известия» и ответственный руководитель ТАСС Я.Г. Долецкий подготовили ряд торжественных завтраков (на которых кроме польских гостей присутствовали главный редактор «Известий» И.М. Гронский, заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) К.Б. Радек, заведующий Отделом печати и информации НКВД СССР К.А. Уманский и другие советские журналисты), ужинов и приемов, с трудом уместившихся в три дня.

Стоит отметить, что несмотря на плотный график, Ю. Бек каждый день имел продолжительные беседы с М.М. Литвиновым. О содержании этих разговоров нам пока известно только по записям бесед, опубликованных в Документах внешней политики СССР²⁸ и по воспоминаниям самого Бека. Как представляется, польские документы также имеются, но пока они не были опубликова-

²⁷ Beck J. Przemówienia, deklaracji, wywiady. Warszawa, 1939. S. 104.

²⁸ ДВП СССР. Т. XVII. С. 131–140.

ны²⁹. В ходе разговоров 13–15 февраля Бек выразил скептицизм в отношении способности Лиги наций разрешать международные вопросы и отметил, что в подобной ситуации Польша видит для себя единственный выход в двусторонних соглашениях. Бек с гордостью подчеркнул, что польско-германская декларация стала результатом возросшего международного престижа Польши, так как «Германия убедилась, что Польша не является маленьким сезонным государством»³⁰ и теперь с ней надо считаться. Литвинов категорически не согласился с утверждением Бека об исчезновении «прусского духа» в Германии и расценивал пацифистскую фразеологию Гитлера лишь как временный тактический маневр, позволяющий немцам обратить свои «захватнические взоры в другую сторону». Польский министр иностранных дел, со своей стороны, придерживался мнения, что, если он сам мог обеспечить безопасность своей стране на сегодняшний день, то этого было вполне достаточно, и он не видел опасности войны в Европе. Бек также старался убедить своего советского коллегу в прочном и длительном характере польско-советского сближения, и если раньше оно было вызвано, по его выражению, «интересами дня и конъюнктурой», то теперь оно было чуть ли не константой внешней политики Польши. Для подтверждения своих слов Бек согласился с предложением Литвинова продлить срок действия польско-советского пакта на 10 лет, а также сам выступил с инициативой повышения уровня дипломатических миссий до посольств. 15 февраля Литвинов передал на согласование Беку и Лукасевичу проект текста совместного коммюнике, который после незначительных правок польской стороны был утвержден (например, советский вариант «обмен мнениями ... выявил общность взглядов по множеству проблем и вопросов» поляки заменили «множеству» на «многим из»). На следующий день на первой полосе газеты «Известия» было опубликовано сообщение о пребывании в Москве польского министра иностранных дел и о достигнутых результатах³¹.

Анализируя итоги разговоров с Бекком, Литвинов сделал вывод о невозможности польско-советского сотрудничества в отношении Германии, так как, по мнению советского наркома иностранных дел, Варшава теперь считала себя обеспеченной со стороны Германии (при этом, он не исключал и возможности наличия секретного польско-германского соглашения, если не на данный момент, то в будущем). Упомянув предыдущие сведения, которые поступали из

---

²⁹ Kornat M., Wołos M. Józef Beck: biografia. Kraków, 2020. S. 308.

³⁰ ДВП СССР. Т. XVII. С. 132.

³¹ Известия. 16.02.1934.

разговоров К. Радека с представителями польского истеблишмента³², Литвинов отмечал «серьезный поворот в ориентации политики Польши»³³. Как он полагал, свою «новую ориентацию» Польша будет «маскировать поддержанием внешне хороших ... или даже улучшением» отношений с СССР. М. Литвинов рассматривал эту «маскировку» как полезную и для Москвы, так как в будущем она затруднит польскому правительству переход на враждебные СССР рельсы.

В своих мемуарах Бек отвел московскому визиту совсем немного места. С гордостью он подчеркивал, что был первым европейским министром, прибывшим в СССР с официальным визитом, и что по этому случаю впервые в советской столице прозвучал гимн Польши. Комментируя политические переговоры с Литвиновым, Бек охарактеризовал их как долгие, очень общие и не принесшие каких-либо новых элементов в польско-советские отношения. С очевидной иронией Бек описывал усилия советской стороны по организации визита и протокольных мероприятий. Он отмечал, что большевики «подражали» великолепию царских приемов, однако у него это вызвало крайне неприятное впечатление на контрасте с видимой везде нищетой населения³⁴. Справедливости ради стоит отметить, что на сопровождавшую его супругу Ядвигу московский визит произвел более позитивное впечатление: в своих воспоминаниях она описывала его как самый запоминающийся из всех официальных визитов мужа и отмечала, что на приемах забывали о дипломатическом протоколе, «смеялись громко, настрой сердечный, беззаботный», а жены советских номенклатурных работников надарили ей несколько чемоданов подарков³⁵.

Советская печать пристально следила за ходом визита Ю. Бека. В день приезда польского министра иностранных дел газета «Правда» на первой полосе разместила приветственную статью, в которой отмечалось, что «укрепление польско-советских отношений за последние два года нанесло серьезный удар по провокационным пла-

---

³² Например, 30 апреля 1933 г. в Москву прибыл со специальной миссией (очевидно, санкционированной самим Пилсудским) главный редактор «Газеты Польской» полковник Б. Медзинский. Перед ним была поставлена задача установить неформальные контакты с советскими политическими кругами. По понятным причинам больше всего он контактировал с К. Радеком и в разговоре с ним 4 мая прямо сказал, что, так как в скором времени он должен будет вернуться в Варшаву, то «проявление дипломатической сдержанности противоречит цели ... визита, которая заключалась в поиске кратчайшего пути через поля дипломатии», и что сам Пилсудский стремится к улучшению польско-советских отношений (*Miedziński B. Droga do Moskwy // Kultura. Paryż. 1963. № 6/188. S. 84*).

³³ ДВП СССР. Т. XVII. С. 139.

³⁴ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926–1939. S. 100–102.

³⁵ Beck J. Kiedy byłam Eksceleńcją. S. 21–27.

нам ... авантюристских элементов», желающих перекроить карту Европы (по всей видимости, под «авантюристскими элементами» подразумевалась Германия), и что именно Бек был «одним из тех польских государственных деятелей ... кто понял выгодность добрососедских отношений с Советским Союзом для Польши» и сыграл «крупную роль» в установлении и развитии этих отношений³⁶. На следующий день и «Правда», и «Известия» поместили на первых полосах фотографию Бека и Литвинова на Белорусско-Балтийском вокзале, а также тексты речей советского и польского глав внешнеполитических ведомств на приеме в честь последнего³⁷. В течение всего периода пребывания Бека в Москве оба официальные советские издания ежедневно освещали на передовицах каждый шаг польского министра. Из этого можно сделать очевидный вывод: советская сторона придавала приезду Бека колоссальное значение и, по всей видимости, ожидала от него чего-то большего, чем получила в итоге. Кроме того, можно также предположить, что Кремль стремился посеять на Вильгельмштрассе зерна сомнений в своем новоиспеченном польском партнере.

Особое значение, которое придавали в Москве визиту Бека, заметили и сопровождавшие его польские журналисты. В обширном материале о первом дне пребывания польского министра в советской столице, помещенном на первой полосе газеты «Экспресс поранны» (специальный корреспондент которой приехал вместе с Бекком), отмечался чрезвычайно сердечный и пышный прием, оказанный польскому министру³⁸. На поляков произвели немалое впечатление почетный караул на перроне и многочисленная официальная делегация встречающих высокопоставленных лиц. А известный правый польский публицист С. Стронский в газете ««Курьер Варшавски» даже написал о возможности заключения тройного польско-франко-советского военного и политического союза, направленного на сохранение мира в Европе, в том числе и против посягательств Германии³⁹. Агентство «Искра» в специальной телеграмме из Москвы подчеркивало, что уже с момента прибытия на вокзал можно было заметить, что советское правительство стремится придать визиту министра Бека и его супруги исключительно торжественный характер⁴⁰. Польские газеты, такие

---

³⁶ Правда. 13.02.1934.

³⁷ Правда. 14.02.1934; Известия. 14.02.1934.

³⁸ Express Poranny. 14.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/564558/display/Default> (дата обращения 01.05.2024).

³⁹ Kurjer Warszawski. 14.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/211790/display/Default> (дата обращения 05.05.2024).

⁴⁰ Известия. 15.02.1934.

как «Час»⁴¹, «Курьер поранны»⁴², «Слово»⁴³ и «Курьер Варшавски»⁴⁴, также пристально следили за ходом поездки Бека и каждый день рассказывали своим читателям о ней. Однако публикуемая информация не отличалась разнообразием и в основном представляла собой, помимо описания торжественной встречи на вокзале, тексты речей Ю. Бека и М.М. Литвинова на приеме, интервью Бека ТАСС, предложение Бека повысить ранг миссий до уровня посольств и рассказы об общей дружественной атмосфере, в которой проходил визит.

Интересным представляется также вопрос, почему Ю. Бек не встречался со Сталиным. Первый секретарь польского посольства в Москве С. Забелло, имевший непосредственное отношение к организации и подготовке визита польского министра иностранных дел, посоветовавшись с коллегами в Варшаве, выяснил возможность организации такой встречи. На тот момент Сталин еще не принимал иностранных политиков, что формально оправдывалось тем, что он не занимал никакой государственной должности и был лишь главой правящей коммунистической партии⁴⁵. В условиях конфиденциальности Забелло обратился к сотруднику центрального аппарата НКВД Л.Я. Гайкису с вопросом о возможной встрече. Как полагал Гайкис, заместитель директора I Европейского департамента и фактический управляющий польскими делами, «решающий

---

⁴¹ Czas. 14.02.1934. — URL: <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=51412&from=publication> (дата обращения 05.05.2024); Czas. 15.02.1934. — URL: <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=51413&from=publication> (дата обращения 05.5.2024); Czas. 16.02.1934. — URL: <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=51416&from=publication> (дата обращения 05.05.2024).

⁴² Kurjer Poranny. 14.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/120166/display/Default> (дата обращения 05.05.2024); Kurjer Poranny. 15.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/120165/display/Default> (дата обращения 05.04.2024); Kurjer Poranny. 16.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/120164/display/Default> (дата обращения 05.05.2024).

⁴³ Słowo. 13.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256377> (дата обращения 05.05.2024); Słowo. 14.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256378> (дата обращения 05.05.2024); Słowo. 15.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256379> (дата обращения 05.03.2024); Słowo. 16.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256380> (дата обращения 05.03.2024).

⁴⁴ Kurjer Warszawski. 14.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/211790/display/Default> (дата обращения 05.03.2024); Kurjer Warszawski. 15.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/211789/display/Default> (дата обращения 05.03.2024).

⁴⁵ Однако были и исключения. Первым дипломатическим представителем, принятым Сталиным, стал Лорд хранитель тайной печати Э. Иден в марте 1935 г. В этом же году, в мае, Сталин встречался с французским министром иностранных дел П. Лавалем. Также уже упомянутый выше Б. Медзинский писал о том, что К. Радек в 1933 г. предлагал ему встречу с «Иосифом Виссарионовичем», но так как Медзинский не имел на этот счет инструкций Пилсудского, то он отказался (см.: *Miedziński B. Op. cit. S. 86*).

фактор” (Сталин. — А.К.) не привык принимать куртуазные визиты иностранных государственных деятелей, зато если бы министр Бек привозил какое-то конкретное, важное и интересное предложение, было бы проще организовать его встречу со Сталиным в Кремле»⁴⁶. Забелло точно не знал, едет ли польский министр иностранных дел в Москву с какими-либо предложениями, поэтому сообщил об этом разговоре Лукасевичу. Лукасевич в частном письме уведомил Т. Шатцеля о возможности организации встречи Бека со Сталиным, однако реакции Варшавы больше не последовало. Как отмечает в своих воспоминаниях Забелло, для польской миссии и советского НКВД это явилось «достаточным показателем того, что приезд польского министра иностранных дел в Москву фактически не принесет ничего нового в польско-советские отношения»⁴⁷.

Как представляется, польский министр иностранных дел имел не совсем верное представление о внутреннем положении в СССР и не оценивал Сталина как эффективного политика, с которым необходимо разговаривать — уже в следующем 1935 г. в разговоре со своим заместителем Я. Шембеком и Ю. Лукасевичем он признался, что «не очень понимает фигуру Сталина и не вполне осознает, является ли он выдающейся политической личностью»⁴⁸. Тем не менее, по мнению ряда исследователей, в 1932 г. решение о заключении договора с Польшей принадлежало лично Сталину и шло вразрез с мнением руководителей советской дипломатии⁴⁹. Так, например, в переписке с Л.М. Кагановичем в 1931 г. Сталин охарактеризовал заключение польско-советского договора как «дело ... почти решающее (на ближайшие 2-3 года) вопрос о мире», правда, высказывал при этом опасение, что Литвинов «сведет его к пустышке». В этой связи он просил Политбюро взять этот вопрос под специальное наблюдение и «довести его до конца всеми допустимыми мерами»⁵⁰. Интенсивная переписка Сталина с Кагановичем в конце лета — начале осени 1931 г. показывает высокую степень заинтересованности и достаточную осведомленность советского лидера в польских делах⁵¹. Таким образом, с определенной долей уверенности можно сказать, что нежелание

---

⁴⁶ *Zabiello S.* Op. cit. S. 143.

⁴⁷ *Odpowiedzenie w stosunkach polsko-sowieckich na przełomie 1933/1934 r. oraz wizyta Józefa Becka w Moskwie w świetle pamiętników Stanisława Zabielly / Oprac. T. Serwatka // Czasopismo Zakładu Narodowego Imienia Ossolińskich.* 2000. T. 11. S. 197–198.

⁴⁸ *DTJS.* T. 1. S. 319.

⁴⁹ См. например: *Friszke A., Kornat M., Stemplowski R.* Dwie epoki: O celach w polskiej polityce zagranicznej 1918–1939 i 1989–2015. Warszawa, 2020. S. 50.

⁵⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 70.

⁵¹ Там же. С. 76, 77–79, 82, 83–86, 88–89, 93–96, 107.

Ю. Бека встретиться со Сталиным было тактической (если не намеренной) ошибкой в польской внешнеполитической стратегии. Или же польский министр иностранных дел опасался, что политически искушенный Сталин, не получив конкретных предложений, сразу же раскусит его игру «в сближение»?

19 февраля М.М. Литвинов, в свете предстоящего визита министра иностранных дел Франции Л. Барту в Варшаву, отправил полпреду СССР во Франции В.С. Довгалеvскому запись беседы с Ю. Беком и также подчеркнул невозможность сотрудничества с Польшей перед лицом германской угрозы, при этом отметив, что «мы имеем дело с весьма определенным поворотом в политике Польши, и значение этого поворота станет яснее, если вспомнить те неофициальные переговоры, которые несколько месяцев тому назад велись с Польшей, когда Польша соглашалась на сотрудничество с нами даже без Франции»⁵². При встрече с Барту Литвинов рекомендовал Довгалеvскому рассказать ему о переговорах, которые СССР вел с его предшественником Ж. Поль-Бонкуром и о выдвинутых последним предложениях⁵³, а также обратить его внимание на тот факт, что «заключение польско-германского соглашения и заявление, сделанное мне Беком, заставляют нас сомневаться в возможности вовлечения Польши в ту общую акцию, которую имел в виду Поль-Бонкур»⁵⁴. В этой связи руководитель НКВД надеялся, что Л. Барту в рамках своего варшавского визита прощупает отношение Польши к совместным действиям против Германии⁵⁵.

В этот же день, 19 февраля, член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков также обратился к Довгалеvскому с просьбой инспирировать «в какой-нибудь французской газете ... сообщение о том, что Бек по приезде в Москву окончательно отклонил советское предложение о совместном выступлении СССР и Польши по вопросу об укреплении независимости Прибалтийских государств»⁵⁶. Учитывая, что «за

⁵² Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 05. Оп. 14. Д. 94. П. 101. Л. 8.

⁵³ По всей видимости, речь идет о плане Поль-Бонкура по созданию советско-французского блока (с возможным привлечением Польши) для противодействия эвентуальной агрессии Германии. Выход Германии из Лиги наций в октябре 1933 г. и последующий разрыв с Конференцией по разоружению требовал от Франции поиска срочного ответа, что получило отражение в проекте советско-французского пакта о взаимопомощи (подробнее см.: *Вершинин А.А.* Неудавшийся союз: военно-политическое сотрудничество СССР и Франции накануне Второй мировой войны (1930–1939 гг.). СПб., 2024. С. 172–177).

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. Д. 94. П. 101. Л. 8.

⁵⁵ Подробнее о визите Л. Барту в Варшаву см.: *Кузьмичева А.Е.* Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г // *Славянский альманах*. 2016. № 1–2. С. 126–135.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. Д. 94. П. 101. Л. 10.

месяц до этого Польша отнеслась благоприятно к этому предложению», Стомоняков делал вывод о несомненной связи этого решения с подписанием польско-германской декларации и, соответственно, изменением направления внешнеполитического вектора Варшавы.

Бесплодность политических результатов визита Бека в Москву внешне была прикрыта скорее формальными признаками дружеских отношений, такими как возведение дипломатических представительств в ранг посольств и протокол, продлевающий срок действия пакта о ненападении на 10 лет⁵⁷. Это было последнее важное польско-советское соглашение межвоенного периода, не считая торгового договора, заключенного уже 19 февраля 1939 г. Московские переговоры не смогли создать атмосферу взаимного доверия, как планировал Пилсудский. По меткому замечанию М. Каминьского и М. Захариаса, обсуждая международную безопасность, стороны «говорили на разных языках»⁵⁸. Отсутствие какой-либо положительной динамики понимали и сами поляки: резюмируя итоги визита Бека, Лукасевич отметил, что переговоры не дали возможности выработки общих взглядов на европейскую ситуацию. Бек лишь предлагал заверения, что Польша не вела и не будет вести никакой подрывной сепаратистской работы на Украине, что не означало полного отказа от идеи прометеизма⁵⁹. Однако правда заключалась в том, что на территории Советской Украины Польша фактически и не вела украинско-националистическую работу, так как у нее для этого не было реальных возможностей. Поэтому советская сторона восприняла это как пустой жест.

В конечном итоге визит Бека в Москву, во время которого он был поражен овацией, устроенной ему публикой в Большом театре (вероятно, люди видели в его присутствии символ предотвращения угрозы, о которой годами писали в советской прессе), стал завершающим актом короткого, продлившегося всего лишь один

---

⁵⁷ Однако, несмотря на красивый жест и громкие заверения польского правительства в дружественных намерениях, процедура продления пакта затянулась на всю весну 1934 г. В некоторые моменты в СССР даже подозревали, что Польша не собирается ничего продлевать. Так, например, 26 марта М.М. Литвинов написал И.В. Сталину, что Польша «хочет сохранить за собой возможность денонсировать пакт в 35 году» (срок действия пакта с Польшей истекал 23 декабря 1935 г. и мог быть денонсирован за 6 месяцев до этого). (Письмо главы НКВД М.М. Литвинова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину от 26.03.1934 № 4066/л. // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 3. С. 225). После длительных обсуждений протокол был подписан М.М. Литвиновым и Ю. Лукасевичем 5 мая 1934 г. и ратифицирован 15 июня 1934 г. Полный текст протокола см. в: ДВП СССР. Т. XVII. С. 315–317.

⁵⁸ *Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej, 1918–1939. Warszawa, 1998. S. 149.*

⁵⁹ *Odręczenie w stosunkach polsko-sowieckich... S. 200.*

год, периода «потепления в польско-советских отношениях»⁶⁰. После возвращения Бека в Варшаву эти отношения встали на паузу. Изучение ситуации в польском обществе дало НКВД основание полагать, что это связано в первую очередь с «директивой» Пилсудского «задержать дальнейшее сближение с СССР»⁶¹.

Вскоре после этого, летом 1934 г., появился проект Восточного пакта, продвигаемый совместно Францией и Советским Союзом. Польское правительство вместе с Третьим рейхом заняло решительно негативную позицию в отношении пакта. Когда осенью 1934 г. Советский Союз вступил в Лигу Наций, Польша едва могла скрыть свое недовольство. Как вспоминает С. Забелло, атмосфера в польско-советских отношениях ухудшалась с каждым месяцем. Возврат к неприкрытой враждебности был закреплен, когда посол Лукасевич покинул московский пост в середине 1936 г., решив, что для его деятельности там больше нет места⁶². В первой беседе с его преемником В. Гжибовским заместитель народного комиссара по иностранным делам В.П. Потемкин заявил, что «польско-советские отношения никогда не были такими плохими, так как позиция Польши по каждому вопросу совершенно не соответствует позиции Советского Союза»⁶³. Вплоть до сентябрьской катастрофы 1939 г. польское правительство будет официально усиленно декларировать неуклонное улучшения в отношениях с Советским Союзом, однако в реальности будут происходить совершенно обратные процессы. Уже в 1936 г. помимо отсутствия серьезного польско-советского политического сотрудничества, Варшава начнет, как охарактеризовал это советский посол в Польше Я.Х. Давтян, «поход против советского культурного влияния»: будет закрыт единственный просоветский журнал «Пшеглэнд Выходный», прессе будет дана негласная инструкция о нежелательности размещения какой-либо информации об экономике и культуре СССР, будет запрещено переводить на польский язык книги советских авторов, выставлять советские книги на витрины магазинов, публично исполнять песни на русском языке, будет прекращена выдача паспортов для поездок польских граждан в СССР⁶⁴.

---

⁶⁰ *Zabiello S.* Op. cit. S. 143.

⁶¹ Цит. по: *Кен О.Н., Рунасов А. И.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000. С. 429.

⁶² Ю. Лукасевич, руководивший польской дипломатической миссией в СССР в 1933–1936 гг., был одним из крупнейших специалистов по Советской России в МИД Польши.

⁶³ *Zabiello S.* Op. cit. S. 144.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 93. П. 121. Л. 87.

Визит Ю. Бека в Москву в феврале 1934 г. показал, что подписанная 26 января 1934 г. польско-германская декларация стала, по сути, дорожной картой для польской дипломатии и значила для Варшавы намного больше, чем она пыталась показывать. Чтобы сохранить видимость приверженности активно декларируемой политике равноудаленности, после подписания декларации с Германией Польше требовалось сделать дружественный жест в сторону СССР, чтобы не лишиться всех политических преимуществ, полученных благодаря польско-советскому договору 1932 г. Но — только жест, а не реальное наполнение польско-советских отношений новым содержанием, как того требовала международная ситуация после кардинальных изменений в Германии, произошедших с приходом к власти национал-социалистов. Советские дипломаты быстро раскусили блеф поляков и отсутствие намерений развивать отношения с СССР в политической плоскости. Правильно оценив смену политического климата в двусторонних отношениях, советский лидер И.В. Сталин после визита Бека в Москву в феврале 1934 г. покончил с политикой сближения с Польшей и отдал приказ Литвинову сворачивать диалог с Варшавой⁶⁵, но сделать это не резко, а постепенно, ограничивая их сферой культурных контактов. Если же оценивать визит с точки зрения декларируемой Варшавой политики балансирования, то он показал, что о ней можно говорить только применительно к непродолжительному, трехнедельному периоду между польско-германской декларацией 26 января 1934 г. и отъездом Ю. Бека из Москвы вечером 15 февраля того же года.

Как это лапидарно сформулировал биограф Ю. Бека О. Терлецкий, «политику балансирования можно проводить, когда обе ноги твердо стоят на твердой земле. Но как можно говорить о равновесии, если балансируешь на доске, положенной на пень?»⁶⁶.

References

Friskie A., Kornat M., Stemplowski R. *Dwie epoki: o celach w polskiej polityce zagranicznej 1918–1939 i 1989–2015* [Two Epochs: Objectives in Polish Foreign Policy 1918–1939 and 1989–2015]. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2020. 230 s.

Gregorowicz S. *Sprawa deklaracji bałtyckiej na tle polityki Polski wobec Niemiec i Związku Sowieckiego na przełomie lat 1933/34* [The Case of the Baltic Declaration against the Background of Polish Policy towards Germany and the Soviet Union in 1933/34] // *Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na Wychodźstwie* [From the

⁶⁵ Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021. S. 982.

⁶⁶ Terlecki O. Pułkownik Beck. Kraków, 1985. S. 74.

History of Polish Politics and Diplomacy. Studies Dedicated to the Memory of Edward hr. Raczynski, President of the Republic of Poland in Exile]. Warsaw: Wydawnictwo Sejmowe, 1994. S. 317–331.

Gregorowicz S., Zacharias M.J. *Polska — Związek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925–1939* [Poland — Soviet Union. Political Relations 1925–1939]. Warsaw: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1995. 230 s.

Kamiński M.K., Zacharias M.J. *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej, 1918–1939* [Foreign Policy of the Republic of Poland, 1918–1939]. Warsaw: Wydawnictwo LTW, 1998. 315 s.

Ken O. Collective Security of Isolation? Soviet Foreign Policy and Poland, 1930–1935. Saint Petersburg: Evropeiskiy dom, 1996. 328 p.

Kornat M., Wołos M. *Józef Beck: biografia* [Jozef Beck: A Biography]. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 2020. 1152 s.

Kuzmicheva A.E. *Varshava ili Moskva? Zondazhnyy vizit Louis Barthou v Pol'shu v 1934 g.* [Warsaw or Moscow? Louis Barthou's Reconnaissance Visit to Poland in 1934] // *Slavyanskiy al'manakh*. 2016. N 1–2. P. 126–135.

Leczyk M. *Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925–1934* [The Policy of the Second Polish Republic towards the USSR from 1925 through 1934]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. 379 s.

Materski W. *Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939* [The Shield of Europe. Polish-Soviet Relations 1918–1939]. Warsaw: Książka i Wiedza, 1994. 386 s.

Rak K. *Piłsudski między Stalinem a Hitlerem* [Piłsudski between Stalin and Hitler]. Warsaw: Bellona, 2021. 900 s.

Terlecki O. *Pułkownik Beck* [Colonel Beck]. Krakow: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985. 373 s.

Vershinin A.A. *Neudavshiysya soyuz: voyenno-politicheskoye sotrudnichestvo SSSR i Frantsii nakanune Vtoroy mirovoy voyny (1930–1939 gg.)* [The Failed Alliance: Military and Political Co-operation between the USSR and France on the Eve of the Second World War (1930–1939)]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2024. 796 p.

Wołos M. *Francja–ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932* [France–USSR. Political Relations 1924–1932]. Toruń: Marszałek, 2004. 674 s.

Zacharias M.J. *Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936* [Poland in the Face of the Changes in the Political Balance of Power in Europe between 1932 and 1936]. Warsaw: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. 300 s.

Поступила в редакцию
18 июня 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-143-166

А.С. Манькин, Р.А. Сетов, С.В. Соловьев

**НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»:
АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ
МИЛИТАРИЗАЦИИ КОСМОСА (1957–1963)**

A.S. Manykin, R.A. Setov, S.V. Solov'ev

**NEW DIMENSION OF THE COLD WAR:
AMERICAN MILITARY SPACE PROJECTS (1957–1963)**

Аннотация. В отечественной науке военный аспект космических проектов США в период 1957–1963 гг. ранее рассматривался довольно поверхностно. Между тем в контексте соперничества с СССР в освоении

Манькин Александр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный профессор Московского университета, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Manykin Aleksandr Serafimovich, Doctor in History; Emeritus Professor, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

modern@hist.msu.ru

ORCID: 0009-0008-2696-5245

Сетов Роман Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Setov Roman Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

setovroman@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8033-5569

Соловьев Сергей Владимирович, доктор технических наук, заведующий кафедрой управления космическими полетами факультета космических исследований МГУ имени М.В. Ломоносова

Solov'ev Sergey Vladimirovich, Doctor of Technical Sciences, Head, Department of Space Flight Management, Faculty of Space Research, Lomonosov Moscow State University

sergey.soloviev@scsc.ru

ORCID: 0000-0002-0391-8728

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш01-17 «Влияние гонки вооружений на мировую политику, научно-технический прогресс и экологию».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch01-17 “The Influence of the Arms Race on World Politics, Scientific and Technological Progress and the Environment”.

околоземного пространства масштабные военно-космические проекты США имели множество целей. Один из комплексов таких целей был ориентирован на достижение военного присутствия в космосе и, в идеале, достижение неоспоримого военного превосходства Америки в околоземном пространстве. Уже в самом начале «космической гонки» были предложены и реализованы проекты создания аппаратов для разведывательной деятельности. Одновременно разрабатывались программы новых типов космических вооружений, способных осуществлять бомбометание по территории СССР из околоземного пространства. Предложенные американскими военными и учеными проекты предполагали и начало «военного освоения» Луны. Речь шла о возможности создания искусственной среды обитания для человека и строительства на поверхности Луны (или под ней) военной базы с перспективной установки пусковых площадок для ракет с ядерными боеголовками. Эти ракеты, как тогда предполагалось, могли бы гарантировать уничтожение главного оппонента уже после начала «ядерного обмена» даже в случае, если поражению подверглась бы территория самих США. Еще одним направлением раннего этапа военно-космических исследований было создание средств для борьбы со спутниками противника. При этом не исключалось и использование ядерного оружия. В то же время в сфере военно-космических программ ставилась задача не только обеспечить, но и продемонстрировать всему миру научно-техническое первенство США в исследованиях открытого космоса. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. была очевидна прямая связь достижений в освоении околоземного пространства с восприятием в глобальном масштабе обеих супердержав как соперничающих мировых лидеров. Очевидной «победы» в гонке космических вооружений ни одна из них в рассматриваемый период не достигла, но общий вектор исследований космоса был задан именно тогда.

Ключевые слова: «космическая гонка», Министерство обороны США, лунная программа, военно-космические исследования, ракетная техника, ядерные боеголовки.

Abstract. The military aspect of the U.S. space projects between 1957 and 1963 has hitherto been the subject of only cursory consideration in the Russian scientific community. In the context of the rivalry with the USSR in the exploration of near-Earth space, large-scale U.S. military-space projects were driven by numerous objectives, one of which was to establish a military presence in space and, ideally, to achieve undisputed American military superiority in near-Earth space. From the outset of the “space race”, initiatives were devised and executed to develop vehicles for reconnaissance activities, concurrently with programs for novel space-based armaments capable of targeting the USSR from near-Earth space. Moreover, proposals by the American military and scientists indicated the commencement of “military exploration” of the Moon. These proposals encompassed the establishment of an artificial habitat for human habitation, along with the construction of a military base on the Moon’s surface (or subterranean), equipped with launch pads for missiles armed with nuclear warheads. The prevailing assumption at the time was that these missiles would ensure the destruction of the primary adversary, even in the event of the U.S. mainland being targeted, following the initiation of a nuclear exchange. A further area of early-stage

military-space research involved the development of means to combat enemy satellites, with the use of nuclear weapons being a distinct possibility. The overarching objective of military space programs was twofold: firstly, to ensure scientific and technical superiority in open space research, and secondly, to demonstrate this to the global community. A direct correlation was observed between advancements in near-Earth space exploration and the global perception of the two superpowers as rival world leaders during the late 1950s and early 1960s. It is important to note that neither of the two superpowers achieved an obvious “victory” in the space arms race during the period under consideration; however, the general vector of space exploration was set at that time.

Keywords: Space Race, U.S. Department of Defense, lunar program, military space exploration, rocket technology, nuclear warheads.

* * *

«Холодная война» была многомерным военно-политическим конфликтом Востока и Запада, а соперничество СССР и США в освоении ближнего космоса стало его интегральной частью. Вряд ли сегодня можно согласиться с авторами энциклопедии Britannica в том, что «космическая гонка» (Space Race) началась с запуска первого искусственного спутника в 1957 г. и закончилась с высадкой американских астронавтов на Луне летом 1969 г.¹

Известно, что старт исследованиям космоса в обеих странах был дан задолго до 4 октября 1957 г. Советский спутник стал, скорее, впечатляющей демонстрацией первых практических достижений космической науки. Запуски американских аппаратов в начале 1958 г. показали, что обе сверхдержавы, видимо, идут параллельным курсом и их соревнование за лидерство в космосе активно развивается. Ясно и то, что конкурентное освоение околоземного пространства, пилотируемые полеты, военно-космические разработки в США и в СССР / России никогда не прекращались.

Изначальным импульсом к ускорению научных исследований и технических разработок в отношении космоса стало военно-политическое противоборство США и СССР, начавшееся после окончания Второй мировой войны, в фокусе которого была «атомная монополия» Америки. Тогда именно воздушные средства дальней доставки ядерных зарядов стали приоритетным направлением военно-технологического развития для обеих сверхдержав. Обретение Советским Союзом своего ядерного оружия в 1949 г. и накопление около 250 боезарядов к середине 1950-х гг. не сняло проблему до-

---

¹ Encyclopedia Britannica. Space Next 50. Space Race. — URL: <https://www.britannica.com/explore/space/space-race/>; Encyclopedia Britannica. Timeline of the Space Race, 1957–1969. — URL: <https://www.britannica.com/story/timeline-of-the-space-race> (дата обращения 02.05.2024)

ставки их к цели. Позиция США в этом смысле была более выгодной, ибо тогда опиралась на геостратегическую неуязвимость Западного полушария по отношению к Европе и Азии. В СССР первыми носителями ядерных средств поражения стали бомбардировщики Дальней авиации. Неудивительно, что в это же время получили развитие ракетные программы обеих стран. В США еще не было межконтинентальных баллистических ракет (МБР), но с 1958 г. на вооружение были приняты баллистические ракеты средней дальности с ядерными боеголовками, которые угрожали Советскому Союзу с территории стран НАТО. В СССР после успешного испытания в августе 1957 г. ракеты Р-7 была создана вторая «опорная конструкция» для стратегических ядерных сил — Ракетные войска стратегического назначения. Развитие проектов в области ракетостроения касалось в первую очередь военных возможностей сверхдержав, но не только. Вполне можно поддержать высказывание Э. Эриксона о том, что «холодная война была долгосрочным соревнованием по производству мощи»² в широком смысле, а ракетные вооружения придавали этой мощи реальное наполнение в военном сегменте. К этому стоит добавить, что достижения именно в ракетной технике, тогда наиболее передовой в научно-технологическом смысле, были призваны продемонстрировать и главному оппоненту, и всему миру уровень развития науки, инженерно-технических возможностей и, тем самым, совокупную мощь государства. Более того, обладание ядерным оружием и средствами его дальней доставки способствовали распространению влияния сверхдержав, поскольку «космическая гонка виделась как способ показать технологическое мастерство каждой из них и обрести союзников в продолжающейся борьбе за глобальное превосходство»³.

Действительно, успехи в области ракетостроения быстро вышли за пределы сугубо военной сферы. Достижения в области исследований космоса воспринимались как реализованные претензии каждой из сверхдержав на мировое лидерство. Гонка ракетных вооружений и активность в космосе, таким образом, стали важными показателями для сравнения общей эффективности функционирования противоборствующих социально-экономических и политических систем. К концу 1950-х гг., как считает У. Кэй, соревнование в космических

---

² Erickson A.S. The Space Race Revisited: The Lunar Landing and Its Larger Lessons. — URL: https://epizodsspace.airbase.ru/bibl/inostr-yazyki/2020/Erickson_The_Lunar_Landing_and_Its_Larger_Lessons_51st_History_Symposium_2020.pdf#:~:text=The%20Cold%20War%20was%20%20a,global%20vanguard%20of%20socio-technological%20progress (дата обращения 12.05.2024)

³ Space Race: Competition for Technological Supremacy. — URL: <https://military-spouseafcp.org/military-history/cold-war/space-race/> (дата обращения 14.04.2024)

проектах «явно стало для обеих сторон еще одним фронтом в холодной войне»⁴. На этом «фронте» противостояние сверхдержав имело свои особенности. Как верно замечает Дж. Фрост, для обеих сторон «космическая гонка была испытанием научных исследований, технологической изобретательности и экономических возможностей; это была также и гонка вооружений — ни американские, ни советские программы “чистой наукой” никогда не были»⁵. Однозначно по этому вопросу высказывается сегодня и известный астрофизик Нил Деграсс Тайсон: «Научные устремления в космосе неотделимы от устремлений военного назначения, да они никогда такими и не были»⁶. Стоит согласиться и с современными комментариями относительно того, что «космос всегда был милитаризован, хотя и не насыщен вооружениями»⁷. В этом плане особый интерес представляет самый ранний этап исследовательских программ, когда в США выдвигались грандиозные проекты использования околоземного пространства в военных целях.

«Пионером» в декларациях о необходимости военного освоения космоса был Вернер фон Браун. Создатель немецкого «чудо-оружия» — первых баллистических ракет «ФАУ-2» (А-4) — был вывезен из Германии в США и продолжил работу в области ракетостроения. Уже в конце 1940-х гг. он выступил за скорейшее развитие космических исследований, а в августе 1951 г. увидела свет первая американская публикация фон Брауна «Многоступенчатые ракеты и искусственные спутники». Более того, он активно развивал идеи, высказанные ранее К.Э. Циолковским и Г. Обертом. Речь шла о постоянно действующей обитаемой космической станции, которая стала бы не только базой для исследований, но и обращающейся вокруг Земли платформой для разведывательной деятельности. Фон Браун также предполагал, что такая станция со временем может стать и боевой единицей, способной запускать ракеты с ядерными боеголовками⁸. Идеи фон Брауна были изложены в серии научно-популярных

---

⁴ Kay W.D. John F. Kennedy and the two faces of the U.S. space program, 1961–63. — URL: <https://www.thefreelibrary.com/John+F.+Kennedy+and+the+two+faces+of+the+U.S.+space+program%2C+1961-63.-a053390298> (дата обращения 22.05.2024)

⁵ Frost J. Who Really Won the Space Race? — URL: <https://www.auckland.ac.nz/en/news/2019/07/19/who-really-won-space-race.html> (дата обращения 13.05.2024)

⁶ Carson J. Neil deGrasse Tyson Explores the Symbiosis Between War and Astrophysics. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/12/books/review/neil-degrasse-tyson-accessory-to-war-avis-lang.html?ysclid=Izats0ol3l416772099> (дата обращения 04.05.2024)

⁷ Bartels M. Space Has Always Been Militarized, Just Not Weaponized — Not Yet, Anyway. — URL: <https://www.space.com/42298-space-weaponized-already-military-history.html> (дата обращения 15.04.2024)

⁸ Neufeld M.J. “Space superiority”: Wernher von Braun’s campaign for a nuclear-armed space station, 1946–1956 / Smithsonian Institution, 2005. — URL: <https://reposit->

статей, в 1952–1954 гг. увидевших свет в иллюстрированном журнале “Collier’s”. Однако похожая на научную фантастику картина, которую на этой основе мог создать для себя американский обыватель, не отражала реальное положение дел в научных исследованиях ближнего космоса и в разработках ракетной техники. В скрытой от глаз общества сфере интерес к космосу проявлялся в концепциях, которые предлагали ученые и военные, в борьбе государственных ведомств за право на разработку и реализацию отдельных проектов. В США уже в 1946 г. группа офицеров высшего командного состава ВМФ высказала мысль о необходимости создания и запуска спутников на основе достижений ракетной техники.

Правда, сама разработка такой техники пока оставалась прерогативой не флота, а сухопутных сил. После войны около 100 германских специалистов, а также несколько десятков «Фау» вместе с технической документацией к ним оказались на полигоне Уайт Сэндс в штате Нью-Мексико. В то время большинство военных полагало, что самолеты или самолеты-снаряды с воздушно-реактивными двигателями являются лучшим средством доставки ядерного оружия, а разработка баллистических ракет большой дальности представляет собой, прежде всего, «расширение возможностей артиллерии». Впрочем, первые контракты, заключенные с отдельными компаниями на разработку ракет, в основу конструкции которых была положена «Фау» (например, RTV-A-2 Hircoc/ MX-774 в фирме “Convair”), в 1947–1950 гг. удовлетворительных результатов не принесли. В сентябре 1951 г. обновленный ракетный проект (MX-1593) получил название “Atlas”, а в 1953 г. специальный комитет, созданный из видных ученых, вынес ряд рекомендаций о создании полноценной МБР к рубежу 1960-х. Первый пуск ракеты “Atlas” состоялся 11 июля 1957 г. и оказался неудачным. На 15-м пуске в 1959 г. была достигнута дальность полета этой МБР в 10,2 тыс. км, а в 1960 г. — 14,5 тыс. км. Осенью 1959 г. эту технику начали ставить на боевое дежурство; в августе 1960 г. первая полноценная эскадрилья из шести тяжелых МБР “Atlas” заняла свои позиции на базе Уоррен в штате Вайоминг⁹.

В эти годы шла борьба концепций в отношении военных аспектов космических исследований и, в частности, по вопросу о типе ракеты-носителя для вывода спутников на орбиту и об их назначе-

---

tory.si.edu/bitstream/handle/10088/29811/Space%20Superiority.pdf?sequence=1 (дата обращения 24.05.2024)

⁹ Chronology: 1960–1969 // Air & Space Forces Magazine. November 24, 2018. — URL: <https://www.airandspaceforces.com/chronology-1960-1969/> (дата обращения 02.04.2024)

нии¹⁰. По закону 1947 г. об обороне военно-воздушные силы США стали отдельной структурой, а по решению администрации Г. Трумэна в 1950 г. им было поручено разрабатывать и ракетную технику. Генерал К. Лимэй, тогда начальник штаба ВВС, призвал ученых и аналитиков из только что созданной исследовательской структуры РЭНД (“RAND Corporation”) определить полезность создания спутников — прежде всего, как части стратегических воздушных сил¹¹. Аналитики из РЭНД в докладе 1950 г. однозначно высказали идею о том, что создание и запуск искусственного спутника будет иметь не только научное и военное значение. Это событие, как они считали, «воспламенит воображение человечества и, вероятно, произведет по всему миру такой резонанс, который можно будет сравнить с эффектом от взрыва атомной бомбы». Не случайно историк космических программ У. Макдугалл называет этот документ «свидетельством о рождении» для американской политики в исследовании космоса¹². Заметим, что в этой политике энтузиазм поначалу более всего относился к возможностям военно-разведывательной деятельности, которые могли предоставить спутники.

В этом же направлении двигался и СССР. В Москве 12 февраля 1955 г. было принято решение о строительстве космодрома Байконур. Было издано секретное постановление Президиума ЦК КПСС от 8 августа того же года, в котором предписывалось приступить к работам по созданию спутника, а руководителям военно-промышленного комплекса (В.М. Хруничеву и М.В. Рябикову) предлагалось представить руководству страны «проект необходимых мероприятий» для скорейшего решения этой задачи. В ноябре из Академии наук в ЦК КПСС и Совет Министров пришло письмо с Программой космических исследований, подготовленной под руководством М.В. Келдыша (тогда — Академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН СССР и член Президиума АН СССР)¹³. 30 января 1956 г. М.В. Келдыш был назначен председателем Специальной

---

¹⁰ Гольдовский Д. Ю., Назаров Г. А. 25 лет космической эры: из истории создания первых ИСЗ. М., 1982. (Новое в жизни, науке, технике).

¹¹ Lamberth B.S. A Short History of Military Space // Air & Space Forces Magazine. December 1, 2004. — URL: <https://www.airandspaceforces.com/article/1204space/> (дата обращения 18.05.2024)

¹² Цит. по: Whalen D.J. Billion Dollar Technology: A Short Historical Overview of the Origins of Communications Satellite Technology, 1945–1965. — URL: <https://www.hq.nasa.gov/pao/History/SP-217/ch9.htm#:~:text=In%20the%20words%20of%20historian,than%20on%20other%20satellite%20applications> (дата обращения 03.05.2024)

¹³ Подробнее см.: Сушкевич Т.А. М.В. Келдыш — организатор международного сотрудничества в космосе и первой советско-американской Программы «Союз-Аполлон» (ЭПАС). — URL: http://conf.nsc.ru/files/conferences/tcmiip2011/89851/sushkev2_iki.pdf (дата обращения 23.04.2024)

комиссии при Президиуме АН СССР по искусственному спутнику Земли — объекту «Д», а С.П. Королев и М.К. Тихонравов стали его заместителями. В марте 1956 г. стало функционировать новое Министерство общего машиностроения, в ведении которого находились и ракетостроение, и космические исследования. Иначе говоря, СССР вплотную приступил к практической реализации проекта запуска спутника, вывести который на орбиту планировали весной 1957 г.

В Вашингтоне в это время здраво рассудили, что первенство в деле со спутниками является исключительно важным и ускорили все соответствующие работы. Помощник президента Д. Эйзенхауэра по вопросам внешнеполитической информации Н. Рокфеллер заметил, что для США «соображения престижа делают это соревнование таким, которое мы не можем позволить себе проиграть». В мае 1955 г. Совет Национальной Безопасности (СНБ) представил президенту доклад (NSC 5520), в котором было четко сказано об опасности уступить главному оппоненту «пальму первенства» в запуске спутников. «Вывод из такой демонстрации передовой технологии и безошибочная связь с технологией межконтинентальных баллистических ракет может иметь важные последствия в смысле политической решимости стран свободного мира по противостоянию коммунистической угрозе, особенно, если СССР станет первым в выводе на орбиту спутника»¹⁴. В тот момент администрация США могла опираться на несколько находившихся в разработке научно-исследовательских проектов, но в итоге после долгих споров и межведомственной борьбы в июле–августе 1955 г. была одобрена общая концепция создания и запуска спутника в течение полутора лет (т.е. к 1957 г.), а базовым учреждением для реализации программы “Vanguard” с первоначальным бюджетом в 20 млн долларов стала Научная лаборатория ВМФ США (Naval Research Laboratory). Правда, в середине мая 1957 г. разработчики из ВМФ сообщили о том, что спутник вряд ли будет готов к выходу на орбиту в сентябре, как это ранее было объявлено. В то же время стоит признать, что в США именно в 1957 г. было сделано довольно много в сфере разработки и испытания ракетной техники и подготовки спутников.

Например, в Калифорнии был заложен новый военно-научный центр (для работ по МБР “Atlas” и “Titan”, по ракетам средней дальности “Thor”) — база Ванденберг. Неудачные пуски межконтинентального «Атласа» были отчасти компенсированы успешными испытаниями ракеты “Jupiter”, которая в мае–августе показала подъем до

---

¹⁴ Цит. по: *Muir-Harmony Tl. The Space Race and American Foreign Relations.* — URL: <https://oxfordre.com/americanhhistory/display/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-274#> (дата обращения 16.04.2024)

высоты в 950 км и дальность полета в 2,4 тыс. км. В сентябре ракета «Тор» дала результат в 570 км по высоте и 1,8 тыс. км по дальности полета. 22 сентября “New York Times” уже рассказывала читателям о семи видах американских спутников, которые будут, вероятно, запущены в ближайшие месяцы.

Но 4 октября 1957 г. СССР все же опередил американцев. Выход на орбиту советского спутника стал событием всемирного значения. Первое поражение в «космической гонке» Вашингтону пришлось признавать. В черновом тексте официального заявления госсекретарь Дж.Ф. Даллес предлагал для такого признания довольно туманные формулировки: «Соединенные Штаты не рассматривали открытый космос в качестве приоритета, как это делал СССР, но и не упускали его из виду. Ракеты США имеют возможность использовать космос. Также ожидается запуск спутника Земли в течение этого геофизического года в соответствии с программой, которая ... планомерно осуществлялась»¹⁵. Курировавший спутниковую программу “Vanguard” контр-адмирал Р. Беннет 5 октября заявил, что никакой «гонки» с СССР в этой сфере якобы вообще не предполагалось и что все имеющиеся проекты будут реализованы так, как запланировано. Президент Эйзенхауэр 13 ноября выступил с речью о связи проблем безопасности с развитием науки в контексте соперничества с СССР. Он постарался в максимально спокойном тоне донести до сограждан мысль о том, что с запуском советского спутника США ничуть не утратили превосходство над главным противником в стратегической авиации и подводных лодках как носителях ядерного оружия. Относительно спутников было сказано, что уже находящийся в разработке проект “Vanguard” является «чисто научным», а его возможное военное использование «будет оцениваться с сравнением с другими оборонными проектами»¹⁶.

Но на самом деле непосредственным ответом США на успех главного противника стали буквально лихорадочные усилия по скорейшему запуску своего космического аппарата, сопровождавшиеся пропагандистской шумихой и подробным описанием каждого этапа подготовки этого события. Такая суэта привела к тому, что США, по словам директора ЦРУ А. Даллеса, стали посмешищем даже для стран «свободного мира»¹⁷. Мало того, 6 декабря 1957 г. запуск

¹⁵ John Foster Dulles to James C. Hagerty, October 8, 1957, with attached: “Draft Statements on the Soviet Satellite”. October 5, 1957. — URL: <https://www.nasa.gov/history/sputnik/15.html> (дата обращения 17.05.2024)

¹⁶ Eisenhower D.D. Address to the Nation on the Future of U.S. Security. Delivered November 13, 1957. Oklahoma City. — URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/dwighteisenhowernationalsecurityfuture.htm> (дата обращения 24.04.2024)

¹⁷ Muir-Harmony T. Op. cit.

первого американского спутника оказался еще и неудачным: ракета-носитель взорвалась, едва оторвавшись от земли. Унижение было усилено предложением одного из советских дипломатов в таких обстоятельствах оказать американцам техническую помощь в рамках программы ООН по содействию развивающимся странам. В ответ на всё это в ноябре по инициативе демократа Л. Джонсона сенатский комитет по делам вооруженных сил рассмотрел ситуацию с военно-космическими исследованиями и пришел к выводу об их недостаточном финансировании и неудовлетворительной организации. Помощник этого влиятельного сенатора Дж. Риди выразил общее настроение тех дней: «Простой факт состоит в том, что мы больше не можем считать, что русские отстают от нас в развитии технологии. Им потребовалось четыре года, чтобы догнать нас с атомной бомбой и девять месяцев — с водородной. Теперь мы пытаемся догнать их со спутником»¹⁸.

Военно-политический истеблишмент и научные круги собирались быстро и эффективно преодолеть негативные для Америки последствия советского успеха. В конце декабря группа ученых во главе с Дж. Ван Алленом при поддержке президентского Комитета научных советников обнародовала масштабную программу, содержащую 10 главных целей и открыто предлагающую «установление лидерства США в сфере космических исследований». Среди крупных проектов ближайших лет были названы отправка беспилотного аппарата на Луну (1959) и спутника, обращающегося вокруг Луны (1960), полет вокруг Луны с возвращением на Землю к 1965 г. и др.¹⁹ Ввиду неудачи ВМФ со спутником «Авангард» администрация и Пентагон вынуждены были резко ускорить завершение одного из ракетно-космических проектов сухопутных сил. 31 января 1958 г. запущенная с космодрома на мысе Канаверал во Флориде ракета “Juno 1” вывела на орбиту первый спутник “Explorer”.

Долговременные политические последствия всех этих событий в США были значительными. В феврале 1958 г. было создано Агентство передовых исследовательских проектов (ARPA, Advanced Research Projects Agency; позднее, с добавлением слова «оборонных» — DARPA), призванное на основе государственного финансирования объединить усилия военных и ученый мир. В сентябре был принят «Закон об образовании в целях национальной обороны» (National Defense Education Act), резко увеличивший государственные рас-

---

¹⁸ *Launius R.D.* Sputnik and the Origins of the Space Age. — URL: <https://www.nasa.gov/history/sputnik/sputorig.html> (дата обращения 22.04.2024)

¹⁹ *The Great Adventure Project: 1957.* — URL: <http://claudelafleur.qc.ca/Chronology-1957.html> (дата обращения 17.05.2024)

ходы на науку и высшее образование. Самым важным событием в смысле участия в «космической гонке» было, конечно, принятие 29 июля 1958 г. закона о создании Национальной администрации по авионавигации и исследованиям космоса (NASA). Этому событию предшествовали скрытые от публики дискуссии, суть которых сводилась к необходимости немедленной централизации и интенсификации всех программ, связанных не столько с научным изучением космоса, сколько с его использованием для расширения военных возможностей США. После подписания президентом закона о создании НАСА, 18 августа СНБ представил доклад «Предварительное заявление о политике США в космосе» (NSC 5814/1). Во вступительной части признавалось следующее: «СССР превзошел США ... в научных и технических достижениях в открытом космосе, которые завладели воображением ... всего мира. В случае, если СССР сохранит ныне существующее превосходство в исследовании космоса, он сможет использовать его как средство для подрыва престижа и лидерства Соединенных Штатов, создать угрозу безопасности США»²⁰.

В докладе давались примерные оценки военных аспектов освоения космоса по трем категориям, разделенным по предполагаемым срокам реализации отдельных проектов. Первая из них указывала на скорое использование спутников для деятельности военной разведки. Вторая, определяющая возможности «ближайшего будущего», включала появление спутников для наблюдения за погодой и в помощь морской навигации, а также для военной связи и радиоэлектронной борьбы. Еще более впечатляюще, если не сказать фантастически для 1958 г., выглядела третья категория («более отдаленное будущее») с оценкой возможных проектов военного назначения. Она включала «обитаемые корабли для ремонта и снабжения других космических аппаратов (space vehicles)». Сюда были отнесены и космические корабли, в задачи которых входят «захват, разрушение или нейтрализация» космических аппаратов противника. Предполагалось и появление «обитаемых станций на Луне» (Manned Lunar Stations), которые могут выполнять функции разведки или обеспечения военной связи. Более того, согласно мнению СНБ, требовалось ускорить подготовку пилотируемых полетов — в том числе и ради «оснований для того, чтобы отвергать претензии СССР на суверенитет над отдельными планетами, которые могут посетить его граждане».

Не менее впечатляющими были и оценки будущих возможностей главного противника. С одной стороны, американцы верно

---

²⁰ National Security Council Report. Washington, August 18, 1958. NSC 5814/1/. Statement of Preliminary U.S. Policy on Outer Space. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v02/d442> (дата обращения 19.05.2024)

отмечали, что пилотируемая космонавтика в СССР не сможет заменить приоритетность создания МБР и укрепления ими стратегических ядерных сил. С другой — в США тогда предполагали (в самых общих чертах), что успешные запуски космических аппаратов позволят Советскому Союзу, например, уже в течение 1958 г. выводить на орбиты всё более крупные спутники. Ожидали американцы и запуски зондов к другим планетам — «на основе технических средств, используемых пока для создания МБР». Вероятным считался полет зонда в августе 1958 г. в направлении Марса, а в июне 1959 г. — к Венере. Также американские аналитики полагали, что советские пилотируемые полеты вокруг Луны станут возможны в случае создания «новых и более мощных ракетных двигателей» — вероятно, в 1961–1962 гг. Наконец, поднимался вопрос о создании постоянно действующих орбитальных станций — «космических платформ». Их появление, как считалось, невозможно предвидеть, но в 1961–1962 гг. СССР, вероятно, «сможет вывести на орбиту очень крупный спутник весом около 25 тыс. фунтов» (11,3 т), который сможет «исполнить некоторые важные научные функции большой космической платформы».

Пропагандистское значение первенства СССР в запуске спутника и в Вашингтоне оценивали высоко, но по-прежнему рассчитывали, что смогут «отыграться». О связи политического и военного аспектов «космической гонки» свидетельствовал доклад Государственного информационного агентства (USIA) о состоянии мирового общественного мнения²¹. Очень правдиво и ярко выглядели такие оценки: «Во всех аудиториях реакция показывает тенденцию приравнивать достижения в этой сфере к военной мощи. <...> Общий взгляд состоит в том, что достижения в космической науке и технологии могут принести или уже принесли жизненно важные изменения в соотношении военной мощи между Западом и Востоком <...> Отмечается ... озабоченность относительно того, что у СССР теперь появляется военное превосходство над Западом, а кое-где это считают свершившимся фактом». Вывод для администрации США напрашивался очевидный: ни в коем случае не допустить советского лидерства в военных аспектах освоения ближнего космоса.

События стали развиваться стремительно. НАСА стала активно функционировать уже в октябре 1958 г. и, кроме координации всех гражданских и военных проектов в области исследований космоса, одним из первых решений стало формирование особой группы по

---

²¹ USIA Office of Research Analysis. Impact of US and Soviet Space Programs on World Opinion. A Summary Assessment. — URL: <https://www.nasa.gov/history/sputnik/july59.html> (дата обращения 08.08.2024)

ускоренной подготовке пилотируемых полетов и тренировке семей будущих астронавтов в рамках нового проекта "Mercury". В течение 1958 г. США успешно вывели на орбиту 5 спутников, в 1959 г. — еще четыре.

По рекомендации Дж. Киллиана и Комитета научных советников президент Д. Эйзенхауэр отдал военно-воздушным силам приоритетную роль в разработке космических проектов. Финансирование исследовательских и технических программ ВВС по космосу в короткие сроки увеличилось в **120 (!)** раз — с 2,2 млн до 249,7 млн долларов²². Государственные расходы на деятельность НАСА (как гражданской структуры с отдельным бюджетом, формально не связанной с Пентагоном) в 1959 г. составили 369 млн долл., в 1960-м уже 485, а в 1961 г. новое ведомство планировало «пустить в дело» почти миллиард (967 млн) долларов. При этом оно располагало уже семью исследовательскими центрами, в которых было занято около 16 тысяч специалистов²³. Кроме того, важнейшие космические проекты к 1960 г. были интегрированы в общую систему обеспечения безопасности США и их союзников по НАТО²⁴.

В то же время именно период 1958–1960 гг. в США был отмечен буквально взрывным появлением и новых концепций, и удивительных научно-технических проектов, которые были призваны установить не только военное присутствие, но и доминирование США в ближнем космосе. Ракетно-космическая тема стала даже одним из сюжетов в президентской избирательной кампании 1960 г.: кандидат демократической партии Дж. Кеннеди критиковал администрацию Д. Эйзенхауэра за якобы имевшее место «ракетное отставание» Соединенных Штатов от СССР. Однако именно на долю пришедшего в Белый дом Кеннеди уже в первой половине 1961 г. выпал новый тяжелый удар по мировому престижу Америки. 12 апреля Советский Союз снова стал первым — Ю. Гагарин в ракете «Восток-1» за 106 минут сделал виток вокруг Земли и вернулся на территорию СССР.

5 мая ракета "Mercury / Redstone 3" вывела на орбиту корабль "Freedom 7". Достижением Соединенных Штатов и их первого астронавта капитана А. Шепарда стали 15 минут в космосе. Корабль Шепарда вышел на высоту в 185 км и в полуавтоматическом режиме совершил суборбитальный полет (т.е. без обращения вокруг Земли). Это стало ярким событием для Америки, поскольку у телеэкранов

---

²² *Lambeth B.S.* Op. cit.

²³ *Jackson E.S.* Running Head: The Space Race. — URL: <https://ininet.org/running-head-the-space-race--the-space-race.html> (дата обращения 03.08.2024)

²⁴ *Tombarge P.A.* NATO Space Operations. — URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/occasional-papers/nato-space-operations-0> (дата обращения 05.04.2024)

за ним наблюдали 45 миллионов человек, но не для всего мира. Дж. Кеннеди, конечно, заранее знал, что такой полет ни в коей мере не сможет затмить триумф советской космонавтики. Он был готов искать иные «прорывные» решения. Сразу после полета Гагарина, 14 апреля он дал вице-президенту Л. Джонсону такое поручение: найти, «невзирая на стоимость», связанный с космосом проект, с которым США точно стали бы первыми в мире. 20 апреля он снова запросил Джонсона, какой из проектов будет предпочтительнее для «нанесения поражения Советам»: создание в космосе постоянно действующей научной лаборатории, полет вокруг Луны, посадка беспилотного аппарата на Луну или же отправка на Луну пилотируемого корабля и его возвращение²⁵. 8 мая вице-президент представил доклад, из которого следовало, что пока ни одна из сверхдержав не имеет ракет, способных доставить астронавтов на Луну, но именно проект высадки на ней имеет перспективы стать победой США.

25 мая 1961 г. Дж. Кеннеди выступил на совместном заседании обеих палат Конгресса США, которое было посвящено неотложным проблемам страны и транслировалось по телевидению. Среди прочего президент сказал, что Америка до конца 1960-х гг.²⁶ ставит целью высадку человека на Луне и безопасное возвращение его на Землю. Кеннеди вписал этот замысел в контекст соперничества с альтернативной социально-политической системой: по словам президента, успехи в исследовании космоса играют огромную роль в глобальной борьбе за «умы людей, которые пробуют решить, какой путь избрать». Позднее президент в разговоре с директором НАСА Дж. Уэббом однозначно выразил мысль о необходимости сделать программу высадки на Луне безусловным приоритетом: «Это важно по причинам международной политики. Нравится нам или нет, но это напряженная гонка»²⁷. Сам Кеннеди пристально следил за добытой разведывательными службами информацией об испытаниях советских МБР и иных проектах военно-космического характера²⁸. При новом президенте общее русло космических проектов расшири-

---

²⁵ Kay W.D. Op. cit.

²⁶ В первоначальном тексте речи было указано «в 1967 г.», но в последний момент президент решил не озвучивать точную дату. Подробнее см.: Wall M. The Moon and the Man at 50. Why JFK's Space Exploration Speech Still Resonates. — URL: <https://www.space.com/11774-jfk-speech-moon-exploration-kennedy-congress-50years.html> (дата обращения 09.05.2024)

²⁷ Longley R. Did Politics Fuel the Space Race? — URL: <https://www.thoughtco.com/did-politics-fuel-the-space-race-3963848> (дата обращения 18.04.2024)

²⁸ Это очевидно по опубликованным документам серии “National Security Archive/ President's Intelligence Check List”. См.: Daily Briefings. Underscored Threats to National Security, Propaganda Value of Rival Programs / Ed. by James E. David. — URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/intelligence-nuclear-vault/2016-12-20/presidents->

лось за счет программ “Gemini” («Созвездие Близнецов») и “Apollo”. Они были призваны компенсировать отставание от СССР в пилотируемых полетах, хотя и замыслы военных относительно космоса никуда не исчезли.

Сегодня известно, что задолго до речи президента в мае 1961 г. в США существовали проекты военно-космического назначения, в том числе связанные именно с Луной. Теперь они получили дальнейшее развитие, ибо Луна всегда привлекала особое внимание не только научного сообщества, но и военно-политического истеблишмента. Еще 28 января 1958 г. со своего рода «программной речью» относительно «освоения» Луны выступил генерал Х. Буши (Homer A. Boushey), в тот момент заместитель директора управления ВВС по научно-техническим исследованиям и разработкам. Отрывки из его выступления перед авиаторами-любителями стали широко известны, поскольку 7 февраля были опубликованы в ведущем журнале “US News & World Report”. Буши привлек внимание тем, что поставил вопрос о том, что только вчера казалось невероятным. «Кто контролирует Луну, тот контролирует и Землю. Нашим планировщикам стоит внимательно подумать над этим заявлением. Поскольку, если это верно, — а я думаю именно так — то тогда США должны установить контроль над Луной». Генерал предложил направить усилия ученых на то, чтобы в скором времени создать на Луне (причем на ее «темной», невидимой с Земли стороне) искусственную среду обитания для человека, а затем американскую военную базу, которая дала бы «несравненные преимущества в смысле удара возмездия», то есть имела бы возможность запуска ракет с ядерными боеголовками по СССР. Луна с ее низкой гравитацией, говорил генерал, облегчит запуск таких ракет, поскольку им не потребуются мощные двигатели, они буквально «катапультируются» с пусковых установок. В случае внезапного нападения СССР на США, по словам генерала, «возмездие» с Луны падет на советскую территорию не ранее, чем через 48 часов (поскольку ракеты должны будут преодолеть около 400 тыс. км). Однако, чтобы избежать этого «удара возмездия», Советскому Союзу для нападения на Америку придется сначала ударить ядерными ракетами по самой Луне, но в таком случае запуски его ракет будут легко обнаружены и «возмездие» произойдет иным, «земным» способом²⁹.

---

daily-brief-spotlighted-soviet-missile-space-programs-1960s-1970s (дата обращения 08.04.2024)

²⁹ Portree D.S.F. Who Controls the Moon, Controls the Earth (1958). — URL: <https://www.wired.com/2012/03/who-controls-the-moon-controls-the-earth-1958/> (дата обращения 14.05.2024)

В США тогда появились и другие планы использования Луны. Одним из них был “Project A119” — замысел осуществления на ее поверхности мощнейшего ядерного взрыва. Этот сверхсекретный проект специалисты ВВС разрабатывали с мая 1958 г. под скромным названием «Изучение исследовательских лунных полетов» (“A Study of Lunar Research Flights”). Под крышей Технологического института штата Иллинойс в Чикаго этим вопросом занималась группа специалистов во главе с физиком-ядерщиком Леонардом Райффелом; в ее состав входили известные астрономы Джерард Койпер и Карл Саган. Планировали использовать термоядерную бомбу, ибо, по словам Райффела (в интервью 2000 г.), «командование ВВС поначалу хотело, чтобы грибовидное облако после взрыва было видно с Земли». Однако тогда у США еще не было ракет, способных доставить к Луне соответствующий груз. Поэтому в проекте рассматривалась относительно легкая боеголовка W25 (мощностью 1,7 Кт). Райффел говорил, что главной целью такого взрыва было поразить весь мир научно-техническими достижениями США, но руководство ВВС в конце концов отказалось от этого предприятия, рассудив, что общие риски превышают возможный полезный эффект. Справедливости ради стоит сказать, что и в СССР в эти годы рассматривалась подобная идея (ее автор — академик Я.Б. Зельдович). Как вспоминал выдающийся ученый, конструктор космических аппаратов Б.Е. Черток: «Программа Е-3 была придумана исключительно для бесспорного доказательства нашего попадания в Луну»; «мы изготовили даже макет лунного контейнера» и он, «подобно морской mine, весь был утыкан штырями взрывателей, чтобы гарантировать взрыв при любой ориентации контейнера в момент удара о поверхность»³⁰. От «Е-3» всё же отказались, поскольку элементарный расчет показал: яркости и длительности вспышки от ядерного взрыва на Луне будет недостаточно для ее надежной фоторегистрации с Земли.

С 1959 г. в Пентагоне разрабатывались и другие впечатляющие проекты, связанные с Луной. В основу была положена уже озвученная генералом Буши идея о возможности постоянного пребывания там человека. Одним из грандиозных замыслов был “Project HORIZON”, суть которого заключалась в обустройстве на Луне армейской базы с персоналом в 10 и более человек, жизнедеятельность которой обеспечивал бы ядерный реактор и которая смогла бы выполнить множество военных задач. Общая цель была заявлено просто: «Установка обитаемой базы на Луне имеет огромное военное и научное значение. Поскольку бесценный научный, военный и политический престиж

---

³⁰ Черток Б.Е. Ракеты и люди. Фили — Подлипки — Тюратам. М., 1999. Глава 4. Тюратам — Гавайские острова — далее везде. С. 139–177.

обретет та страна, которая первая создаст лунную базу, императивом является то, чтобы первыми были США»³¹. Главное было в том, что размещение на Луне ядерного оружия могло создать гарантии уничтожения СССР в ходе войны, «даже если все американские города уже подверглись удару»³². Стоит заметить, что этот проект одобрил «сам» В. фон Браун (в то время — глава Агентства баллистических ракет сухопутных сил, АВМА), поручивший разработку задач каждого из этапов создания лунной базы своему коллеге из бывших специалистов по «Фау» Г.-Г. Кёлле. Примерная стоимость всей этой затеи была определена в 6 млрд долларов, а тогда это было сопоставимо с общей суммой ежегодных расходов США на ядерный арсенал³³. Одновременно существовали и другие, предложенные ВВС, «лунные» проекты. Один из них имел два названия: “Military Lunar Base Program” и “Lunar Observatory Study”/S.R. 183. Суть дела также заключалась в создании военной базы на Луне в период с ноября 1964 г. по июнь 1969 г. Другой замысел ВВС разрабатывали с 1958 г. и представили сразу после выступления Кеннеди о намерении высадить человека на Луну (29 мая 1961 г.). Он был назван «Лунной экспедицией» (LUNEX). Конечной целью этого секретного проекта с примерной стоимостью в 7,5 млрд долл. было устройство к 1967 г. базы для ВВС *под поверхностью* Луны с «гарнизонам» из 21 человека. Все эти концепции милитаризации Луны тогда не получили одобрения в самом верхнем эшелоне власти и были отложены в сторону ради усилий по реализации масштабного проекта пилотируемых полетов «Аполлон»³⁴.

Одновременно с этими замыслами были предложены и иные военно-космические программы — такие, как «Дайна-Соар» (Dyna-Soar /X-20). Этот проект, название которого созвучно английскому произношению слова «динозавр», предполагал создание пилотируемого космического аппарата многоразового использования с несколькими функциями. По заказу ВВС его разработку с октяб-

---

³¹ <https://www.ancient-code.com/declassified-documents-reveal-project-horizon-the-lunar-outpost-of-the-us-army/> (дата обращения 07.05.2024)

³² *Richelson J.* Soldiers, Spies and the Moon: Secret U.S. and Soviet Plans from the 1950s and 1960s. Declassified Documents Reflect the Covert Side of Lunar Programs. — URL: <https://www.globalresearch.ca/soldiers-spies-and-the-moon-secret-u-s-and-soviet-plans-from-the-1950s-and-1960s/5392447> (дата обращения 02.05.2024)

³³ О расходах США на ядерное вооружение подробнее см.: *Lindley D., Clemency K.* Low-Cost Nuclear Arms Races // *Bulletin of Atomic Scientists*. March–April 2009. P. 44–46. — URL: <https://www3.nd.edu/~dlindley/handouts/Costs%20of%20Arms%20Races.pdf>; *Schwarz B.S.* Costs of US Nuclear Weapons // *NTI Report*. September 30, 2008. — URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/costs-us-nuclear-weapons/> (дата обращения 24.04.2024)

³⁴ *Chen M.* 10 Doomed Attempts to Militarize Outer Space. — URL: <https://listverse.com/2015/10/12/10-doomed-attempts-to-militarize-outer-space/> (дата обращения 02.04.2024)

ря 1957 г. вела фирма “Boeing”. Аппарат должен был выводиться на орбиту с помощью ракеты-носителя “Titan”³⁵. Предполагались различные модификации — орбитальный бомбардировщик, космический разведчик с оборудованием визуального наблюдения, вариант для обнаружения («инспекции») и перехвата спутников противника на орбите. Например, для варианта X-20А задачей многовиткового полета был перехват и уничтожение спутников противника. В этой модификации аппарат на орбите оставался состыкованным с третьей ступенью носителя и, соответственно, имел дополнительный запас топлива, что означало широкие возможности для орбитального маневрирования и длительного пребывания в космосе. По плану, представленному 26 апреля 1961 г., первый пилотируемый одновитковый полет «Дайна-Соар» планировался на лето 1966 г. На орбиту его должна была вывести ракета “Titan III” и был даже назначен пилот, майор Дж. Вуд.

Однако к концу 1962 г. возникли споры о том, не приведет ли такое множество военно-космических программ к распылению финансов и сил занятых в них научных групп. В январе 1963 г. министр обороны Р. Макнамара сделал запрос командованию ВВС и Г. Брауну, директору Управления научных разработок и проектирования министерства обороны (Defense Research and Engineering) относительно того, сможет ли проект “Gemini” достичь примерно тех же военно-научных целей, что и “Dyna-Soar”. Браун в ноябре представил доклад, из которого следовало, что лучше сконцентрировать усилия на создании постоянно действующей орбитальной станции с экипажем из четырех астронавтов, ежемесячная ротация и снабжение которых осуществляется аппаратами проекта “Gemini”. 10 декабря 1963 г. распоряжением министра обороны программа «Дайна-Соар», на которую уже потратили 410 млн (свыше 5 млрд в современных долларах), была закрыта.

Одновременно было объявлено о новой программе по созданию «Обитаемой орбитальной лаборатории» (Manned Orbiting Laboratory, MOL). Ее начинали не «с чистого листа». Еще феврале–мае 1962 г. Командование систем ВВС (Air Force Systems Command) предлагало план MODS (Военная система орбитальной разработки), согласно которому в качестве ракеты-носителя использовалась бы все та же “Titan II”, а затем к орбитальной станции прибывали бы аппараты серии “Blue Gemini”. Руководителем программы MOL стал генерал Бернанд А. Шривер, который в это время курировал проекты “Thor”, “Atlas”, “Titan”, а позднее и новой легкой МБР “Minuteman”.

³⁵ Космические проекты: смерть до рождения // Naked Science. № 16. 2014. Ноябрь–декабрь. — URL: [https://naked-science.ru/article/history/kosmicheskie-proekty-smert-do?yysclid=lxsw8a2lb8202843468](https://naked-science.ru/article/history/kosmicheskie-proekty-smert-do-yysclid=lxsw8a2lb8202843468) (дата обращения 12.04.2024)

Еще одним важным направлением, на котором военные аспекты освоения космоса явно превалировали над всеми иными, было создание «спутников-шпионов». Здесь разработка разведывательных функций космических аппаратов шла параллельно с общей программой запуска спутников. Еще в 1956 г. ВВС начали программу WS-117L. В ее рамках были созданы и с 1960 г. запускались два основных вида военных спутников: “SAMOS” и “CORONA”. Снимки, которые принесли 11 запусков “SAMOS”, были недостаточно высокого качества, и ЦРУ предпочитало использовать аэрофотосъемку с помощью самолетов (в частности, “Lockheed U-2 R/TR1” или “Dragon Lady”, до мая 1960 г. совершавших полеты над территорией СССР).

Более удачными оказались шесть модификаций «Короны». Их выводили на орбиту ракеты “Thor” и “Agena”, они имели оборудование фирмы “Eastman Kodak” и фотопленку с высоким для того времени разрешением в 170 линий на 1 мм. К 1965 г. с помощью «Короны» были обнаружены 25 пусковых позиций советских МБР³⁶. Всего из 144 запусков «Короны» в период с 1959 по 1972 гг. 102 были признаны успешными — в США получили фотоснимки территории СССР, КНР и иных объектов, интересовавших военную разведку. Несколько особняком стояла программа военных спутников “MIDAS” (Missile Defense Alarm System), которая разрабатывалась с ноября 1958 г., а 12 запусков были произведены в 1960–1966 г. Эти спутники были предназначены для обнаружения пусков МБР, т.е. интегрированы в систему раннего предупреждения о ракетной атаке (Ballistic Missile Early Warning System; ее радарная часть с 1960 г. размещалась в Гренландии).

П. Гленшоу довольно далек от истины в утверждении, что «гонка вооружений в сфере борьбы против спутников началась почти сразу же после первых сигналов, пришедших со Спутника-1 в октябре 1957 г.»³⁷. На самом деле перспектива использования ближнего космоса в качестве плацдарма для размещения ударных вооружений заставила задуматься над способами борьбы с искусственными спутниками еще до появления самих спутников. В военно-воздушных силах США соответствующие предварительные исследования начались в апреле 1954 г. В 1957 г., когда генерал Дж. Гэвин на слушаниях в Конгрессе говорил о разведывательном потенциале спут-

---

³⁶ Daily Briefings. Underscored Threats to National Security, Propaganda Value of Rival Programs / Ed. by J. E. David. — URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/intelligence-nuclear-vault/2016-12-20/presidents-daily-brief-spotlighted-soviet-missile-space-programs-1960s-1970s> (дата обращения 24.04.2024)

³⁷ Glenshaw P. The First Space Ace. F-15 vs Satellite. — URL: <https://www.smithsonianmag.com/air-space-magazine/first-space-ace-180968349/> (дата обращения 19.05.2024)

ников и о необходимости создания средств противодействия этому, в научных подразделениях ВВС уже рассматривался первый проект перехватчика космических аппаратов (Air Force SAINT, Satellite Interceptor)³⁸. Попыты с использованием ракет как средства простого физического уничтожения спутников стали проводиться уже в 1958–1959 гг. Работавшие по заказу ВВС фирмы “Boeing”, “Lockheed Martin” и “Convair” представили свои проекты. В сентябре 1959 г. баллистическая ракета воздушного базирования “High Virgo” была запущена с борта самолета “Convair B-58 Hustler”, развившего для этого испытания скорость $M=2$. Целью поражения должен был стать спутник “Discoverer 5”. Этот запуск ракеты оказался неудачным, а вот следующий эксперимент принес нужные результаты³⁹. 13 октября 1959 г. баллистическая ракета воздушного базирования “Martin WS199B Bold Orion”, запущенная с бомбардировщика “Boeing B-47 Stratojet”, прошла в 6 км от спутника «Эксплорер-6» на высоте 251 км. Запуск был признан успешным⁴⁰. Однако среди разного рода проектов борьбы против спутников самым впечатляющим в силу явного радикализма концепции был, конечно, замысел уничтожения космических аппаратов взрывом ядерного боезаряда. Серия испытаний “Argus” («Аргус», «Страж») имела целью установление эффекта от такого взрыва радиолокаторами и системами связи, электронной аппаратурой спутников и баллистических ракет. Кроме того, предстояло проверить гипотезу о возможности создания искусственных радиационных поясов в атмосфере Земли. Первый взрыв провели 27 августа 1958 г. на высоте 161 км, второй — 30 августа на высоте 292 км. Третий взрыв этой серии был произведен 6 сентября на высоте 750 км⁴¹. Продолжением «Аргуса» летом 1962 г. стала серия “Fishbowl” («Аквариум»). Здесь предполагалось провести взрыв заряда W49 мощностью 1,4 Мт на высоте около 400 км, эксперимент получил наименование “Starfish” («Морская звезда»). Однако первый пуск ракеты “Thor” с этим зарядом с атолла Джонстон в Тихом океане

³⁸ Studies in Military R&D and Weapons Development. Case Study 1. The History of US Anti-Satellite Weapon. — URL: <https://man.fas.org/eprint/leitenberg/asat.pdf> (дата обращения 22.04.2024)

³⁹ Aeroballistic anti-satellite missile Lockheed WS199C High Virgo (USA) // Top War. 4 May, 2018. — URL: <https://en.topwar.ru/140925-aeroballicheskaya-protivosputnikovaya-raketa-lockheed-ws-199c-high-virgo-ssha.html?ysclid=m02m1jw4yg202507232> (дата обращения 15.04.2024)

⁴⁰ Первушин А.И. Битва за звезды –2. Космическое противостояние (часть 1). М., 2004. Глава 13. — URL: http://www.xliby.ru/istorija/bitva_za_zvezdy_2_kosmicheskoe_protivostojanie_chast_i/p8.php?ysclid=m02lcpqde7945665624 (дата обращения 12.04.2024)

⁴¹ Первушин А. Репетиция Армагеддона // Warspot. 28 May, 2019. — URL: <https://warspot.ru/14754-repetitsiya-armageddona> (дата обращения 19.05.2024)

был неудачным, а вот взрыв 9 июля прошел успешно: вспышку определили с расстояния в 7 тыс. км. При этом приборы зафиксировали возникновение мощного радиационного пояса вокруг Земли. Последнее испытание ядерного боезаряда в космосе на высоте 147 км США провели 20 октября 1962 г. К месту подрыва ядерная боеголовка была доставлена ракетой ХМ-33 (“Strypi”), запущенной с бомбардировщика В-52.

На смену этим сериям испытаний в ноябре 1962 г. пришли более конкретные противоспутниковые проекты. В 1964–1967 гг. на базе ракет “Nike Zeus” («Найк-Зевс») и “Nike-X” разрабатывалась система, рассчитанная на уничтожение целей на высотах в несколько сотен километров с помощью взрыва ядерного боезаряда. Одновременно началась реализация так называемой «Программы 437». Здесь предполагалось, что ракеты «Thor» с ядерными боеголовками, в момент взрыва создающими область поражения диаметром 8 км, смогут сбивать спутники, находящиеся на орбитах с высотами от 130 до 260 км и на дальности в 2,8 тыс. км по курсу от места старта. В начале 1964 г. были проведены испытания ракеты “Thor LV-2D” всё с того же атолла Джонстон, и система была признана боеготовой (несмотря на некоторые неудачные пуски).

Так или иначе, но все проекты начального этапа «космической гонки» оставили глубокий след не только в истории военных технологий, но и в политическом развитии США. Затраченные на них денежные средства и усилия ученых, успехи и неудачи можно оценивать по-разному, но главный итог состоял в том, что для самой Америки всё это было важным достижением именно в контексте соперничества с СССР. После гибели Дж. Кеннеди в ноябре 1963 г. президентом стал Линдон Джонсон, при котором интенсивная деятельность США в космосе продолжалась⁴². В одном из неофициальных выступлений Джонсон сказал: «Мы потратили на нашу космическую программу 35 или 40 миллиардов долларов. Такие расходы имели смысл, даже если бы из нее не вышло ничего, кроме тех сведений, которое мы получили с помощью фотографирования из космоса. Это знание стоит в десять раз больше, чем вся космическая программа, — потому, что сегодня нам известно, сколько ракет у нашего врага»⁴³. Эффектное, но не бесспорное высказывание. Жизнь показала, что в ракетно-космической области США не смогли добиться перевеса над

---

⁴² Mann L. Lyndon B. Johnson: Forgotten Champion of the Space Race // Rubinstein Center Scholarship. — URL: <https://www.whitehousehistory.org/lyndon-b-johnson-forgotten-champion-of-the-space-race> (дата обращения 31.04.2024)

⁴³ Цит. по: Heppenheimer T.A. The Space Shuttle Decision. Chapter 5. Shuttle to the Forefront // NASA SP-4221. The NASA History Series, 1999. — URL: <https://www.hq.nasa.gov/pao/History/SP-4221/ch5.htm> (дата обращения 30.07.2024)

главным соперником. Другое дело, что связанная с космосом гонка вооружений значительно обогатила знания человечества в смысле понимания его места во Вселенной и его научно-технологических возможностей, а также во многом определила основные направления дальнейших исследований околоземного пространства.

References

Aeroballistic Anti-Satellite Missile Lockheed WS199C High Virgo (USA) // en.topwar.ru (May 4, 2018). — URL: <https://en.topwar.ru/140925-aeroballisticheskaya-protivosputnikovaya-raketa-lockheed-ws-199c-high-virgo-ssha.html?ysclid=m02m1jw4yg202507232>

Bartels M. Space Has Always Been Militarized, Just Not Weaponized — Not Yet, Anyway. — URL: <https://www.space.com/42298-space-weaponized-already-military-history.html>

Carson J. Neil deGrasse Tyson Explores the Symbiosis Between War and Astrophysics. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/12/books/review/neil-degrasse-tyson-accessory-to-war-avis-lang.html?ysclid=lzats0ol3l416772099>

Chen M. 10 Doomed Attempts to Militarize Outer Space. — URL: <https://listverse.com/2015/10/12/10-doomed-attempts-to-militarize-outer-space/>

Chertok B.E. *Rakety i lyudi. Fili — Podlipki — Tyuratam* [Rockets and People. Fili — Podlipki — Tyuratam]. 2nd ed. Moscow: Mashinostroyeniye, 1999. Ch. 4. *Tyuratam — Gavayskiye ostrova — daleye vezde* [Tyuratam — Hawaiian Islands — Further Everywhere]. P. 139–177.

Chronology: 1960–1969 // Air & Space Forces Magazine. November 24, 2018. — URL: <https://www.airandspaceforces.com/chronology-1960-1969/>

Daily Briefings. Underscored Threats to National Security, Propaganda Value of Rival Programs / Ed. by James E. David. — URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/intelligence-nuclear-vault/2016-12-20/presidents-daily-brief-spotlighted-soviet-missile-space-programs-1960s-1970s>

Declassified Documents Reveal Project Horizon the Lunar Outpost of the U.S. Army. — URL: <https://www.ancient-code.com/declassified-documents-reveal-project-horizon-the-lunar-outpost-of-the-us-army/>

Erickson A.S. The Space Race Revisited: The Lunar Landing and Its Larger Lessons. — URL: https://epizodsspace.airbase.ru/bibl/inostr-yazyki/2020/Erickson_The_Lunar_Landing_and_Its_Larger_Lessons_51st_History_Symposium_2020.pdf#:~:text=The%20Cold%20War%20was%20%22a,global%20vanguard%20of%20socio-technological%20progress

Frost J. Who Really Won the Space Race? — URL: <https://www.auckland.ac.nz/en/news/2019/07/19/who-really-won-space-race.html>

Glenshaw P. The First Space Ace. F-15 vs Satellite. — URL: <https://www.smithsonianmag.com/air-space-magazine/first-space-ace-180968349/>

Gołdovskiy D.Yu., Nazarov G.A. *25 let kosmicheskoy ery: iz istorii sozdaniya pervykh ISZ* [25 Years of Space Era: From the History of the Creation of First Artificial Earth Satellites]. Moscow: Znanie, 1982. 64 p. (*Novoye v zhizni, nauke, tekhnike* [New in Life, Science, and Technology]).

The Great Adventure Project: 1957. — URL: <http://claudelafleur.qc.ca/Chronology-1957.html>

Heppenheimer T.A. The Space Shuttle Decision. Chapter 5. Shuttle to the Forefront // NASA SP-4221. The NASA History Series. 1999. — URL: <https://www.hq.nasa.gov/pao/History/SP-4221/ch5.htm>

Jackson E.S. Running Head: The Space Race. — URL: <https://ininet.org/running-head-the-space-race-the-space-race.html>

Kay W.D. John F. Kennedy and the Two Faces of the U.S. Space Program, 1961–1963. — URL: <https://www.thefreelibrary.com/John+F.+Kennedy+and+the+two+faces+of+the+U.S.+space+program%2C+1961-63.-a053390298>

Kosmicheskiye proyekty: smert' do rozhdeniya [Space Projects: Death before Birth] // Naked Science. 26.11.2016. — URL: <https://naked-science.ru/article/history/kosmicheskie-proekty-smert-do-ysclid=lxsw8a2lb8202843468>

Lamberth B.S. A Short History of Military Space // Air & Space Forces Magazine. December 1, 2004. — URL: <https://www.airandspaceforces.com/article/1204space/>

Launius R.D. Sputnik and the Origins of the Space Age. — URL: <https://www.nasa.gov/history/sputnik/sputorig.html>

Lindley D., Clemency K. Low-Cost Nuclear Arms Races // Bulletin of Atomic Scientists. March–April 2009. P. 44–46. — URL: <https://www3.nd.edu/~dlindley/handouts/Costs%20of%20Arms%20Races.pdf>

Longley R. Did Politics Fuel the Space Race? — URL: <https://www.thoughtco.com/did-politics-fuel-the-space-race-3963848>

Mann L. Lyndon B. Johnson: Forgotten Champion of the Space Race / Rubinstein Center Scholarship. — URL: <https://www.whitehousehistory.org/lyndon-b-johnson-forgotten-champion-of-the-space-race>

Muir-Harmony T. The Space Race and American Foreign Relations. — URL: <https://oxfordre.com/americanhistory/display/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-274#>

Neufeld M.J. “Space Superiority”: Wernher von Braun’s Campaign for a Nuclear-Armed Space Station, 1946–1956 / Smithsonian Institution, 2005. — URL: <https://repository.si.edu/bitstream/handle/10088/29811/Space%20Superiority.pdf?sequence=1>

Pervushin A.I. *Bitva za zvezdy – 2. Kosmicheskoye protivostoyaniye* [Battle for the Stars – 2. Cosmic Confrontation]. Part I. Ch. 13. *Istrebiteli sputnikov* [Satellite Fighters] // www.xliby.ru [Web-Library]. — URL: http://www.xliby.ru/istorija/bitva_za_zvezdy_2_kosmicheskoe_protivostojanie_chast_i/p8.php?ysclid=m02lcpqde7945665624

Pervushin A. *Repetitsiya Armageddona* [Armageddon Rehearsal] // warspot.ru (May 28, 2019). — URL: <https://warspot.ru/14754-repetitsiya-armageddona>

Portree D.S.F. Who Controls the Moon, Controls the Earth. 1958. — URL: <https://www.wired.com/2012/03/who-controls-the-moon-controls-the-earth-1958/>

Richelson J. Soldiers, Spies and the Moon: Secret U.S. and Soviet Plans from the 1950s and 1960s. Declassified Documents Reflect the Covert Side of Lunar Programs. — URL: <https://www.globalresearch.ca/soldiers-spies-and-the-moon-secret-u-s-and-soviet-plans-from-the-1950s-and-1960s/5392447>

Schwarz B.S. Costs of U.S. Nuclear Weapons / NTI Report. September 30, 2008. — URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/costs-us-nuclear-weapons/>

Space Race: Competition for Technological Supremacy. — URL: <https://military-spouseafce.org/military-history/cold-war/space-race/>

Studies in Military R&D and Weapons Development. Case Study 1. The History of U.S. Anti-Satellite Weapon. — URL: <https://man.fas.org/eprint/leitenberg/asat.pdf>

Sushkevich T.A. *M. V. Keldysh — organizator mezhdunarodnogo sotrudnichestva v kosmose i pervoy sovetsko-amerikanskoy Programmy “Soyuz–Apollo” (EPAS)* [M.V. Keldysh as an Organiser of International Cooperation in Space and the First Soviet-American Soyuz–Apollo Program (EPAS)]. — URL: http://conf.nsc.ru/files/conferences/tcmiip2011/89851/sushkev2_iki.pdf

Tombarge P.A. NATO Space Operations. — URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/occasional-papers/nato-space-operations-0>

USIA Office of Research Analysis. Impact of U.S. and Soviet Space Programs on World Opinion. A Summary Assessment. — URL: <https://www.nasa.gov/history/sputnik/july59.html>

Wall M. The Moon and the Man at 50. Why JFK’s Space Exploration Speech Still Resonates. — URL: <https://www.space.com/11774-jfk-speech-moon-exploration-kennedy-congress-50years.html>

Whalen D.J. Billion Dollar Technology: A Short Historical Overview of the Origins of Communications Satellite Technology, 1945–1965. — URL: <https://www.hq.nasa.gov/pao/History/SP-217/ch9.htm#:~:text=In%20the%20words%20of%20historian,than%20on%20other%20satellite%20applications>

Поступила в редакцию
30 мая 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-167-176

К.В. Минкова

**«ПУТЬ К МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ ИЗОБИЛИЯ»
И ПРЕЗИДЕНТСТВО Л. ДЖОНСОНА**

K.V. Minkova

**“A PATH TO A WORLD ECONOMY OF ABUNDANCE”
AND L. JOHNSON’S PRESIDENCY**

Аннотация. Статья представляет собой расширенную рецензию на недавно вышедшую в свет монографию томского ученого О.Г. Лекаренко «Европейская политика США в годы президентства Л. Джонсона (1963–1969 гг.)» (Томск: Издательство Томского государственного университета, 2023). Автор рецензии в целом следует структуре монографии, последовательно комментируя подготовку, проведение и завершение так называемого раунда Кеннеди (1964–1967 гг.) в рамках переговоров по Генеральному соглашению по тарифам и торговле. По политическим и экономическим последствиям раунд Кеннеди стал одним из ключевых в плане поступательного движения стран мира к либерализации международной торговли. Рассматриваются и другие события, оказавшие значительное влияние на ход переговоров, — кризис в НАТО, выработка принципов Общей сельскохозяйственной политики Европейского экономического сообщества, политика французского президента Ш. де Голля в отношении расширения и углубления интеграционных процессов в Европе и взаимодействия с США. О.Г. Лекаренко демонстрирует взаимозависимость экономических и политических вопросов, а также роль и место региональных проблем (например, разработки Общей сельскохозяйственной политики стран ЕЭС) в глобальных процессах — эволюции политического доминирования США в Западном полушарии, либерализации международной торговли, регламентации ядерных сил. В заключении автор монографии приходит к выводу, с которым вполне можно согласиться: невзирая на первоначальные попытки

Минкова Кристина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Minkova Kristina Vladimirovna, Doctor in History, Professor, Department of American Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University

k.minkova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-5833-6808

реализовать «Великий проект» Дж. Кеннеди по созданию атлантического партнерства США и Европы, в ходе своего президентства Л. Джонсон переформулировал цель европейской политики США, взяв курс на решение более мелких, но более насущных проблем путем изоляции Ш. де Голля от его европейских союзников. Выжидательная тактика Джонсона принесла свои плоды — переговоры в рамках ГАТТ завершились в целом в пользу США, в НАТО была создана группа ядерного планирования. Впрочем, одну задачу Джонсону решить не удалось: в годы его президентства Великобритания так и не смогла войти в ЕЭС.

Ключевые слова: внешнеэкономическая политика США, Линдон Джонсон, ГАТТ, раунд Кеннеди, Общий рынок, снижение тарифов, американо-европейские отношения, Шарль де Голль

Abstract. The article is an extensive review of the recently published monograph by Tomsk scholar O.G. Lekarenko, *U.S. European Policy during the L. Johnson's Presidency (1963–1969)* (Tomsk: Tomsk State University Press, 2023). The author of the review generally follows the structure of the monograph, commenting consistently on the preparation, conduct and conclusion of the so-called Kennedy Round (1964–1967) within the framework of the negotiations on the General Agreement on Tariffs and Trade. In terms of its political and economic consequences, the Kennedy Round was one of the key events in the world's progressive movement towards the liberalization of international trade. Other events that had a significant impact on the course of the negotiations are also considered, such as the crisis in NATO, the elaboration of the principles of the Common Agricultural Policy of the European Economic Community, the policy of French President de Gaulle regarding the widening and deepening of the integration processes in Europe and interaction with the USA. O.G. Lekarenko demonstrates the interdependence of economic and political issues, as well as the role and place of regional issues (for example, the development of the Common Agricultural Policy of the EEC countries) in global processes, such as the development of political dominance of the USA in the Western Hemisphere, the liberalization of international trade, and the regulation of nuclear forces. In the end, the author of the monograph ultimately arrives at a conclusion with which it is quite possible to agree: despite the initial attempts to implement J. Kennedy's "Great Project" of creating an Atlantic partnership between the USA and Europe, during his presidency Johnson reformulated the goal of the U.S. European policy and adopted a course of solving smaller but more urgent problems by isolating de Gaulle from his European allies. Johnson's approach of waiting and observing the situation proved to be effective, as evidenced by the outcome of the GATT negotiations, which generally favoured the United States. Additionally, the establishment of a nuclear planning group within NATO was a notable development. However, it is important to note that Johnson was unable to resolve another issue, namely that the UK did not accede to the EEC during his presidency.

Keywords: U.S. foreign economic policy, Lyndon Johnson, GATT, Kennedy Round, Common Market, tariff reduction, U.S.-European relations, Charles de Gaulle.

Так называемый раунд Кеннеди (1964–1967 гг.) в рамках переговоров по Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ) по своим политическим и экономическим последствиям стал одним из ключевых в плане поступательного движения стран мира к либерализации международной торговли. На церемонии приведения к присяге нового специального торгового представителя США на торговых переговорах У. Рота в 1967 г. Л. Джонсон заявил, что «соглашение о снижении тарифов между Соединенными Штатами и другими торгующими державами предоставит новые возможности, а стимулирование производства во всем мире откроет путь к мировой экономике изобилия»¹.

В отечественной американистике европейское направление внешней политики Л. Джонсона изучено недостаточно. Работы по внешней политике США этого периода в основном концентрируются вокруг войны во Вьетнаме, оставляя за рамками или обделяя вниманием не менее интересные вопросы — реализацию «Великого проекта» Кеннеди, попытки создания Многосторонних ядерных сил, сложную борьбу между США и Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) в области либерализации международной торговли в рамках ГАТТ, многолетнее противостояние между Конгрессом США и президентом в отношении условий и рамок этой либерализации. С учетом этого можно приветствовать появление труда О.Г. Лекаренко «Европейская политика США в годы президентства Л. Джонсона (1963–1969)», в значительной степени закрывающего обозначенные лакуны.

Автор предлагает весьма необычный подход — президентство Джонсона разделяется на три этапа, непосредственно связанных с проведением раунда Кеннеди в рамках ГАТТ: подготовка к началу раунда переговоров, ход переговоров и их итог. На этом фоне и в этом контексте рассматривается идея создания Многосторонних ядерных сил, проблемы американо-французских отношений, связанные с выходом Франции из военной структуры НАТО, и перипетии европейской экономической интеграции — в частности, вето президента Франции Ш. де Голля на вступление Великобритании в ЕЭС. Источниковую базу составляют личные документы и мемуары Л. Джонсона, документы внешней политики США, материалы слушаний в Конгрессе, воспоминания политических деятелей — участников описываемых событий.

¹ Statement by the President on the Swearing In of William Roth as Special Representative for Trade Negotiations. March 24, 1967 // Public Papers of the Presidents. Lyndon B. Johnson. 1967. Book I. Washington: U.S. Government Printing Office, 1968. P. 394.

В первой главе монографии «Наследие “Великого проекта”» автор рассказывает об особенностях внешней политики Л. Джонсона, сохранившего не только курс, но и команду своего предшественника Дж. Кеннеди. Большое внимание уделяется подготовке раунда Кеннеди в рамках ГАТТ (1964–1967). Автор глубоко анализирует политические и экономические процессы в США, предшествующие началу этого раунда: принятие Закона о расширении торговли 1962 г., назначение специального представителя по торговым переговорам и т.д. (с. 33–36).

Незаслуженно обойденным в этой главе представляется тот контекст, в котором происходила подготовка раунда Кеннеди, — история развития раундов ГАТТ и участие США в деятельности этой структуры до 1964 г. Последний момент особенно важен, если учесть неоднократные попытки США сформировать правила игры для международной многосторонней торговли. Напомним, что первой такой попыткой было создание (по инициативе США) Международной торговой организации (МТО), устав которой был подписан в марте 1948 г. Этот проект не был реализован, так как новый состав Конгресса США отказался ратифицировать Устав МТО. Затем, в 1955 г., опять же с подачи Соединенных Штатов, возник проект создания Организации торгового сотрудничества, однако его постигла та же участь, что и МТО, — противодействие Конгресса². Для периода, исследуемого О.Г. Лекаренко в рецензируемой монографии, описанные выше события важны тем, что именно в их ходе были заложены те процессы, которые она рассматривает в своей работе. К 1963 г., с которого начинается повествование, борьба исполнительной власти США с законодательной властью и крупным бизнесом за наращивание темпов либерализации международной торговли уже имела солидную историю.

Здесь же нужно согласиться с автором в том, что раунд Кеннеди, без сомнения, являющийся наиболее значимым в истории ГАТТ с точки зрения снижения тарифных ограничений, не был прорывным в политическом плане. Например, если в раунде Кеннеди участвовало 48 стран, то в предшествовавшем ему раунде Диллона (1960–1961) — 45 стран, а устав МТО в 1948 г. подписали 53 страны.

К несомненным достоинствам первой главы следует отнести тщательный разбор позиции Европейского экономического сообщества в отношении американских предложений для раунда Кенне-

---

² См.: Минкова К.В. Международная многосторонняя торговля: от античности до ВТО. СПб., 2006. С. 107–121, 127–30.

ди, включая внутренние противоречия в ЕЭС (особенно по линии Франция–Великобритания).

Вторая глава монографии под названием «“Двойной вызов” Ш. де Голля» посвящена планам создания Европейского политического союза и «кризису пустого кресла» в ЕЭС, а также выходу Франции из военной организации НАТО и созданию группы ядерного планирования.

О.Г. Лекаренко совершенно справедливо отмечает «стойкую враждебность де Голля к Соединенным Штатам» (с. 68), к которой добавилась личная антипатия французского президента к Л. Джонсону. Действительно, корни неприязни де Голля к руководству США можно найти в его непростых отношениях с Ф.Д. Рузвельтом в годы Второй мировой войны³. «Капризная невеста» — одно из самых мягких прозвищ, данных французскому политику американским президентом. Куда важнее то, что Рузвельт снабжал британского премьер-министра У. Черчилля добытым американской разведкой компроматом на де Голля, о чем последний, вероятно, узнал и что соответствующим образом оценил⁴.

Впрочем, американская политика де Голля в 1960-е гг. определялась, разумеется, не столько личной подоплекой, сколько целым комплексом военно-политических и экономических причин, первой из которых было стремление французского президента сделать свою страну (пусть и наравне с Западной Германией) ключевой державой европейского континента и минимизировать ее зависимость от Соединенных Штатов.

Автор монографии представляет вниманию читателя весьма примечательную картину: с одной стороны, интересы Франции и США в Европе (прежде всего, создание политической надстройки ЕЭС — Европейского политического союза) совпадали. И Франция, и США выступали за создание сильной Европы. При этом цели сторон были диаметрально противоположными. Если Франция лоббировала идею политического союза ради создания Европы «от Атлантики до Урала» как еще одного влиятельного западного полюса

---

³ Подробнее о де Голле см., например: Ш. де Голль: pro et contra: образы союзников-победителей в культурной памяти о войне 1941–1945 гг.: антология / Сост. Ю.Г. Акимов, К.В. Минкова. СПб., 2015. 1039 с.

⁴ О Черчилле, Рузвельте и де Голле см., например: How Churchill plotted against 'our bitter foe' De Gaulle // *The Guardian*. 2000. January 5. — URL: <https://www.theguardian.com/politics/2000/jan/05/freedomofinformation.uk> (дата обращения 21.04.2024); *Fohlen C. De Gaulle and Franklin D. Roosevelt // FDR and His Contemporaries: Foreign Perceptions of an American President / Ed. by C.A. Minnen & J.F. Sears. London, 2016. P. 33–44.*

и, как следствие, — возможности дистанцирования от Вашингтона, то США сильная Европа нужна была для укрепления атлантического партнерства против советского блока (разумеется, под мудрым руководством Соединенных Штатов). Соответственно, Белому дому серьезно мешала такая одиозная фигура, как де Голль, несколько лет мутивший воду, устраивавший бойкоты важнейших заседаний, блокировавший важные решения и пытавшийся далее развивать интеграционные процессы в Европе с сохранением максимального суверенитета государств.

Споры вокруг Общей сельскохозяйственной политики (ОСП) ЕЭС, возникшие при прямом участии де Голля, не могли не отразиться на эффективности проведения раунда Кеннеди в ГАТТ, так как торговля сельскохозяйственными товарами на протяжении всей истории либерализации международной торговли была весьма болезненным вопросом. Поскольку члены ЕЭС не смогли договориться о базовых принципах ОСП, они не смогли представить свои предложения по сельскому хозяйству в ГАТТ. Это привело к серьезному кризису в ходе переговоров. Кроме того, в этой области сталкивались также интересы США и ЕЭС: первые добивались снижения торговых барьеров, второе — максимальной (в том числе нетарифной) поддержки своих фермеров. Особенно сложным, как верно отмечает автор, был зерновой вопрос: США, как экспортер, были заинтересованы в максимальной свободе торговли и сокращении аграрного протекционизма, а ЕЭС — в сохранении механизма поддержания цен и сокращении зависимости от внешних рынков (с. 95). В рецензируемой монографии очень скрупулезно, буквально по дням, рассматривается ход достижения компромисса по аграрному вопросу в рамках ЕЭС, а затем и обсуждение снижения ограничений на торговлю сельскохозяйственными товарами в рамках ГАТТ.

Личные отношения Л. Джонсона и Ш. де Голля до сих пор изучены недостаточно, хотя представляют немалый интерес⁵. Так, претензии, имевшиеся у Л. Джонсона к Ш. де Голлю, касались не только торгово-экономических вопросов, но и военно-политических. Важнейшей целью США после отказа от создания многосторонних ядерных сил была выработка ядерной стратегии НАТО. В рамках этой стратегии США надеялись оставить за собой право принятия единоличного решения о применении ядерного оружия в Европе. Вышедшая из военной структуры НАТО в 1966 г. Франция отказалась участвовать в обсуждениях этой проблемы. С началом кризиса

---

⁵ Нам известно только об этом специальном исследовании на эту тему: *Brands Jr. H. W. Johnson and de Gaulle: American Diplomacy Sotto Voce // The Historian. 1987. Vol. 49. No. 4. P. 478–493.*

в ЕЭС ужесточилась и политика Франции в отношении НАТО, хотя с точки зрения Вашингтона, как указывает автор, кризис в ЕЭС был более опасен, так как задачи Североатлантического альянса по организации совместной обороны можно было выполнять и без участия Франции (с. 111).

В связи со сложными личными отношениями Джонсона и де Голля весьма интересны рекомендации, подготовленные послом США во Франции Ч. Боленом ранней весной 1964 г. Они начинаются так: «всегда легче говорить о том, чего не следует делать в отношении де Голля, чем о том, что следует». Затем идет утверждение, что на отношение де Голля (к США) и его политику невозможно повлиять при помощи уступок или какого-либо подкупа, поскольку такой шаг лишь убедит его в правильности его взглядов. Американцам следовало избегать уколов и мелких действий, выглядящих так, как будто они вызваны раздражением или плохим настроением. Чрезвычайно любопытно, что последняя рекомендация практически полностью повторяет совет, высказанный в начале 1945 г. послом США в СССР А. Гарриманом применительно к американско-советским отношениям: исходить из принципа *quid pro quo*, т.е. получать «адекватное вознаграждение» за всё, что предоставляется другой стороне. Кроме того, Болен рекомендовал избегать создания видимости того, будто в американско-французских отношениях в целом всё хорошо, а сложности носят поверхностный и незначительный характер⁶.

Ситуация существенно усугубилась к 1967 г., когда тот же Болен сообщил в Вашингтон, что де Голль «утратил ощущение времени и уместности» своих высказываний, подтверждением чему служат его заявления по Вьетнаму, его действия в отношении Общего рынка и его поведение в Канаде (где французский президент призывал к свободе франко-канадской провинции Квебек, мало считаясь с чувствами пригласившего его федерального правительства). По мнению американского посла, де Голль становился всё более равнодушен к тому, как его слова влияют на международную обстановку и общественное мнение во Франции⁷. В общем и целом, с некоторыми поправками на специфику, можно сказать, что Франция в рассматриваемый период причиняла Белому дому не меньшую головную боль, чем Советский Союз.

---

⁶ Reflections on current French foreign policy and attitudes toward the United States and recommendations. Washington, undated (spring 1964) // FRUS. 1964-1968. Vol. 12. United States Government Printing Office Washington, 2001. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12> (дата обращения 12.04.2024).

⁷ Telegram From the Embassy in France to the Department of State. Paris, July 27, 1967 // Ibidem.

Автор монографии обоснованно замечает, что с обоими вызовами — кризисом в ГАТТ и проблемой создания ядерных сил в рамках НАТО — Л. Джонсон справился успешно: благодаря его осторожно-му и взвешенному подходу удалось не только разделить два кризиса, но и разрешить их в пользу США. Торговые переговоры в рамках раунда Кеннеди прошли чрезвычайно успешно, а в рамках НАТО было создана весьма эффективная группа ядерного планирования. Этому отчасти способствовала и проявленная де Голлем инициатива установления личного контакта, переданная в мае 1964 г. через сотрудника госдепартамента, будущего директора Отдела по делам Франции и Бенилюкса Роберта Андерсона⁸.

В третьей главе рецензируемой работы рассматривается завершение раунда Кеннеди в рамках ГАТТ и вторая попытка Великобритании стать членом ЕЭС.

После преодоления кризиса в ГАТТ Джонсон в очередной раз обозначил приоритеты европейской политики США: более сильная, более единая и более открытая Европа — включающая Великобританию и поддерживающая тесные связи с США. Автор отмечает, что при всей важности указанных приоритетов для США Джонсон так и не решился на официальный визит в Европу и личные встречи с европейскими лидерами на их территории. Этот момент весьма интересен и, на наш взгляд, заслуживает более пристального внимания, поскольку отказ от визитов в такой важный для США период европейской истории и развития отношений между США и ЕЭС был, очевидно, вызван целым комплексом явных и скрытых причин.

С возобновлением работы пленарной сессии раунда Кеннеди вновь наглядно продемонстрировавшей наличие сложно разрешимых разногласий в позициях США и стран Общего рынка по целому комплексу вопросов, обострились и противоречия между Конгрессом и исполнительной властью США в отношении принципов либерализации международной торговли. Несимметричность предложений США и ЕЭС по торговле сельскохозяйственными товарами всколыхнули не только Конгресс, но и объединения фермеров, Национальный совет по экспорту фруктов и другие организации. В монографии О.Г. Лекаренко показано, как по мере нарастания напряженности внутри США и прохождения малоуспешных переговоров с европейскими странами американцы начали отказываться от политических целей раунда Кеннеди. Идея партнерства между США и объединенной Европой уступила место исключительно прагматичной торговой сделке.

---

⁸ Memorandum From the President's Special Assistant for National Security Affairs (Bundy) to President Johnson. Washington, June 1, 1964 // Ibidem.

Интересно, что в целях быстрее и максимально эффективного завершения переговоров в рамках ГАТТ Джонсон отказался от правительственного комитета по торговле, ведавшего этими вопросами, в пользу небольшой оперативной группы, подчинявшейся непосредственно ему. В этой связи нельзя не провести исторические параллели между этим шагом и некоторыми действиями Ф.Д. Рузвельта, направленными на усиление президентского контроля в критически важных для исполнительной власти вопросах (при наличии, разумеется, расширенных полномочий президента в соответствующих областях).

Подробно описывая успехи и провалы американской стороны в итоговых решениях раунда Кеннеди, О.Г. Лекаренко отмечает, что этот раунд, с одной стороны, способствовал развитию европейской интеграции, так как необходимость отстаивать общие интересы стран (членов как ЕЭС, так и Европейской ассоциации свободной торговли) служила их сплочению. С другой же стороны, по окончании этого раунда ЕЭС оформилось как внушительный и эффективный экономический соперник США. Таким образом, в известной степени Вашингтон, как и намеревался, способствовал сплочению Европы, но при этом его мечта об объединенном либеральном Западе под предводительством США оставалась недостигнутой.

Что касается Великобритании, то повторный провал попытки ее вступления в ЕЭС стал для США чувствительной неудачей, поскольку, как отмечает автор монографии, став полноправным членом единой Европы, она могла бы более эффективно помочь США в разрешении кризиса в НАТО.

В рассматриваемой работе поднимаются и другие вопросы, также весьма важные для получения наиболее объективного представления о европейской политике Джонсона: закулисные интриги США с целью поспособствовать принятию Великобританией в ЕЭС, проблемы роста дефицита американского платежного баланса в результате дальнейшего развития европейской интеграции и т.д.

В заключение отметим, что монография О.Г. Лекаренко «Европейская политика США в годы президентства Л. Джонсона (1963–1969 гг.)» вносит значительный вклад в российскую историческую науку. Она закрывает ряд лакун в отечественной американистике, а также истории экономики и международной торговли. Эта работа, несомненно, вызовет большой интерес ученых и студентов и поэтому может быть рекомендована для внесения в списки обязательной литературы по ряду исторических и экономических курсов в учебных заведениях нашей страны.

References

Brands Jr. H.W. Johnson and de Gaulle: American Diplomacy Sotto Voce // *The Historian*. 1987. Vol. 49. N 4. P. 478–493.

Ch. de Gaulle: pro et contra: obrazy soyuznikov-pobediteley v kul'turnoy pamyati o voyne 1941–1945 gg.: antologiya [Ch. de Gaulle: *pro et contra: Images of the Victorious Allies in the Cultural Memory of the War of 1941–1945: An Anthology*] / Ed. by L.K. Bogatyrev; comp., intr., comm. by Yu.G. Akimov, K.V. Minkova. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2015. 1039 p.

Fohlen C. De Gaulle and Franklin D. Roosevelt // *FDR and His Contemporaries: Foreign Perceptions of an American President* / Ed. by C.A. Minnen & J.F. Sears. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 33–44.

Minkova K.V. *Mezhdunarodnaya mnogostoronnyaya trgovlya: ot antichnosti do VTO* [International Multilateral Trade: From Antiquity to the WTO]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 312 p.

Поступила в редакцию
16 февраля 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-177-206

Т.В. Юденкова

**КОЛЛЕКЦИЯ И.А. МОРОЗОВА:
РУССКИЙ КОНТЕКСТ И ПУТИ
РУССКОГО ИСКУССТВА**

T.V. Yudenkova

**I.A. MOROZOV'S ART COLLECTION:
THE RUSSIAN CONTEXT AND THE WAYS
OF RUSSIAN ART**

Аннотация. В истории русской художественной культуры Иван Морозов занял место одного из ведущих коллекционеров современного французского и русского искусства. Влияние его коллекции на дальнейшие пути развития русского искусства, прежде всего на поколение молодых авангардистов, сегодня трудно переоценить. Тем не менее, осознание значимости коллекции и роли коллекционера в истории российской культуры проходило крайне медленно. Период фактического погружения И.А. Морозова в европейский художественный рынок длился около десяти лет, с 1903 г. Он начал со «спокойных» импрессионистических полотен, а завершил знаменательными приобретениями 1913 г. — двумя произведениями П. Пикассо. Собираение И.А. Морозовым главных произведений французского нового искусства развивалось в обстоятельствах отторжения этой живописи подавляющим большинством общественности. Современное европейское искусство в России воспринималось как результат упадка и вырождения. В этих условиях пропаганда живописи импрессионистов, постимпрессионистов, кубистов, фовистов, немецких экспрессионистов и т.д. на рубеже XIX–XX вв. представлялась весьма актуальной. В нее активно включились художественные журналы, они же оказали влияние и на развитие коллекционирования в России. На период 1906–1912 гг. приходится наиболее активная фаза коллекционирования Морозовым французских

Юденкова Татьяна Витальевна, доктор искусствоведения, заведующая отделом живописи второй половины XIX — начала XX века Государственной Третьяковской галереи, главный научный сотрудник НИИ Российской Академии художеств

Yudenkova Tatyana Vitalievna, Doctor in Art History and Criticism, Head, Department of Painting of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries, The State Tretyakov Gallery; Leading Research Fellow, Research Institute, Russian Academy of Arts

udenkovatv@mail.ru

ORCID: 0009-0006-8816-0130

авангардистов, называемых сегодня постимпрессионистами, которые и оказали самое непосредственное влияние на судьбы русского радикального искусства. В эти же годы Морозов совершает ряд приобретений русского искусства, важных для его будущего развития: от произведений нежно-символистских представителей объединения «Голубая Роза» до наивно-примитивистских картин Ларионова и Гончаровой. В коллекции Морозова картины русских художников превосходили по численности произведения французских почти в два раза. Тем не менее, ему удалось продемонстрировать уже в 1910-х гг. диалог искусства двух стран. Не менее важными сегодня представляются проблемы влияния морозовской коллекции на отечественную живопись, — влияний, связанных в том числе с ее доступностью для художников.

Ключевые слова: московские коллекционеры, новейшая французская живопись, русская живопись рубежа XIX–XX веков, история коллекционирования, диалог французского и русского искусства, авангард.

Abstract. In the context of Russian art culture, Ivan Morozov occupies a position of distinction as a prominent collector of contemporary French and Russian art. The influence of his collection on the subsequent development of Russian art, most notably on the generation of young avant-garde artists, is indisputable in the present day. However, it was not until relatively recently that the full significance of the collection and the role of I.A. Morozov in the history of Russian culture was fully recognized. The period of Morozov's immersion in the European art market, spanning approximately ten years from 1903, is of particular interest. Initially, he acquired "quiet" Impressionist canvases, and by 1913, his collection had grown to include significant works by P. Picasso. It is notable that Morozov's collection of major works of French new art developed at a time when the vast majority of the public rejected this painting. Modern European art was perceived in Russia as a result of decadence and degeneration. Consequently, the promotion of the works of Impressionists, Post-Impressionists, Cubists, Fauvists, and German Expressionists at the turn of the 19th and 20th centuries appeared highly pertinent. Art magazines played an instrumental role in this movement, shaping the development of collecting in Russia. The most prolific phase of Morozov's collecting of French avant-garde artists, now categorized as Post-Impressionists, occurred between 1906 and 1912. These artists exerted a profound and direct influence on Russian radical art. During this period, Morozov acquired works that would prove to be pivotal in shaping the future trajectory of Russian art. These acquisitions included pieces by the delicately Symbolist representatives of the Blue Rose association, as well as the naïve primitivist works of Larionov and Goncharova. A notable aspect of Morozov's collection was the preponderance of Russian artworks over French masterpieces, with a ratio of approximately two to one. Notwithstanding, he was able to demonstrate, as early as the 1910s, a dialogue between the art of the two countries. In the contemporary context, the implications of the Morozov Collection on Russian painting are of equal significance. This influence is attributable to its accessibility to artists, among other factors.

Keywords: Moscow collectors, contemporary French paintings, Russian paintings at the turn of the 19th and 20th centuries, history of collecting, dialogue between French and Russian art, Avant-garde.

Иван Абрамович Морозов (1871–1921) принадлежал к знаменитой династии Морозовых, представлявшей ту, самую просвещенную, часть московского купечества, которая способствовала расцвету культуры Серебряного века на рубеже XIX–XX вв.¹ Наравне с известнейшими семейными кланами (Мамонтовы, Хлудовы, Боткины, Найденовы, Сапожниковы, Алексеевы, Третьяковы, Щукины, Остроуховы и др.) они осваивали новые сферы жизни: промышленность, банковское дело, просвещение, строительство, благотворительность, внедряли достижения европейской культуры, сохраняя живую связь с «почвой», с московскими корнями.

Иван Морозов окончил факультет естественных наук Высшей политехнической школы в Цюрихе (учился в 1891–1895 гг.). С середины 1890-х он берет на себя полномочия директора-распорядителя Товарищества Тверской мануфактуры, входит в круг ведущих российских предпринимателей и фабрикантов, становится известен как видный благотворитель, щедрый жертвователь и меценат искусства. В истории русской художественной культуры он занял место одного из лидеров в деле коллекционирования новейшего французского и русского искусства, ведущего коллекционера эпохи. Как большинство отечественных коллекционеров, он начал собирать с русского искусства и впоследствии, не отказавшись от него, увлекся коллекционированием западного. При этом он поддерживал русских художников и скульпторов, соединяя в одном пространстве своего особняка две коллекции искусства, позволяя тем самым им взаимодействовать и вступать в диалог. В 1900 г. он купил особняк на ул. Пречистенка, 21, в 1905 г. занялся его перестройкой, здесь он и разместил свою коллекцию.

Период собирательства Ивана Морозова был довольно коротким. Словно принимая эстафету от старшего брата Михаила, умершего в 1903 г., он успел вместе с братом посетить Париж в том же в 1903 г., обзавестись ценными контактами галеристов и маршанов и приступить к коллекционированию. С началом Первой мировой войны прекратились живые контакты России с европейским миром. Русские коллекционеры оказались отрезаны от западного художественного рынка. Тем не менее Иван Абрамович успел создать уникальную коллекцию европейского и русского искусства, выступив, по существу, первооткрывателем новейшего французского искусства

¹ См.: Юденкова Т.В. Михаил и Иван Морозовы — коллекционеры русского искусства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. №.6. С. 171–190.

наравне со своим современником-единомышленником, московским предпринимателем Сергеем Шукиным. Стоит напомнить, что его брат Михаил Морозов привез в Россию первого Клода Моне, Эдуарда Мане, Ван Гога, Гогена, Мунка и др.

По невероятному количеству знаковых шедевров мирового уровня («Портрет Жанны Самари» (1877, ГМИИ) и «Девушка с веером» (1881, ГЭ) О. Ренуара, «Курильщик» (ок. 1895), и «Большая сосна близ Экса» (1896, обе — ГЭ) П. Сезанна, «Прогулка заключенных» (1890) и «Красные виноградники в Арле. Монмажур» (1888, обе — ГМИИ) В. Ван Гога, его же «Кафе в Арле» (1888, Художественная галерея Йельского университета, Нью-Хейвен), «Великий Будда» (1899, ГМИИ) П. Гогена, «Девочка на шаре» (1905, ГМИИ) П. Пикассо и мн. др.) собрание Ивана Морозова по праву спорит с ведущими галереями Франции и США и являет прозорливость и смелость выбора московского купца, высокоразвитый художественный вкус и независимость, а также еще раз подчеркивает широту русского характера, в котором неожиданным образом обнаружилась восприимчивость к французской рафинированности. Но, пожалуй, самое главное — состав коллекции обнаружил взгляд, направленный в будущее, и потому ее влияние на дальнейшие пути русского искусства, прежде всего на поколение молодых авангардистов, сегодня трудно переоценить.

Между тем осознание значимости коллекций и роли коллекционеров в истории российской культуры проходило крайне медленно. Первые скромные выставки произведений из знаменитых коллекций состоялись в СССР лишь в 1960-е гг. К сожалению, заслуженное признание их деятельность получила только в последнее время, по существу — благодаря крупнейшим выставочным проектам, организованным во Франции и России (2016–2022)². Разумеется, им предшествовало фундаментальное изучение коллекций, проведенное музейщиками³ и архивистами, также виднейшими специалистами Москвы и Петербурга, назовем старейших: А.А. Демс-

---

² «Иконы модернизма. Собрание Шукина» (Фонд «Луи Виттон», Париж, 2016); «Шукин. Биография коллекции», (ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва, 2019); «Братья Морозовы. Великие русские коллекционеры» (ГЭ, С.-Петербург, 2019); «Коллекции Морозовых. Шедевры живописи» (Фонд Луи Виттон, Париж, 2021); «Брат Иван. Коллекции Михаила и Ивана Морозовых» (ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва, 2022), «Рождение современного искусства. Выбор Сергея Шукина» (ГЭ, С.-Петербург, 2022).

³ Рождение современного искусства: выбор Сергея Шукина. Каталог выставки. СПб., 2022; Брат Иван. Коллекции Михаила и Ивана Морозовых: путеводитель по выставке. М., 2022; Петухов А. Иван Морозов на парижских салонах начала XX века. История коллекции. М., 2022.

кую⁴, Н.В. Яворскую⁵, А.Г. Костеневича⁶, М.А. Бессонову⁷, Н.Ю. Семенову⁸, создавших первые исследования о главных московских коллекционерах рубежа XIX–XX столетий.

Часто можно услышать вопрос: что способствовало формированию такой блестящей коллекции Ивана Абрамовича?

Прежде всего — его личные качества. Все мемуаристы отмечали основательность характера, деловитость, сдержанность⁹. За что бы он ни брался, он всегда погружался глубоко и серьезно в изучение предмета. Он искренне любил свое предприятие, свой бизнес, готов был ему отдаться сполна. Именно при нем, в 1904–1916 гг., семейный капитал вырос в три раза¹⁰.

Занятия живописью в молодости не прошли даром для обстоятельного характера будущего коллекционера, он занимался вместе с братом и потом всегда с удовольствием вспоминал о поездках на пленэр¹¹. Напомним, что одним из преподавателей был молодой Константин Коровин, тесное общение с которым было продолжено в последующие годы. Разумеется, полученная «прививка к живописи» отразилась на понимании законов развития искусства, воспитала эстетический вкус и живой интерес к современному художественному процессу.

В сфере коллекционирования Иван проявлял ту же серьезность, что в производственных делах, ему требовалось время для принятия решения о покупке той или иной картины, о чем не раз упоминали современники. Сергей Маковский отмечал самостоятельность вы-

---

⁴ Демская А.А. С.И. Шукин и история его собрания // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1970 год. М., 1971. С. 20; Она же. К истории собирательской деятельности И.А. Морозова // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1972 год. М., 1973. С. 18–19.

⁵ Яворская Н.В. История Государственного музея нового западного искусства (Москва). 1918–1948. М., 2012.

⁶ Костеневич А. Искусство Франции. 1860–1950. Живопись. Рисунок. Скульптура. Государственный Эрмитаж. В 2 т. СПб., 2008.

⁷ Бессонова М. А., Георгиевская Е. Б. Франция второй половины XIX–XX века. Собрание живописи. М., 2001.

⁸ Семёнова Н.Ю. Сергей Шукин и его коллекция. М., 2017; Она же. Михаил и Иван Морозовы. Коллекция. М., 2018.

⁹ Варвара Алексеевна Морозова. На благо просвещения Москвы. В 2 т. Т. 2. М., 2008. С. 398.

¹⁰ Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. Иллюстрированный биографический словарь. М., 1997. С. 216.

¹¹ Борис Терновец считал, что «раннее общение с природой зародило исключительную любовь и понимание пейзажной живописи, которые ... скажутся впоследствии на составе его собрания» (Варвара Алексеевна Морозова... Т. 2. С. 400).

бора, закрытость от посторонних влияний¹² владельца коллекции, которому удалось собрать произведения высокого качества — уникальные собрания Боннара, Тогена, Сезанна и др., которому позавидовали бы крупнейшие европейские музеи. Его приобретения носили неслучайный характер, отличались системным подходом, продуманностью наперед, его выделяла неторопливость и последовательность в освоении современного искусства.

Эстетические предпочтения И. Морозова претерпели логичную и заметную эволюцию. В этом смысле симптоматично сказанное о нем с большим уважением Игорем Грабарем: «...начал скромно, покупая сначала “смирные” вещи и только постепенно переходя к более решительным новаторам. Сперва он покупал только русских, перейдя к французам довольно поздно...»¹³. Обдуманность и взвешенность при принятии решений были частью его натуры, он не бросался словами и обещаниями. Когда Грабарь, будучи попечителем Третьяковской галереи, попросил Ивана Морозова войти в ее Совет, тот «решительно отказался, ибо почестей не любил, а полезным себя для галереи не считал. ... убедить его не удалось»¹⁴.

Маргарита Морозова, вдова умершего старшего брата, считала, что коллекционирование для Ивана составляло досуг, позволяло отдыхать от ежедневных предпринимательских забот. Это мнение подтверждает его друг молодости Юрий Бахрушин: «Морозов любил жизнь и умел жить. Его картины не превратили его в скупого рыцаря, он не отказывался ни от посещения театров, ни от поездок на курорт, ни от посещения своих знакомых, от появления в ресторанах»¹⁵. В то же время М.К. Морозова называет Ивана Абрамовича «убежденным консерватором»¹⁶. Сегодня эта характеристика вызывает некоторое недоумение. Думается, что многие черты, приписываемые ему современниками в мемуарной литературе, едва ли выдерживают испытание временем.

«Чуждый страстности Щукина, вносящий всегда осторожность и строгость выбора, боящийся резкостей, всего неустановившегося и борющегося, Морозов предпочитал мирные поиски... скитальческому темпераменту Щукина...»¹⁷, — отмечал Б.Н. Терновец, исто-

---

¹² *Маковский С.* Французские художники из собрания И.А. Морозова // Аполлон. 1912. № 3-4. С. 5.

¹³ *Грабарь И.Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М., 2001. С. 241.

¹⁴ Там же. С. 242.

¹⁵ Цит. по: *Собрание Морозовых. Шедевры живописи. Каталог выставки / Автор и сост. А. Балдассари. Фонд Louis Vuitton. Париж, 2021. С. 432.*

¹⁶ *Варвара Алексеевна Морозова...* Т. 2. С. 398.

¹⁷ *Терновец Б.Н.* Письма. Дневники Статьи. М., 1977. С. 119.

рик искусства и один из первых директоров Государственного музея нового западного искусства (ГМНЗИ), основу которого составили объединенные коллекции Щукина и Морозова после их национализации.

Хорошее владение иностранными языками, полученное И. Морозовым во время обучения за границей, не только оказало ему большую помощь при общении с профессиональной средой, но и помогло собрать прекрасную библиотеку — общие труды по истории искусства, монографии, художественные журналы. Каталоги выставок на русском, французском, немецком, английском языках¹⁸, которые он, несомненно, пристально изучал. В ГМИИ имеется 45 каталогов парижских Салонов 1890–1913 гг.¹⁹ из собрания коллекционера, и что особенно ценно для историков искусства, они хранят сделанные И.А. Морозовым карандашные заметки, которые позволили куратору выставки в ГМИИ «Брат Иван. Коллекции Михаила и Ивана Морозовых» А.В. Петухову впервые их проанализировать: в период с 1906 по 1910 г. Морозов достаточно быстро освоил художественный рынок Парижа. Его система оценок, зафиксированная для себя в этих каталогах, выглядит продуманной и математически стройной (недаром он учился в Высшей политехнической школе в Цюрихе, на факультете естественных наук): немногие избранные произведения удастаивались записи «куплено» или «хорошо», чаще можно увидеть «недурно», «неважно», «так себе», «как всегда» и даже — «плохо». Ко многим картинам можно встретить весьма «говорящий» комментарий: «посмотреть, подождать», раскрывающий позицию коллекционера, взвешенность и обстоятельность его характера, но также и ценностный подход. К началу 1910-х гг. Морозов перестал делать заметки в каталогах — его тактика, взгляды и приемы собирательства определились, по заключению А.В. Петухова, «глаз уже безошибочно выделял шедевры, а коллекционер полностью перешел к точечным покупкам и заказам у художников и торговцев картинами»²⁰.

Иван Морозов окружил себя широким кругом знакомых из профессиональной среды, со многими из них он состоял в деловой переписке. Приступив к коллекционированию, он тесно общался с избранным кругом русских художников. Начало общению было положено еще при жизни брата Михаила в его особняке на Смолен-

---

¹⁸ Брат Иван: Коллекции.... С. 38. В фонде ГМНЗИ числилось 423 экземпляра, однако не все они сегодня находятся в библиотеке ГМИИ, часть из них была отправлена в библиотеки других художественных музеев.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ Петухов А. Указ. соч. С. 11.

ском бульваре, в котором на «морозовских» воскресных завтраках, начиная с 1893–1894 гг., собиралась компания живописцев, определявших в тот период пути дальнейшего развития отечественного искусства (К.А. Коровин, В.А. Серов, М.А. Врубель, С.А. Виноградов и др.). Иван Абрамович бывал на этих знаменитых собраниях, которые давали живое непосредственное общение, ставшее плодотворной питательной средой для формирования интересов коллекционера, его эстетических пристрастий. По-видимому, тогда он успел вкусить прелесть «приобретательства», переняв по наследству «бациллу коллекционирования».

Не только русские и французские художники, но и европейские галеристы и арт-дилеры советовали ему приобрести то или иное произведение, порой оказывали влияние, а иногда, как водится, и «давление» на собирателя. Архив ГМИИ хранит счета на приобретенные картины от разных торговцев, среди них самые громкие имена — Дюран-Рюэль, Воллар, Дрюэ, Канвейлер и другие, с которыми Иван Морозов поддерживал контакты²¹. В литературе встречается достаточно «взаимоисключающих» историй, когда одни мемуаристы приводят примеры собственных «успешных советов» по приобретениям коллекционера, а другие упоминают случаи несогласия Морозова со своими «нашептывателями» (выражение А. Эфрос). Также есть указания на отказы²², правда, немногие, от собственных покупок, их он отсылал обратно в Париж.

Начало коллекции было положено произведениями русского искусства. Обычно, если нет достоверных указаний от самого коллекционера, первую покупку определяют по дате квитанции или самому раннему упоминанию в письмах. Так, первое приобретение Ивана Морозова отсылает к 1891 г.²³, к покупке на передвижной выставке пейзажа «Зима»²⁴ малоизвестного ныне мастера А.П. Левченко. Это своего рода первая проба до момента понимания начинающим коллекционером своих истинных собирательских устремлений и задач. В настоящее время местонахождение работы неизвестно, не исключено, что она была «удалена» еще при жизни владельца.

Коллекционирование Сергея Шукина также естественно началось с русской живописи, но, приступив к собиранию европейского

²¹ Личный архив Ивана Морозова не сохранился, а возможно и был уничтожен самим владельцем перед эмиграцией в 1919 г.

²² Брат Иван: Коллекции... С. 41.

²³ Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С.15. В то же время Б.Н. Терновец указал дату начала коллекции — 1900 г. (Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. С. 107). В другом месте в той же статье Терновец пишет, что И.А. Морозов начал собирать с начала 1890-х (Там же. С. 118).

²⁴ ОР ГТГ. Ф. 9. Ед. хр. 871.

искусства, он полностью отказался от русского. Иван Морозов коллекционирование русских мастеров не оставил, напротив, продолжил, и — следует подчеркнуть — процесс формирования коллекций французской и русской живописи происходил параллельно.

В последнюю для Михаила поездку во Францию весной 1903 г. (осенью Михаил ушел из жизни) Иван посетил в Париже Салон Независимых и Салон Национального Общества изящных искусств, отличавшийся определенным консерватизмом. Тогда же, по-видимому, состоялись знакомства со многими маршанами: «...под влиянием его [старшего брата] кончины у Ивана Абрамовича формируется решение продолжить начатое братом собирательство французской живописи. С этого момента начинаются ежегодные поездки в Париж для систематического ознакомления с выставками; рамки приобретения расширяются, И.А. Морозов как бы ведет дальше любимое дело брата, связь и преемственность обеих коллекций он всегда живо чувствовал и любил на нее указывать»²⁵. Все последующие годы вплоть до начала Первой мировой войны Иван каждый год отправлялся в Париж, навещая не только знакомых арт-диллеров, но и посещая знаменитые Осенние салоны, которые в ту пору проходили сначала в Пти Пале, затем переместились в Гран Пале. «Боевой лабораторией Европы»²⁶ называли тогда, в начале XX в., парижские салоны, где получал вдохновение Иван Морозов.

Период фактического погружения Морозова в европейский рынок длился около десяти лет — с 1903 по 1913 г. Он открывает себя покупкой спокойного и мягкого по цветовому решению импрессионистического пейзажа А. Сислея («Мороз в Лувесьенне», 1873, ГМИИ, приобретено в 1903) и первого шедевра, купленного Иваном Абрамовичем, погрудного «Портрета актрисы Жанны Самари» работы О. Ренуара (1877, ГМИИ, приобретено в 1904). А завершается знаменательными приобретениями 1913 г. — двумя произведениями П. Пикассо: одним из лучших произведений «розового» периода «Девочка на шаре» (1905) и кубистическим «Портретом Амбруаза Воллара» (1909–1910, обе — ГМИИ). Появление в коллекции знаковых произведений Пикассо стало более чем симптоматичным для осмысления роли мастера в истории искусства XX в.

Логика столь быстрой эволюции вкусов от Сислея и Ренуара к Пикассо продолжает удивлять и сегодня, в особенности с учетом специфики художественной жизни в России.

---

²⁵ Терновец Б.Н. Письма. Дневники Статьи. С. 108.

²⁶ Петров-Водкин К.С. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. М., 1982. С. 606.

До сих пор в искусствоведческой литературе, посвященной Морозовым, исследовательское внимание, разумеется, приковано к коллекционированию французской живописи²⁷, как обозначившей главный вектор развития мирового искусства, начиная с 1870-х — импрессионизм, неоимпрессионизм (дивизионизм, пуантилизм), постимпрессионизм, фовизм, кубизм и т.д. До сих пор среди специалистов по многим вопросам не достигнуто единодушия, в том числе в терминах, подходах и методах изучения, исследователи продолжают спорить, к какому из направлений относится тот или иной художник, существует множество определений и интерпретаций.

В России, еще более чем в Европе, собрание И.А. Морозовым главных произведений французского искусства развивалось в обстановке непризнания и отторжения этой живописи подавляющим большинством общественности. Ранее на эти процессы, в особенности на «русский контекст», обращали мало внимания. Уровень осведомленности российской публики о современном европейском искусстве был крайне низок. «В широких кругах русского общества до сих пор еще держится взгляд на новое искусство, как на искусство *декадентское*, как на продукт упадка и вырождения, симптом “болезни духа”»²⁸.

Пропаганда современного европейского искусства (импрессионистов, постимпрессионистов, кубистов, фовистов, немецких экспрессионистов и т.д.) на рубеже XIX–XX вв. среди широкой публики представлялась весьма актуальной. В нее активно включились художественные журналы, они же оказали влияние, в том числе, и на развитие коллекционирования в России. Эту политику разработал Сергей Дягилев, возглавивший петербургское объединение «Мир искусства». Он развивал широкие художественные связи России и Европы. Его стратегию органично продолжили крупнейшие издания Серебряного века — «Искусство» (выходил в течение одного 1905 г., во втором номере (февраль) были опубликованы репродукции картин из коллекции С.И. Щукина — К. Моне, П. Боннар, Э. Вюйар, П. Гоген)²⁹, «Весы» с его «западнической ориентацией», «Золотое руно» издателя Н.П. Рябушинского, и наконец, «Аполлон», главным

---

²⁷ Тугендхольд Я. Пейзаж в французской живописи. СПб., [1911]; *Маковский С.* Указ. соч.; *Эфрос А.* Человек с поправкой. Памяти И.А. Морозова // Среди коллекционеров. 1920. № 10; *Терновец Б.Н.* Собиратели и антиквары прошлого // Среди коллекционеров. 1921. № 10; *Яворская Н.В.* Указ. соч.

²⁸ Тугендхольд Я. Французское искусство и его представители. (Сборник статей). СПб., 1911. С. 3.

²⁹ Искусство: журнал художественный и художественно-критический. 1905. № 2. С. 13.

редактором, которого выступил С.К. Маковский. Последний опубликовал каталог собрания французской живописи И.А. Морозова. Все они сыграли определенную роль в профессиональном (формально-живописном) просветительстве, также в формировании модерна и символизма, но, несомненно, способствовали и первым экспериментам авангардистов. В журналах этого времени публиковались статьи, в которых был обозначен вектор на обретение новых эстетических и философско-духовных ориентиров. Они же участвовали в становлении художественного самосознания культуры и искусства той поры. При журналах организовывались выставки, которые Иван Абрамович часто посещал и иногда покупал русскую и даже французскую живопись. Самое знаменательное, пожалуй, приобретение состоялось в 1908 г. на выставке «Салон Золотого Руна», когда Морозов купил «Ночное кафе» (1888) Ван Гога³⁰.

Коллекционер игнорировал насмешливое отношение подавляющей части европейской публики к новейшему французскому искусству, а также — и его более жесткое и стойкое неприятие в России. Он опирался на свой личный вкус, который постепенно сформировался благодаря углубленному и интенсивному самообразованию в сфере истории искусства. Это впоследствии, спустя годы искусство постимпрессионистов, фовистов, кубистов и многих художников этого времени стали принимать как истинно революционное, а тогда для современников, по образному определению К.С. Петрова-Водкина, оно выглядело в лучшем случае «диковинами» даже для французского вкуса, и тем более для русского, всегда более консервативного. Весьма характерно признание начинающего живописца: «Ведь Матисс, Пикассо и Ван Гог и для нас, специалистов, были тогда неожиданными, и мы-то с трудом и с руганью разбирались в них». Будучи в ту пору учеником Московского училища живописи, ваяния и зодчества, он вспоминал о «безразборном» влиянии на молодежь позднейшей модернистской французской живописи: «Зараза шла со Знаменского переуллка, от Щукина»³¹.

В этом смысле подвижки в системе ценностей такого тонкого знатока живописи и авторитетного критика, как мирискусник А.Н. Бенуа, на рубеже XX столетия представляют яркий пример сложного «эстетического распутья». К тому же он принадлежал к тому же поколению, что и Морозов. Так, в середине 1890-х гг. познакомившись с полотнами Гогена и Ван Гога, Бенуа признался: «Сказать, что всё дрянь, будет неверно, но что всё довольно слабо — это так!..

---

³⁰ В 1933 г. выдано через контору «Антиквариат» Наркомторга СССР, ныне хранится в Художественной галерее Йельского университета (Нью-Хэйвен, США).

³¹ *Петров-Водкин К.С. Указ. соч. С. 366.*

Раз выставлял там Гоген свои Таитские “этюды”. Вот приблизительно образчик... вода зеленая, песок желтый, небо красное, трава коричневая, гора лиловая, женщина желтая. Очень мило и весело. Я сначала подумал, что он хотел передать Таити с наивным пониманием туземца, но нет, оказывается... он бретонскую деревню отражает с такой же примитивностью. Но, может быть, он желает передать бретонскую деревню с наивным пониманием бретонского мужика? Быть может, в этом будущее? Другой раз выставлял другой — прославленный Ван Гог голландец *jeune* [молодой, *франц.*]. Он умеет рисовать и даже довольно ловко, но картины и почти все этюды — шаржи и не остроумные»³². Спустя 10 лет он же более осторожно высказывался относительно искусства Гогена: «Хотя запад и гнил, однако ... Я, наконец, оценил Гогена и, хотя его в свой Олимп еще не помешаю, однако, снимаю шляпу и люблю его»³³.

Спустя полтора десятилетия для А.Н. Бенуа участники знаменитого триумvirата «Сезанн, Гоген, Ван Гог» стали признанными классиками французского искусства, и он уже пытался разобраться в живописи Пикассо, оценив его кубистические произведения как выражение «новой эры искусства»³⁴. «Страшно в новом искусстве не то, что оно “чудит”, созидавая чудовищ, а страшно то, что оно забирается куда-то в тайные и очень опасные места, не зная, во имя чье оно это делает, не задаваясь даже вопросом о своем конечном смысле...»³⁵, — делился с читателями историк искусства. В том же 1913 г., когда Морозов сделал свои два приобретения Пикассо, Бенуа все еще не принимал этого испанца, называя его «еретиком», а творчество художника — «кошмарной абракадаброй»³⁶. Признавшись, что картины Пикассо его «по-прежнему смущают», он, тем не менее, констатировал, что его произведения находятся в «пределах искусства»³⁷. Размышления над природой творчества Пикассо он продолжит в эмиграции в 1930-е гг., оценивая разные подходы к искусству в XX столетии, но в целом продолжая дистанцироваться от искусства признанного мэтра³⁸.

---

³² Константин Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 441.

³³ ОР ГТГ. Ф. 106. Ед. хр. 21. Л. 5.4.

³⁴ Бенуа А. Московские впечатления. II // Речь. 1911. 4 (17) февраля. С. 2.

³⁵ Цит. по: *Доронченков И.А.* Пикассо в России в 1910-е — начале 1920-х годов. К истории восприятия // Пикассо сегодня: Коллективная монография. М., 2016. С. 121.

³⁶ Бенуа А.Н. Дневник художника // Речь. 1913. 21 октября.

³⁷ Там же.

³⁸ Бенуа А.Н. Выставка Пикассо // Бенуа А.Н. Художественные письма. 1930–1936. М., 1997. С. 109–113.

Тем временем С.И. Шукин, увлекшись Пикассо, начал его коллекционировать с 1909 г. и за пять лет приобрел около 50 произведений. И.А. Морозов, как известно, своего первого Пикассо «Арлекин и его подружка (странствующие гимнасты)» (1901, ГМИИ) получил, так сказать, «в придачу» за небольшую сумму в 300 франков в 1908 г., «взяв» работу и не придав ей значения, а имя художника уточнил позже, занимаясь изданием каталога своей коллекции для журнала «Аполлон» в 1911 г.³⁹ Вместе с тем, две последние покупки («Девочка на шаре» и «Портрет Амбруаза Воллара») стали основополагающими для морозовской коллекции, дополнив небольшую, но важную ее часть произведениями «розового» и кубистического периодов главного мэтра XX в., лидера мирового авангарда рубежа 1910-х, который слыл для европейцев и малой части русских продвинутых молодых мастеров фигурой, активно обсуждаемой и самой дискуссионной. В России его имя в этот период воспринималось как провокативное. Вместе с тем художники авангардного толка (В.В. Кандинский, М.М. Матюшин, Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов и др.) видели в нем самого перспективного мастера.

Насколько разнообразны и противоречивы были мнения в отношении новейшего французского искусства в России в пору собирательства Ивана Морозова, трудно себе представить, если даже во Франции приобретение работ импрессионистов в государственные музеи началось в лишь в середине 1890-х⁴⁰. Проницательные соотечественники не могли найти объяснение факту отсутствия в европейских музеях полотен художников, собранных Морозовым, которые отразили «целую эпоху в истории искусства, многозначительную эпоху напряженной борьбы живописи за живопись»: «Непостижимо — музеи [Франции] все еще не могут решиться признать Сезанна! ... Скоро ... придется из Парижа ездить в Москву... в музеях Франции нет лучших произведений Мане и первых импрессионистов, а то немногое что есть, почти всегда случайные дары жертвователей»⁴¹. Всё самое важное, произошедшее во французском искусстве в последней трети XIX — первом десятилетии XX в., расплылось по частным коллекциям Европы, и Морозовское собрание стоит в этом ряду на одном из первых мест, заключал критик в 1912 г.⁴²

В русле сказанного неслучайно участие Морозова во второй половине 1900-х — 1910-е гг. в важных художественных проектах, кото-

---

³⁹ Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. Коллекции. С. 134.

⁴⁰ Тугенхольд Я. Французское искусство и его представители. С. 53.

⁴¹ Маковский С. Указ. соч. С. 6.

⁴² Там же.

рые, несомненно, способствовали как расширению его эстетических горизонтов, так и просвещению публики в России и в Европе.

В 1906 г. Иван Абрамович в числе меценатов вместе с С.С. Боткиным, В.О. Гиришманом, В.В. фон Мекком и др. поддержал частную инициативу С.П. Дягилева в Осеннем салоне Парижа по продвижению русского искусства в Европу. Легендарная ретроспективная выставка отечественного искусства прошла в Гран Пале. Ее целью стало знакомство публики с русским искусством от икон до современности. В сокращенном виде она побывала в Берлине и Венеции (1907). Качество отбора произведений, проведенного с высочайшим знанием дела, было отмечено многочисленной критикой. На эту выставку Морозов представил работы из своего собрания — Коровина, Борисова-Мусатов, Головина и др. и приобрел с нее же несколько ярких произведений отечественных мастеров («Мартовский снег» Грабаря (1904), «Портрет Ф.И. Шаляпина» К. Коровина (1905, обе — ГТГ). За участие в этом проекте он был избран почетным членом Осеннего салона и награжден орденом Почетного легиона.

Яркое выступление русского искусства на международной арене имело оглушительный успех и дало серьезный повод поразмышлять об особенностях русского художественного мировоззрения и его встраивании в европейский контекст, о чем не мог не задумываться Морозов. «Наша живопись уже принадлежит общему потоку живописи всеевропейской», — таков важный итог дягилевской выставки в Париже, названной П.П. Муратовым «надежнейшим из всех мостов» в европейское искусство⁴³.

В 1910-м Морозов становится участником другого знакового выставочного проекта, выступив членом комитета по его организации. Эта выставка вошла в историю русской художественной культуры под названием «Сто лет французской живописи (1812–1912)». Она была организована зимой 1912 г. в Петербурге журналом «Аполлон» и Французским институтом и по существу явилась выражением комплекса художественных идей, бытовавших в Северной столице⁴⁴ вокруг этого издания, призывавшего к «строгости исканию красоты», к «сильному жизненному искусству за пределами болезненного распада духа и лженоваторства», к «непримиримой борьбе... со всяким посяганием на хороший вкус»⁴⁵. Центральной задачей строителей

---

⁴³ *Муратов П.* О живописи // Перевал. Журнал свободной мысли. 1906–1907. № 5. С. 40.

⁴⁴ В ее состав было включено более тысячи произведений, она стала самой обширной из всех экспозиций французского искусства за пределами Франции.

⁴⁵ *Маковский С.* Вступление [к № 1 журнала «Аполлон»] // Маковский С. Портреты современников. М., 2000. С. 583.

была демонстрация главных художников XIX столетия и установление преемственности современных течений со славным прошлым французского искусства. При этом организаторы декларировали отказ от включения произведений официального академического или салонного направления. Свое внимание они сосредоточили не на истории живописи, скульптуры, рисунка в целом, а исключительно на творчестве «художников-вожаков», которые в свое время открывали новые пути в искусстве. Их выбор был достаточно характерен для эпохи Серебряного века: от Давида и Энгра к Коро, Домье, Курбе, и далее — к Моне, Ренуару, Сезанну и Гогену. Другими словами, на выставке были показаны произведения классицизма, романтизма, реализма, барбизонской школы, и, наконец, импрессионизма и постимпрессионизма. Устроителям выставки было важно, в том числе, продемонстрировать, как формировалось в искусстве в недрах самой Академии противостояние ей и старым традициям и как бунтари со временем превращались в классиков. Во вступительном слове Н.Н. Врангель и С.К. Маковский подчеркнули свое желание подвести «итоги французской живописи за XIX столетие». В их осознанном отказе от экспонирования художников, принадлежащих всецело XX в., была скрыта программа журнала, ориентированного на классические традиции, на постепенность и равновесность в освоении приемов больших стилей. Такой подход в свою очередь выявил непринятие радикальных новаторов в лице молодежи, следовавшей за Пикассо, к тому же в экспозицию не были включены мастера, не являющиеся по происхождению французами (Ван Гог, Пикассо и др.)⁴⁶.

В продолжение политики журнала «Аполлон», вслед за этой громкой выставкой вышла в свет значимая публикация Сергея Маковского «Французские художники из собрания И.А. Морозова»⁴⁷ с полным каталогом частного московского собрания французского искусства и 52 черно-белыми репродукциями. Это первая статья, анализирующая французское искусство из морозовской коллекции. В статье подчеркивалась ценность и уникальность собрания, также важность для «всякого понимающего современного искусства...». С. Маковский дал емкое определение коллекции, назвав ее «музеем личного вкуса», подчеркнув определенные владельческие «пристрастия». Он отметил, что в ней «изысканно представлены избранные» — ставшие к этому времени уже именитыми импрес-

---

⁴⁶ Выставка «Сто лет французской живописи (1812–1912)», устроенная журналом «Аполлон» и Institut français a St. Pétersbourg: каталог. СПб., 1912. С. 14.

⁴⁷ Маковский С. Французские художники из собрания И.А. Морозова. С. 5–16.

сионисты — от Моне, Ренуара, Сислея, Писсаро, Дега — до их последователей — Сезанна, Ван Гога (был включен, несмотря на свое происхождение), Гогена — и преемников — Боннара, Синьяка, Марке, Фриеза, «вплоть до Матисса и “дикой“, склонной к кубизму молодежи»⁴⁸. Отделив современных вожаков от «прославленных учителей», он тем самым продолжил в своем очерке политику журнала и констатировал состоявшуюся «канонизацию»⁴⁹ Моне и Ренуара, которая еще полтора десятилетия назад казалась невысказанной. Напомним: после экспонирования в 1896 г. на Французской выставке в Петербурге и Москве⁵⁰ знаменитая картина Клода Моне «Сток сена на солнце» (1891, Кунстхаус, Цюрих) перевернула представления многих отечественных художников о задачах живописи. Тогда русская живопись была потрясена отказом от предметности, сотворенным импрессионистами. С той прославленной выставки прошло 15 лет, и на рубеже 1910-х сложилась уже иная ситуация. На арену выходили молодые авангардисты.

Между двумя датами — 1906 и 1912 гг. — по существу происходила наиболее активная фаза коллекционирования Морозовым французских авангардистов, называемых сегодня постимпрессионистами, которые и оказали самое непосредственное влияние на судьбы русского левого радикального искусства. Тогда же была сформирована основная часть коллекции. В 1906 г. Иван Абрамович приобрел большую группу произведений разной стилиевой направленности. В его коллекцию вошла первая работа полюбившегося ему впоследствии члена художественной группы «Наби» Мориса Дени. Позже его декоративные полотна, сочетавшие реальность и фантазии, античность и современность, украсят музыкальную гостиную особняка Морозова на Пречистенке. Тогда же он приступил к покупке фовистов, составивших полную противоположность представителям символизма и группе «Наби». Купленная в 1906 г. картина Синьяка («Весна в Провансе», 1903, ГМИИ), выделялась открытым чистым цветом и выдавала движение мастера в сторону дивизионизма.

Для узкого круга особо одаренных ценителей искусства значение прославленного триумвирата «Сезанн, Гоген, Ван Гог», названных в 1910 г. постимпрессионистами, стало очевидно в 1900-е, а может быть и раньше. Каждый из этих мастеров обрел свой индивидуаль-

---

⁴⁸ Там же. С. 5.

⁴⁹ Там же. С. 6.

⁵⁰ См.: *Доронченков И.* «...почва ... для вечного движения вперед». Как в России понимали и не понимали импрессионизм // *Импрессионизм в авангарде.* [Каталог выставки.] М., 2018. С. 17.

ный путь в искусстве, сделав решительный шаг по пути преодоления импрессионистского метода, совершив перестройку общепринятой живописно-пластической системы в пользу чистой живописности. Если вначале пути в искусстве каждого из них, точнее при жизни, их почитали за изгоев, гениев-одиночек, и только тонкие любители живописи сумели оценить их по достоинству, то уже спустя два-три десятилетия, в 1908 г., Грабарь назвал их классиками, «дедами и отцами новейшего поколения»⁵¹.

Первым из этой «тройки» в системе эстетических предпочтений Морозова стоит Поль Сезанн — один из самых любимых его художников, в чем-то близких коллекционеру в понимании задач искусства. Посетив две персональные выставки «отшельника из Экса», одну в 1904, вторую в 1907 г., после смерти мастера, Морозов наметил к приобретению ряд работ, которые выстраивались в стройную эволюцию его творчества: от ранних (в интерьере) поисков до последнего «голубого» — пейзажа, который коллекционер выискивал, ждал его «освобождения» на рынке несколько лет. Морозов предпочитал пейзаж, и в сезанновском блоке произведений коллекции преобладал именно этот жанр. Между тем первой покупкой среди работ Сезанна стал «Натюрморт с драпировкой» (1894–1895, ГЭ), а в одну из последних поездок в Париж он купил два ранних интерьера. Избранные коллекционером работы отличает гармоничность, ясность, конструктивность композиции и особая звучность колорита. Иван Абрамович приобрел 19 произведений Сезанна, собранные вместе в его московском музее на Пречистенке они составили самый ценный раздел, в особенности с точки зрения его влияния на пластические поиски соотечественников. «Русскими» или «московскими сезаннистами» называли, прежде всего, мастеров объединения «Бубновый валет», в который в разные годы входили И.И. Машков, П.П. Кончаловский, А.В. Куприн, А.В. Лентулов, Р.Р. Фальк, В.В. Рождественский, М.Ф. Ларионов, Н.С. Гончарова и др. Многие их работы вошли в коллекцию Ивана Абрамовича.

Вторым по значению в собрании Морозова стоит назвать Поля Гогена, 11 произведений которого раскрыли его путь в искусстве, причем коллекционер с особым интересом следил за появлением каждой новой публикации о художнике. Как и с Сезанном, Иван Абрамович, посетив в 1906 г. посмертную выставку художника, отметил в каталоге ряд работ для приобретения. Ему потребовалось некоторое время на обдумывание, и к 1910 г. монография Гогена уже сложилась. В ней отражены натюрморт, пейзаж, жанр, среди

---

⁵¹ *Грабарь И.Э.* Салон «Золотого руна» // *Весы.* 1908. № 6. С. 93.

них — пять безусловных шедевров («Цветы Франции», 1891, ГМИИ; «Женщина, держащая плод», 1893, ГЭ; «Кафе в Арле», 1888, ГМИИ; «Великий Будда», 1899, ГМИИ; «У подножия горы», 1892, ГЭ). Неготропливая жизнь далекой Океании, экзотических тропиков, поражающих европейцев непривычной яркостью синих деревьев и красных небес, неожиданное соединение наива, медитативности, непривычной декоративности обезоруживала и возмущала современников, но не молодых русских художников, которые умели восхищаться и оценили неординарность, нестандартность пластического взгляда на мир, солидаризуясь с найденной привлекательностью неевропейских цивилизаций, миром почти первобытных людей. Русская критика пыталась разобраться в притягательности Гогена и нового искусства. Игорь Грабарь признал: «Во всей истории искусства, может быть, не было художника, обладавшего большей дерзостью и решительностью, чем Гоген»⁵². Николай Гумилев констатировал, что «Поль Гоген ушел не только от европейского искусства, но и от европейской культуры. Его преследовала мечта о будущей Еве, идеальной женщине грядущего...»⁵³. Максимилиан Волошин, полагал, что «Гогену не нужно было философского камня. Он любил простое, реальное, конкретное, человеческое. Он любил вещество и его формы, а не идею. Он искал вовсе не новой живописи, а новых ликов жизни»⁵⁴. С.К. Маковский в своем видении вступал в противоречие с предыдущими рецензентами, пытаясь дать собственное объяснение катаклизмам, потрясших искусство живописи в конце XIX столетия: «Новое искусство не выносит утонченного — оно пресытилось им... морозовское собрание превосходно иллюстрирует искусство Гогена... Краски составляют большую часть прелести Гогена... Краски, каких давно не знала европейская живопись, потому что в течение веков она была чужда декоративности... Недаром из Европы, от цивилизации умеренности, от робких идеалов, потянуло Гогена в варварские экзотические края... на “Острова блаженных”, где ослепительна роскошь природы и прекрасен первобытный человек, словно сошедший с фрески древнего храма в сказочное царство пальмовых рощ, радужнокрылых колибри, прибрежных изумрудов, сапфировых небес... И разве все эти пейзажи с павлинами и женщинами... не таинственная сказка художника-философа о гармоничном человеке, овеванном близостью Бога?»⁵⁵.

⁵² Грабарь И. По европейским выставкам // Мир искусства. 1904. № 8-9. С. 161.

⁵³ Н.Г. [Н. Гумилев]. Два Салона // Весы. 1908. Май. С. 103.

⁵⁴ Волошин М. Новые устремления французской живописи // Золотое руно. 1908. № 7-9. С. X.

⁵⁵ Маковский С. Страницы художественной критики. В 3-х кн. Кн. 3. СПб., 1913. С.178–179.

В истории московского коллекционирования «иконостас Гоге-на», собранный С.И. Щукиным из 16-ти картин, считается одним из главных его шедевров. Однако, по словам А. Барра, крупного американского историка искусства, посетившего в конце 1920-х Москву, его более впечатлило собрание морозовских «гогенов». Дискуссия о том, чьи «гогены» лучше, а стало быть, чей выбор знаменательнее: революционно мыслящего Щукина или эволюционно строящего свое собрание Морозова, останется навсегда открытой.

Творчество Винсента Ван Гога только в первые годы XX в.⁵⁶ начало широко привлекать европейских коллекционеров, маршанов, критиков и публику. Не все специалисты причисляли его к французскому искусству, ряд критиков прозревали в нем натуру фламандскую, разнящуюся с заданным вектором истории искусства, ориентированным на «франкоцентризм» в истории ранневропейского модернизма. В библиотеке И. Морозова нашлись последние издания по истории современного искусства⁵⁷, в которых творчество Ван Гога рассматривалось в рамках новаторства, а его оригинальная стилистика (фактурный мазок, колорит) прямо связывалась прежде всего с психоэмоциональным переживанием. Морозов приобрел пять картин мастера. «Художником души» и «мучеником творческого пламени» назвал Ван Гога один из серьезнейших критиков Серебряного века Яков Тугендхольд, сравнил его лишь с Рембрандтом и подчеркнув большую разницу в миропонимании голландского искусства и Ван Гога. Весьма примечательно, что в статье о французском искусстве, дабы сделать понятной русской публике эмоционально-насыщенную цветом живопись этого художника, Тугендхольд находит определенное родство с отечественными писателями В.М. Гаршиным и Г.И. Успенским, душевная болезнь которых привела их к самоубийству⁵⁸. Размышляя далее о природе творчества Ван Гога, Тугендхольд сближает его с «жестоким талантом» русской культуры — Достоевским», обнаруживая в них общую «жажду страдания» и «внутреннего горения», прозревая в обоих «душевный надрыв ... точно не красками, а кровью своего сердца писал он свои картины»⁵⁹.

Купив в 1909 г. в Париже «Прогулку заключенных», вряд ли Морозов задумывался о том, о чем впоследствии упоминали исследователи, ссылаясь на прочтение художником статьи, посвященной «За-

---

⁵⁶ Первого Ван Гога «Море в Сен-Мари» (1888, ГМИИ) в Россию привез Михаил Морозов в 1901 г.

⁵⁷ Брат Иван: Коллекции... С. 110.

⁵⁸ Тугенхольд. Французское искусство и его представители. С. 60.

⁵⁹ Там же.

пискам из мертвого дома» Достоевского⁶⁰, которое способствовало усилению трагического настроения сцены. Однако ряд исследователей опровергает эту точку зрения, ссылаясь на письма брату Тео, утверждая, что Ван Гог предпочитал романы Золя и не интересовался ни Достоевским, ни Ницше⁶¹. Вместе с тем, некоторая доля драматизма, связанная с христианским мировосприятием Достоевского, разумеется, улавливается в этом полотне.

Посещение больших ретроспективных выставок, разумеется, влияло на выбор коллекционера. Спустя некоторое время после осмотра выставки Клода Моне (1906) он приобрел намеченные к покупке произведения («Бульвар Капуцинок в Париже», «Сад в Монжероне» (1875) и «Сток сена в Живерни» (1886, оба — ГЭ). После первой выставки фовистов в Париже (1905), Морозов выказал живой интерес к «диким» и начал планомерно покупать Матисса, Дерена, Мангена, Вальта, Фриеза. Первым поступлением в 1906 г. стало полотно «Купальщицы» Мангена (1906, ГМИИ), затем «Баржи на Сене» Вламинка (1905–1906, ГМИИ) и «Просушка парусов» Дерена (1905, все — ГМИИ).

В год знакомства с Матиссом (1908) Морозов купил один из его ранних натюрмортов «Синий горшок и лимон» (ок. 1896–1897, ГЭ), ставший его первым приобретением в коллекции. Этот натюрморт был связан с большим произведением мастера «Десертный стол», которое было опубликовано на страницах журнала «Мир искусства» в 1904 г. Именно с него началось в России знакомство с творчеством художника⁶². Всего в коллекцию войдет пять полотен этого жанра. С момента знакомства с Матиссом при посредничестве Сергея Щукина Морозов будет заказывать картины ему лично.

И не то чтобы у Ивана Абрамовича во второй половине 1900-х утрачивается интерес к импрессионистам, нет, конечно, покупки продолжались. Однако далеко не случайны его слова, брошенные им в 1908 г. о знаменитом торговце импрессионистами, с которого он начал свое собирательство. Они освидетельствовали о происшедшей смене приоритетов в предпочтениях коллекционера: «У Durand-Ruel положительно ничего нет, скука невозможная»⁶³. Около этого времени он отказался от трех работ Моне, Ренуара и Сислея, видимо, «чистил» свою галерею. В том же 1908 г. в его коллекцию вошло несколько «гогенов», «сезаннов», «Хижины» (1890, ГЭ) Ван Гога. В сле-

⁶⁰ Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 209.

⁶¹ Ваутер В. ван дер. Страстный книголюб: Ван Гог и литература // Мир Ван Гога. М., 2003. С. 56.

⁶² Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 402.

⁶³ ОР ГТГ. Ф. 10. Ед. хр. 4325.

дующем году в собрание поступили «Прогулка заключенных» (1890) и «Красные виноградники в Арле» (1888); также приобретен «Пейзаж в Овере после дождя» (1890, все — ГМИИ), по совету Мориса Дени.

Говоря о русском контексте новейшего французского искусства, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство художественной жизни тех лет, несомненно, оказавшее определенное влияние на восприятие французского искусства и, конечно, на процессы коллекционирования.

При иллюстрированном московском журнале «Золотое руно» (1906–1909), тесно связанном с судьбами символизма в России и отражавшем все значимые явления современной художественной жизни страны, печатались в том числе статьи, прежде всего по новейшей (постимпрессионистической) французской живописи, часто еще непонятой и нецененной по достоинству. При журнале, важно подчеркнуть, было организовано несколько художественных выставок «Салон Золотого руна» с масштабным включением европейской живописи. Однако первой выставкой журнала стала в 1907 г. выставка символисткой «Голубой розы». А в 1908–1910 гг. в Москве громко прошли смелые выставки журнала «Золотое руно» с участием французских художников. В каталоге второй выставки была сформулирована цель проекта, названная «двойкой». Во-первых, «путем сопоставления русских и западных исканий ярче осветить особенности развития молодой русской живописи и ее новые задачи»⁶⁴; во-вторых — «подчеркнуть черты общие русскому и западному искусству, т.к. при всем различии национальных психологий (французы — более сенсуалисты, у русских художников больше одухотворенности), новые искания молодого искусства имеют некоторые общие психологические основы. Здесь — преодоление эстетизма и историзма, там — реакция против неоакадемизма, в который выродился импрессионизм. Если родоначальниками этого движения во Франции были Сезанн, Гоген и Ван Гог, то первый толчок в России был дан Врубелем и Борисовым-Мусатовым»⁶⁵.

На первой выставке «Золотого руна» (1908) французский раздел доминировал по количеству привезенных полотен, на второй (1909) был достигнут баланс французского и русского искусства. Здесь экспонировались импрессионисты (Писсаро, Дега, Ренуар, Сислей и др.), мастера группы «Наби» (Морис Дени, Боннар, Руссель и др.), фовисты (Матисс, Дерен, Ван Донген, Манген, Вальта, Фриез и др.),

---

⁶⁴ Каталог выставки картин «Золотое руно». М., 1909. С. 4.

⁶⁵ Там же.

не получившие еще признания на родине, и конечно — уже к тому времени прославленные Сезанн, Ван Гог, Гоген.

Весьма показательно, что французское искусство, в самом последнем современном изводе второй половине 1900-х гг. прибыв в Москву, стало доступно для изучения узкому кругу художников и для приобретения — избранным любителям. До этого времени московские коллекционеры Щукин и Морозов не получали «внутренней поддержки»: привлекавшие их произведения западного искусства практически не ввозились на российский художественный рынок и не были знакомы зрителю. С первой выставки «Золотого руна» в Москве тогда, в 1908 г. Морозов купил один из шедевров Ван Гога «Ночное кафе» (1888).

Во второй половине XIX в. западное и отечественное искусство представлялись далекими друг от друга явлениями, и если в некоторых коллекциях европейское и русское соединялись в пространстве особняка, то размещались в разных залах, никак не претендуя на взаимодействие или диалог (у Д.П. Боткина, С.М. Третьякова, К.Т. Солдатенкова и др.). В русле принятой традиции развески живописи разных стран действует и Иван Морозов. В его особняке во второй половине 1900-х русское искусство было размещено на первом этаже, а французское — на втором, бельэтаже. Это подтверждается свидетельством Мориса Дени, приехавшего в Москву в январе 1909 г., оставившего короткие записи в своем дневнике о том, как ему пригласились Сомов, Врубель, Головин и «тонкий пейзажист Левитан»⁶⁶. Этюды последнего украшали морозовский кабинет. «Весь верхний этаж громадного дома был отдан картинам французов, а русские помещены в нижнем этаже. Там Врубель, Левитан, Кустодиев, Остроухов, Серов, Сомов, Головин, Сапунов, я, Грабарь, Юон и целый зал замечательного художника Константина Коровина. И Крымов — этот чудесник! Коненков — мрамор и дерево»⁶⁷, — вторит Сергей Виноградов в своих воспоминаниях, написанных уже в годы эмиграции в 1930-е гг.

На рубеже XIX–XX вв. сопряжение искусства живописи разных стран сначала в журнальной периодике, затем и в выставочной деятельности способствовало на первых порах простому взглядыванию, затем стало все более пристальным и серьезным, закладывая основу для более тесного и обоюдного контакта и взаимопроникновения. К происходящему современники отнеслись, как и положено, скеп-

---

⁶⁶ Цит. по кн.: *Семенова Н. Братья Морозовы. Коллекционеры, которые не торгуются?* М., 2019. С. 167.

⁶⁷ *Виноградов С. Пржежня Москва: Воспоминания.* Рига, 2001. С.117.

тически: одни обвиняли не только французов, но и молодых русских в чужеродных и примитивных заимствованиях и подражаниях, но были и другие, кто видел и находил преемственность в пластических экспериментах, презентуя их в качестве новаторских. Единицы осознавали, что новейшая французская живопись становится катализатором современного художественного процесса в России, в конечном счете являя русскую живопись в самых разных ее ипостасях, будь то импрессионизм, символизм, экспрессионизм, и, наконец, — авангард. К таким немногим современникам, безусловно, относился Иван Морозов.

Произведения многих русских мастеров, из тех, кто экспонировался на второй и третьей выставках «Золотого руна», впоследствии оказались в его собрании: П.В. Кузнецов, П.С. Уткин, Н.Д. Милитотти, М.С. Сарьян, М.Ф. Ларионов, Н.С. Гончарова, И.И. Машков, А.В. Куприн и др. На третьей выставке 1909–1910 гг. были представлены только отечественные художники, среди них — голуборозовцы, хранившие верность утонченной эстетике символизма, а также молодые авангардисты, представившие радикальный срез современного искусства, пропитанного духом фовизма и постимпрессионизма (И.И. Машков, П.П. Кончаловский, А.В. Куприн, Р.Р. Фальк и др.). Прошло менее года, как они вместе с Ларионовым, Гончаровой, Лентуловым, Кандинским и Малевичем организовали оглушительную по воздействию на профессиональную среду и широкую публику выставку «Бубновый валет» (конец 1910 г.), ставшую первым выходом поколения авангардистов, смело заявивших о крутом и неотвратимом переломе в русском искусстве 1910-х гг.

Естественно, что рождающийся авангард во второй половине 1900-х возбуждал самые противоречивые реакции. Как отнесся к происходящим изменениям Морозов? В год первой выставки «Бубнового валета» (1910) он участвовал в выставочном проекте журнала «Аполлон», продолжившего стратегию своего предшественника «Мира искусства» и продвигавшего «классическое» французское искусство, ограниченное живописью XIX столетия. Был ли солидарен Иван Абрамович с политикой журнала? Соглашался ли также и с мирискусником А.Н. Бенуа, мечтавшим о «парнасском симбиозе, гармонии контрастов, многообразии в едином»⁶⁸, участвуя в поддержке журнала? Как воспринимал сетования признанного критика, писателя и переводчика Павла Муратова, высказывавшего тоску по поэтическому началу? За тонкой декоративностью и «невиданными

---

⁶⁸ Бенуа А. Возникновение «Мира искусства». Л., 1928. С. 56.

пожарами красок»⁶⁹ Муратову приоткрывалась пустота французского искусства, которая его страшила своей неизвестностью. Он был немало озадачен будущим искусства: «... будет ли завтрашний день дождлив или ясен...»⁷⁰.

На эти вопросы коллекционер Морозов ответил рядом крупных и знаковых приобретений. Похоже, независимого Ивана Абрамовича дерзость «диких» не испугала. Именно в эти годы — 1907–1909 — он все более активно увлекается их произведениями, не обращая внимания на растерянность многих авторитетных отечественных критиков.

Со второй половины 1900-х гг. происходит своего рода поворот в стратегии коллекционера: заметно сокращается временной разрыв от момента создания картины автором до ее приобретения коллекционером, другими словами, ему не требуется времени на раздумывание — Морозов приобретает самое актуальное. Конечно, он продолжает охотиться за ранним Сезанном, формируя его монографию, или увлеченно ищет редкого Гогена. Он по-прежнему интересуется художниками-набидами — Морисом Дени (заказ панно в 1907 г.), Боннаром (заказ панно в 1910 г.), Русселем, Вьюаром, но не гнушается и современными фовистами (Вальта, Фриез, Дерен, Матисс и др.), приобретая их произведения чуть ли не в год создания.

В тот же период 1907–1909 гг. Морозов совершает ряд крупных, важных для будущего развития русского искусства приобретений отечественных художников самого последнего толка: от нежно-символистских произведений представителей объединения «Голубая Роза» до наивно-примитивистских картин Ларионова и Гончаровой. Большую часть работ он выбирает с выставок журнала «Мир искусства», «Золотое руно» и Союза Русских художников⁷¹. В русле сказанного, важно заметить, что художники достаточно свободно экспонировали свои картины на площадках самых разных объединений, не особенно придерживаясь тех или иных кружковых связей и аффилиаций. Так, например, в 1908–1909 гг. Иван Абрамович приобрел «У гранатового дерева» М.С. Сарьяна (1907)⁷², «Любители бури»⁷³ П.С. Уткина (1908), «Цветущий сад в

---

⁶⁹ Муратов П. Указ. соч. С. 42.

⁷⁰ Там же. С. 44.

⁷¹ Квитанции и расписки на приобретение И.А. Морозова произведений русского искусства // ОР ГМИИ. Коллекция XII. Ед. хр. 15–17.

⁷² Приобретено в июне 1908 г. на выставке «Салон “Золотого руна”» в Москве (Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 550).

⁷³ Приобретено в 1908 г. на выставке «Салон «Золотого руна» за 400 руб. (Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 556).

Бахчисарае» П.В. Кузнецова (1907)⁷⁴, «Пионы» (1908)⁷⁵ и «Сельская ярмарка» С.В. Малютина (1907)⁷⁶, «Сад весной. Весенний пейзаж» (1905, ГТГ)⁷⁷, «Яблоня после дождя» («Цветущая яблоня», 1906)⁷⁸ М.Ф. Ларионова и «Ночной праздник» (1909, СГХМ) Н.Н. Сапунова и т.д. Две работы Н. Гончаровой — «Зима. Мальчишки на коньках» (1908)⁷⁹, «Фруктовый сад осенью» (1909, обе — ГТГ)⁸⁰, — по видимому, были приобретены с ее персональной выставки 1913 г. А знаменитый натюрморт И.И. Машкова «Натюрморт. Фрукты на блюде» (1910, ГТГ) попал в коллекцию с Осеннего салона в Париже 1910 г. по рекомендации В.А. Серова: «Очень неплох был наш московский Матисс-Машков — серьезно. Его фрукты весьма бодро и звонко написаны»⁸¹, — писал художник коллекционеру. Процесс принятия творчества Матисса даже Серовым прошел несколько стадий, прежде чем был исполнен знаменитый «Портрет И.А. Морозова» на фоне натюрморта Матисса (1910, ГТГ), в котором исследователи усматривают своего рода конкуренцию русского мастера с признанным мэтром французского фовизма.

Соотношение французского и русского искусства в коллекции Ивана Абрамовича по подсчетам разных специалистов колеблется, но совершенно точно, что русское превосходило числом едва ли не в два раза французское: 430 русских и 240 французских работ — такова статистика, данная самим коллекционером спустя год после отъезда из России в 1919 г.⁸²

История приобретений русской части коллекции Морозова не столь подробно изучена и прослеживается с трудом из-за меньшего

---

⁷⁴ Приобретено в 1908 г. на выставке Союза русских художников в Москве за 350 руб. (Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 547).

⁷⁵ Приобретено 3 февраля 1909 г. на выставке Союза русских художников вместе с полотном «Ночной праздник» за 800 руб. (Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 553–554).

⁷⁶ Приобретено в 1908 г. на выставке Союза русских художников за 800 руб. (Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 531).

⁷⁷ Приобретено в июне 1908 г. на выставке «Салон “Золотого руна”» в Москве за 100 руб. (Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 560).

⁷⁸ Приобретено в начале 1909 г. на VI выставке Союза русских художников в Москве за 350 руб. (Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 562).

⁷⁹ Картина приобретена на выставке произведений художника в 1913 г. за 200 руб. (ОР ГТГ Ф. 8. II. Ед. 109. Л. 110–110 об.).

⁸⁰ Приобретено осенью 1913 г. (?) на «Выставке картин Натальи Гончаровой» (Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. С. 565–566).

⁸¹ Валентин Серов в переписке, документах и интервью. В 2-х т. / Сост. И.С.Зильберштейн, В.А.Самков. Т. 2. Л., 1989. С. 238.

⁸² Собрание Морозовых. Шедевры живописи. Каталог выставки / Автор и сост. Анна Балдассари. Фонд Louis Vuitton. С. 440 (The Morozov collection: Icons of Modern Art / Foundation Louis Vuitton).

количества документального материала и тем более квитанций⁸³, так же как и крайне мало, к великому сожалению исследователей, известно о владельческой развеске коллекции.

В 1918 г. прошла национализация коллекции, И.А. Морозов был назначен помощником директора Второго музея новой западной живописи (бывшее собрание И.А. Морозова), а первый этаж особняка на Пречистенке был отдан новой властью под общежитие. Вместе с хранителем Б.Н. Терновцом коллекционер был занят инвентаризацией теперь уже музейного собрания, и тогда произошло событие, которое следовало бы назвать исключительным. Сам Морозов при участии Терновца с большой долей вероятности произвел развеску на втором этаже⁸⁴, где отныне размещалась коллекция. Сохранился ее весьма приблизительный план⁸⁵. По причине «уплотнения» экспозиции на втором этаже залы французской и русской живописи вынужденно чередовались, подробности, к сожалению, до нас не дошли, однако, был создан один зал, наименование которого раскрывает для нас очевидные сегодня сопоставления, но в конце 1910-х такой шаг, несомненно, выглядел смелым экспериментом: Дерен и «Бубновый валет». И это означает сопряжение в одном пространстве произведений упомянутых «диких», фовистов — Дерена, Матисса — и «мятежных» бубнововалетцев Машкова, Куприна и др. Таким образом, в Москве на одной из первых музейных площадок состоялась презентация панорамы новейшего искусства двух стран, их взаимовлияний, пересечений и притяжений. Они были показаны весьма убедительно, коль скоро развеска Морозова–Терновца просуществовала до 1923 г., как свидетельствует уважаемый источник⁸⁶, более того, «по воскресеньям сам Морозов водит экскурсии»⁸⁷.

Морозову едва ли не единственному из его современников удалось продемонстрировать уже в 1910-х диалог французского и русского искусства, который оказался зримым, визуально состоявшимся в его коллекции. О неоднозначном отношении к подобному рода достижениям отечественного коллекционирования свидетельствовали очевидцы в 1920-е: «Попадая в морозовскую коллекцию,

---

⁸³ В ОР ГМИИ хранится более 60 счетов на русские картины, из них 25 счетов и квитанций Союза русских художников (Брат Иван. Коллекции ... С. 41).

⁸⁴ Во время революционных событий коллекция хранилась в специальном сейфовом помещении.

⁸⁵ План картинной галереи И.А. Морозова 1918–1919 // Собрание Морозовых. Шедевры живописи... С. 462 (ОР ГМИИ).

⁸⁶ Музей нового западного искусства. Хронология. — URL: <http://www.new-estmuseum.ru/history/chronology/1918-1948/1919/index.php> (дата обращения 21.04.2024).

⁸⁷ Там же.

испытывали сначала изумление, потом разочарование, затем новое любопытство, наконец, чудесное удовлетворение перед той совершенно иной человеческой организацией... которая проявляла себя в таком собирательстве. Во-первых, открывали как какую-то Америку, что половина морозовского собрания состоит из типически русских вещей, нынешних художников, живущих художников, выставочных художников, *которых по всем российским канонам нельзя сажать за один общий стол с парижской художественной аристократией* (курсив мой. — Т.Ю.)»⁸⁸. Вопрос о влиянии Морозовской коллекции на отечественную живопись связан в первую очередь с ее доступностью и открытостью для художников, с возможностью знакомства с произведениями новейшей формации. В силу особенностей натуры (Морозов не любил публичности), он не пускал в коллекцию любопытствующих, предпочитая держаться подальше от враждебных насмешек и ироничных высказываний широкой публики, пока еще не доросшей до понимания современного искусства. Это становится очевидным в особенности при сравнении с позицией С.И. Щукина, увлеченного проведением экскурсий по своей галерее. С этим фактом вероятно связано устойчивое представление о том, что морозовская коллекция была недоступна для посетителей. Вопрос о том, насколько коллекция Ивана Абрамовича была открыта для осмотра современникам и прежде всего художникам, остается по-прежнему весьма дискуссионным, в особенности, если иметь в виду ее несомненное влияние на развитие современного русского искусства.

В последние годы опубликовано интервью И.А. Морозова, которое он дал незадолго до своей смерти в 1920 г. и в котором опровергает сложившийся стереотип о закрытости коллекции: «До революции я предоставлял свободный доступ всем любопытствующим по воскресеньям с утра, а художники и искусствоведы, соблюдая отнюдь не драконовские формальности, могли приходиться ко мне в остальные дни, кроме понедельника»⁸⁹. Эти важные свидетельства открытости коллекции Морозова профессиональной среде, прежде всего живописцам и скульпторам, позволяют говорить о более высоком уровне ее влияния на современный Ивану Абрамовичу художественный процесс.

Сегодня трудно сказать, с какого времени Морозов начал пускать в свой особняк посетителей. Можно предположить, это случилось на рубеже 1910-х гг., когда коллекция достигла своей весомо-

---

⁸⁸ Эфрос А. Человек с поправкой. Памяти И.А. Морозова. С. 2.

⁸⁹ Собрание Морозовых. Шедевры живописи. С. 441.

сти и зрелости, но не исключены и более ранние даты. Около этого времени Александр Бенуа произносит свои знаменитые слова о том, что потребуются «годы на привыкание к новой живописи, которая хранится в московских коллекциях»⁹⁰.

Как известно из писем середины 1900-х, Иван Абрамович собирал по вечерам в своем особняке живописцев, коллекционеров, но не только (в письмах упомянуты московские купцы, в одном из писем говорится о присутствии Ф.И. Шаляпина⁹¹). После смерти Михаила Морозова Иван Абрамович установил традицию так называемых «холостых» обедов. Но и после его венчания с Евдокией Кладовщиковой в 1907 г. сборы гостей продолжались в особняке на Пречистенке⁹². В воспоминаниях Петрова-Водкина, в части, посвященной учебе в МУЖВЗ (в 1897–1905 гг.), несколько слов уделено и морозовской коллекции, — стало быть, ученики также имели возможность ее посещать. Понятно, что о шукинкой коллекции сохранились более яркие воспоминания по причине экспансивности и харизматичности самого владельца. Особняк Морозова в 1910-е гг. посещали художники⁹³, знакомые с коллекционером, с которыми он состоял в переписке, которые исполняли его заказы и конечно его консультировали (В.А. Серов, С.А. Виноградов, К.А. Коровин, И.С. Остроухов, бывавший не раз у Морозова, Б. М. Кустодиев, с просьбой его допустить в коллекцию, и др.). Часто приводят письмо Д.Д. Бурлюка М.В. Матюшину в 1910-е гг., годы «воинственного самоутверждения» авангарда: «В Москве видели две коллекции французов: С.И. Щукина и И.А. Морозова. Это то, без чего я не рискнул бы начать работу. ... все старое пошло на сломку, и ах как трудно и весело начать все сначала»⁹⁴. Недавно были изданы воспоминания художника-авангардиста Алексея Грищенко, который описал свои впечатления от коллекции в особняке на Пречистенке: «...в одно воскресенье с визиткой от А.М. Васнецова [я] позвонил в красивый дом, где меня приветливо встретил богач-меценат.... Коллекция Морозова была незаурядной»⁹⁵. Дата визита не упомянута, но легко предположить, что он состоялся не ранее 1913 г., так как мемуарист сослался на «марокканский» триптих Матисса, привезенный в июне этого года в Москву.

---

⁹⁰ Бенуа А.Н. Московские впечатления // Речь. 1911. 28 января.

⁹¹ ОРГТГ Ф. 48. Ед. хр. 378.

⁹² Там же. Ед. хр. 543.

⁹³ В 1909 г. Морис Дени посещает галерею Морозова, в 1911 г. ее посещает Анри Матисс во время своего приезда в Москву (Брат Иван: Коллекции... С. 40).

⁹⁴ Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970. С. 31.

⁹⁵ Цит. по: Собрание Морозовых. Шедевры живописи. С. 440.

«Самым радикальным представителям русского авангарда его [Морозова] собрание было хорошо знакомо»⁹⁶, — утверждает Н.Ю. Семенова. Свидетельством тому стали многочисленные живописные эксперименты молодых мастеров Машкова и Кончаловского, Гончаровой и Ларионова, Фалька и Рождественского и др., так или иначе вдохновленные французскими мастерами

И все же очевидно, что те, кому удалось посетить морозовский особняк, составили весьма малочисленную группу, близкую художественным кругам. Потому в заключение хочется привести строки известного историка художественной жизни России XIX — начала XX столетия Г.Ю. Стернина, объясняющие сложившиеся закономерности: «... чем уже, объективно и субъективно, оказывалось общественное русло, по которому входило в художественную жизнь это искусство⁹⁷, тем сильнее ощущался его напор в замкнутой сфере профессионально-творческих проблем»⁹⁸.

References

Brat Ivan. *Kollektsii Mikhaila i Ivana Morozovykh. Putevoditel' po vystavke* [Brother Ivan. Collections of Mikhail and Ivan Morozov. Exhibition Guide]. Moscow: ABCdesign, 2022. 159 p.

Doronchenkov I.A. *Picasso v Rossii v 1910-ye — nachale 1920-kh godov. K vospriyatiyu istorii* [Picasso in Russia in the 1910s — Early 1920s. On the History of Perception] // *Pikasso segodnya: kollektivnaya monografiya* [Picasso Today: A Collective Monograph]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2016. P. 106–150.

Doronchenkov I. “...pochva... dlya vechnogo dvizheniya vpered”. *Kak v Rossii ponimali i ne ponimali impressionism* [“...the soil... for eternal forward movement”. How impressionism was understood and not understood in Russia] // *Impressionizm v avangarde: katalog vystavki* [Impressionism in the Avant-Garde: Exhibition Catalogue]. Moscow: Muzey russkogo impressionizma, 2018. 215 p.

Efros A. *Chelovek s popravkoy. Pamyati I.A. Morozova* [A Man with Correction. In Memory of I.A. Morozov] // *Sredi kollektionerov*. 1921. N 10. P. 1–4.

Khardzhiev N., Trenin V. *Poeticheskaya kul'tura Mayakovskogo* [Mayakovsky's Poetic Culture]. Moscow: Art, 1970. 328 p.

Makovskiy S. *Frantsuzskiy khudozhniki iz sobraniya I.A. Morozova* [French Artists from I.A. Morozov's Collection] // *Apollon*. 1912. N 3–4. P. 5–16.

The Morozov Collection: Icons of Modern Art. Exhibition Catalogue / Ed. by Anne Baldassari. Paris: Gallimard; Foundation Louis Vuitton, 2021. 524 p.

Muratov P. *O zhivopisi* [On Paintings] // *Pereval. Zhurnal svobodnoy mysli*. 1907. N 5. P. 40–44.

---

⁹⁶ Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. Коллекции. С. 135.

⁹⁷ Речь идет о коллекциях И. Морозова и С. Щукина.

⁹⁸ Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. М., 1988. С. 124.

Petukhov A. *Ivan Morozov na parizhskikh salonakh nachala XX veka. Istoriya kolleksii* [Ivan Morozov at the Parisian Salons of the Early 20th Century. A History of the Collection]. Moscow: SkanRus, 2022. 104 p.

Semenova N. *Brat'ya Morozovy. Kolleksionery, kotoryye ne torguyutsya?* [Morozov Brothers. Collectors Who Do Not Bargain?]. Moscow: Slovo, 2019. 336 p.

Semenova N. *Mikhail i Ivan Morozovy. Kolleksii* [Mikhail and Ivan Morozov. Collections]. Moscow: Slovo, 2018. 639 p.

Sobraniye Morozovykh. Shedevry zhivopisi. Katalog vystavki [Morozovs' Collection. Masterpieces. Exhibition Catalogue] / Author and compiler A. Baldassari. Paris: Fond Louis Vuitton, 2021. 524 p.

Sternin G. Yu. *Khudozhestvennaya zhizn' Rossii 1900–1910-kh godov* [Art Life in Russia, 1900–1910s]. Moscow: Iskusstvo, 1988. 285 p.

Ternovets B. N. *I. A. Morozov. Sobirатели i antikvary proshlogo* [I. A. Morozov. Collectors and Antiquarians of the Past] // *Sredi kolleksionerov*. 1921. N 10. P. 38–41.

Tugendhold J. *Frantsuzskoye iskusstvo i yego predstaviteli: sbornik statey* [French Art and Its Representatives: A Collection of Articles]. Saint Petersburg: Prosveshchenie, 1911. 350 p.

Yavorskaya N. V. *Istoriya Gosudarstvennogo muzeya novogo zapadnogo iskusstva (Moskva). 1918–1948* [A History of the State Museum of New Western Art (Moscow). 1918–1948]. Moscow: GMII imeni A. S. Pushkina, 2012. 480 p.

Yudenkova T. V. *Mikhail i Ivan Morozovy — kolleksionery russkogo iskusstva* [Mikhail and Ivan Morozov as Collectors of Russian Art] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2023. N 6. P. 171–190.

Поступила в редакцию
30 апреля 2024 г.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сноках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru). Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, адрес электронной почты автора, ORCID;
- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам и преподавателям исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОЗЛОВА Наталия Вадимовна** — доктор исторических наук, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 20.02.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 12,09. Тираж 100 экз. Изд. № 12647. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62